

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ

ВЫПУСК 13

+

Сборники „Надежда” – Христианское Чтение – составляются и редактируются в России. Издание их осуществляется при поддержке Православного Дела.

Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и, по возможности, пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство „Посев”.

Да благословит Господь Бог всех участников этого благого начинания.

*Архиепископ Антоний
Женевский и Западно-Европейский*

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 13

НАДЕЖДА

СОБРАНО И СОСТАВЛЕНО ВЕРУЮЩИМИ В СССР.

Обложка работы художника Адама Русака

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1986
Frankfurt/Main
Printed in Germany

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящее время составительница сборников „Надежда” осуждена и находится в ссылке в г. Усть-Каменец на Алтае.

Последующие сборники „Надежда” будут создаваться верующими в СССР и так же, как прежде, не будут преследовать политических и коммерческих целей. Жизнь и составление сборников „Надежда” не сможет прекратиться, так как это естественное следствие нашей Веры. Сборники „Надежда” — наша память, история, жизнь. Все последующие сборники будут безымянны, воспоминания и статьи не будут подписаны, но их авторы жили или живут в СССР.

Необходимость издавать эти сборники за границей обусловлена тем, что читаемое и волнующее православного читателя здесь, в России, должно волновать и каждого православного за рубежом, и не только русского. Когда мы ходим в одну церковь, когда мы молимся одними молитвами, когда нас волнуют одни проблемы, — это объединяет нас не только мистически, молитвенно, но и делает нас родными друг другу. Сборники „Надежда” должны быть искренним, откровенным духовным собеседником для каждого православного. В них суть — смысл того, о чем мы должны все молиться. Самое страшное в Церкви это разъединение и дробность, невыясненные проблемы, узость мировоззрения и неучастие в жизни спасения собрата. Надо быть ближе и откровеннее. Надо стремиться знать друг о друге как можно больше.

Составители последующих сборников „Надежда” низко кланяются и благодарят за духовную и материальную поддержку в продолжение этого святого начинания Архиепис-

копа Антония Женевского и Западно-Европейского и всех православных христиан за рубежом и просят молиться о Церкви и России.

Да пребудет со всеми нами Христово Единство и Братская радость.

Православные верующие в СССР

МОЛИТВА

ПРЕД ИКОНОЮ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ФЕДОРОВСКОЮ

К кому воззову, Владычице, к кому прибегну в печали моей, к кому принесу слезы и воздыхания моя, аще не к Тебе, Царице Небеси и Земли; кто исторгнет мя из тины грехов и беззаконий, аще не Ты, о Мати живота, заступнице и прибежище рода человеческого; услыши стенание мое, утеши мя и помилуй в горести моей, защити в бедах и напастях, избави от озлоблений и скорбей и всяких недугов и болезней, от враг видимых и невидимых, умири вражду стужающих мне, да избавлен буду от клеветы и злобы человеческия, такожде от своя ми плоти гнусных обычаев свободи мя. Укрый мя под сению милости Твоея, да обрящу покой и радость и от грехов очищение. Твоему матернему заступлению себе вручаю: буди мне Мати и надежда, и покров, и помощь, и заступление, и радость, и утешение, и скорая во всем помощница. О чудная Владычице! всяк притекаяй к Тебе без Твоея всесильной помощи не отходит: сего ради и аз недостойный к Тебе прибегаю, да избавлен буду от внезапныя и лютыя смерти, скрежета зубнаго и вечнаго мучения, Небесное же Царствие получиши сподоблюся и Тебе во умилении сердца реку: Радуйся, Мати Божия, предстательнице и заступнице наша усердная, во веки веков.

**ИЗ ТВОРЕНИЙ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
ОТЦА НАШЕГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО,
АРХИЕПИСКОПА
КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКИЯ**

НРАВСТВЕННЫЕ ПРАВИЛА

**Правило 3. О любви к Богу и о том,
какой ее признак**

Глава 1. По засвидетельствованию Господа, первая и большая заповедь в Законе — любить Бога всем сердцем, а вторая — любить ближнего, как себя самого.

(Матф. 22, 37-39) „Иисус же рече ему: возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всею мыслию твоею. Сия есть первая и большая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе”.

Глава 2. Не соблюдать заповедей Христовых значит не любить Бога и Христа Его; а признак любви — соблюдение заповедей Христовых, в терпении страданий Христовых, даже до смерти.

(Иоан. 14, 21, 24) „Имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя. Не любяй Мя словес Моих не соблюдает”. (15, 10) „Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже

Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви”. (Рим. 8, 35–37) „Кто ны разлучит от любве Христовы? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения”. (Псал. 43. 23) „Но во всех сих препобеждаем, за Возлюбльшаго ны”, и прочее.

Правило 4. Что такое — честь Богу, и что — бесчестие

Глава. Читит и прославляет Бога, кто исполняет волю Его; а бесчестит Бога, кто преступает закон Его.

(Иоан. 17, 4) „Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю”. (Матф. 5, 16) „Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех”. (Фил. 1, 10-11) „Да будете чисти и непреткновенни в день Христов, исполненни плодов правды Иисус Христом, в славу и похвалу Божию”. (Рим. 2, 23) „Иже в законе хвалишися, преступлением закона Бога безчестуеши”.

Правило 5. О взаимной любви друг к другу и о свойствах ея

Глава 1. Очистившись от всякой ко всем ненависти, должно любить и врагов, а за друзей, когда потребует сего нужда, полагать душу, имея такую же любовь, какую возымел к нам Бог и Христос Его.

(Матф. 5, 43—44) „Слышасте, яко речено есть „древним“: возлюбихи искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша”. И вскоре потом (48): „Будите убо вы совершенни, якоже Отец ваш небесный совершен есть”. (Иоан. 3, 16) „Такое бо возлюби Бог мир, яко Сына Своего Единороднаго дал есть”. (15, 12—13) „Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы. Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя”. (Лук. 6, 35—36) „И будете сынове Вышняго, яко Той благ есть на неблагодарныя и злыя. Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть”. (Римл. 5, 8) „Составляет же свою любовь к нам Бог, яко, еще грешником сущим нам, Христос за ны умре”. (Ефес. 5, 1—2) „Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная: и ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде Себе за ны приношение и жертву Богу”.

Глава 2. Признак учеников Христовых — взаимная друг к другу любовь во Христе.

(Иоан. 13, 35) „О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою”.

Глава 3. Сделать какой-либо вред ближнему или оскорбить его к ущербу веры, хотя бы поступок по особенной какой причине дозволяем был Писанием, значит не иметь Христовой любви к ближнему.

(Рим. 14, 15) „Аще же брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши. Не брашном твоим того погубляй, за негоже Христос умре”.

Глава 4. Христианин, по мере сил, всеми способами должен смягчать того, кто огорчен против него.

(Матф. 5, 23—24) „Аще убо принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать

нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой". (1 Кор. 4, 12–13) „Укоряеми, благословляем: гоними терпим: хулими, молим”.

Глава 5. Кто любит по Христе, тот любимаго им иногда и огорчает к его же пользе.

(Иоан. 16, 5–7) „Ныне же иду к Пославшему Мя, и никтоже от вас вопрошает Мене: камо идеши? Но, яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша. Но Аз истину вам глаголю: уне есть вам, да Аз иду”. (2 Кор. 7, 7–9) „Яко ми паче возрадоватися, яко аще и оскорбих вас посланием, не раскаяюся, аще и раскаялбыхся: вижду бо, яко послание оно, аще и к часу, оскорби вас. Ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся в покаяние: оскорбесте бо по Бозе, да ни в чем же отщтитесь от нас”.

Правило 10. Какой конец греха и какой конец заповеди Божией

Глава 1. Конец греха — смерть.

(Иоан. 3, 36) „А иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем”. (Рим. 6, 20–21) „Егда бо раби бесте греха, свободни бесте от правды. Кий убо тогда иместе плод, о нихже ныне стыдитесь? Кончина бо оних смерть”. И вскоре потом (23): „оброцы бо греха, смерть”. (1 Кор. 15, 56) „Жало же смерти, грех”.

Глава 2. Конец заповеди Божией — жизнь вечная.

(Иоан. 8, 51) „Аминь, аминь глаголю вам: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки”. (12, 49–50) „Но пославый Мя Отец, Той

Мне заповедь даде, что реку и что возлаголю: и вем, яко заповедь Его живот вечный есть”. (Рим. 6, 22) „Ныне же свободшеся от греха, порабоцшеся же Богови, имате плод ваш во святыню: кончину же жизнь вечную”.

Правило 28. О различении людей добрых и недобрых

Глава. Не должно просто и без изследования увлекаться людьми, которые носят на себе личину истины, но надобно узнавать каждого по признакам, какие даны в Писании.

(Матф. 7, 15–16) „Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть волцы, хищницы. От плод их познаете их”. (Иоан. 13, 34) „О сем разумеют вси яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою”. (1 Кор. 12, 3) „Темже сказую вам, яко никтоже Духом Божиим глаголя, речет анафема Иисуса”.

Правило 40. О преподающих новыя учения

Глава. Не должно терпеть преподающих новыя учения, хотя они и притворяются, к обольщению и убеждению нетвердых.

(Матф. 24, 4–5) „Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще, яко аз есмь Христос: и многи прельстят”. (Лук. 20, 46–47) „Внемлите себе от книжник, хотящих ходити во одеждах, и любящих целования на торжищах и председания на сонмищах, и преждевозлежа-

ния на вечерях, иже снедают дома вдовиц и лицемерно надолзе молятся. Сии примут лишше осуждение". (Гал. 1, 8—9) „Но и аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет: якоже предрекохом, и ныне паки глаголю: аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет”.

Правило 41. Об отсечении соблазнительей, и о пощаде тех, которые более немощны

Глава 1. Должно отсекаать все соблазняющее, хотя оно, по-видимому, весьма близко к нам и необходимо для нас.

(Матф. 18, 7—9) „Горе человеку тому, имже соблазн приходит. Аще ли нога твоя, или рука твоя соблажняет тя, отсецы ю и верзи от себе: добрейше ти есть внити в живот хрому или бедну, неже две руце и две нозе имущу, ввержену быти во огнь вечный. И аще око твое соблажняет тя, изьми е, и верзи от себе”.

Глава 2. Тех, которые более немощны в вере, должно щадить, и тщательно возводить их к совершенству; впрочем щадить, без нарушения заповеди Божией.

(Матф. 12, 20—21) „Трости сокрушенны не преломит, и лена внемшася не угасит: дондеже изведет в победу суд. И на имя Его языцы уповати имут”. (Рим. 14, 1) „Изнемогающаго же в вере приемлите”. (Гал. 6, 1—2) „Аще и впадет человек в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте таковаго духом кротости, блюдый себе, да не и ты искушен будеши. Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов”.

Правило 43. О различии заповедей Закона и Евангелия

Глава 1. Как Закон запрещает худые поступки, так Евангелие запрещает самые сокровенные страстные движения в душе.

(Матф. 5, 21–22) „Слышасте, яко речено бысть древним: не убиеш. Иже аще убьет, повинен есть суду. Аз же глаголю вам: яко всяк гневаяся на брата своего всуе, повинен есть суду”. (Рим. 2, 28–29) „Не бо иже яве, иудей есть, ни еже яве во плоти, обрезание: но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, а не писанием: ему же похвала не от человек, но от Бога”.

Глава 2. Как Закон в каждом добром деле требует совершенства от части, так и Евангелие требует всецелаго совершенства.

(Лук. 18, 22) „Вся елика имаши, продаждь, и раздай нищим, и имети имаши сокровищи на небеси, и гряди во след Мене”. (Кол. 2, 22) „О Немже и обрезани бысте обрезанием нерукотворенным, в совлечении тела греховнаго плоти, в обрезании Христове”.

Глава 3. Невозможно удостоиться Небеснаго Царства тем, которые не показали в себе, что евангельская правда больше правды подзаконной.

(Матф. 5, 20) „Аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидите в Царствие небесное”. (Фил. 3, 4–9) „Аще кто ин мнит надеяться во плоти, аз паче: обрезан осмодневно, от рода Израилева, колена Вениаминова, евреин от еврей, по закону фарисей, по ревности гоних Церковь Божию, по правде законней быв непорочен. Но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету. Но убо вмению вся тщету быти за превосходящее разу-

мнение Христа Иисуса Господа моего Егоже ради всех отщетиhsя, и вменяю вся уметы быти, да Христа приобретаю, и обрящуся в Нем, не имый моя правда, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере”.

Правило 51. Каков должен быть тот, кто покушается исправлять ближняго

Глава. Сперва должно себя самого исправить от какого бы то ни было недостатка, и тогда уже обвинять в нем другого.

(Матф. 7, 3—5) „Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бервна же, еже есть в оце твоём, не чуети? Или како речети брату твоём: остави, да изьму сучец из очесе твоего, и се бервно во оце твоём? Лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, и тогда узриши изьяти сучец из очесе брата твоего”. (Рим. 2, 1—3) „Сего ради безответен еси, о человеце, всяк судяй: имже бо судом судиши друга, себе осуждаеши: таяжде бо твориши судяй. Вемы же, яко суд Божий есть по истине на творящих таковая. Помышляеши ли же сие, о человеце, судяй таковая творящим, и творя таяжде, яко ты избежиши ли суда Божия?”

Правило 53. Какое осуждение тем, которые за нанесенную им, по мнению их, обиду помнят зло

Глава. Христианин не должен помнить зла, но обязан от сердца прощать тем, которые согрешили пред ним.

(Матф. 6, 15, 14) „Аще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит согрешений ваших. Аще же отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный”.

Правило 67. О тех, которые скорбят об умирающих

Глава. Имеющим несомненную веру в воскресение из мертвых не свойственно скорбеть об усопших.

(Лук. 23, 27–28) „Идяше же во след Его народ мног людей, и жены, яже и плакахуся и рыдаху Его. Обрящя же к ним, рече: дщери Иерусалимски, не плачיתся о Мне”. (1 Фес. 4, 13–14) „О умерших же не хочу вас не ведети, братие, да не скорбите, якоже и прочии не имущи упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе, так и Бог умершыя во Иисусе приведет с Ним”.

ПРЕПОДОБНЫЙ АРСЕНИЙ ВЕЛИКИЙ, ЕГО ИЗРЕЧЕНИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК

Преп. Арсений родился в Риме в 354 году от благочестивых родителей-христиан, которые воспитали его в страхе Божиим и дали ему высокое по тому времени образование. По знатности рода и учености Арсений мог занимать почетное положение в мире, но он предпочел быть смиренным служителем Церкви Христовой, приняв диаконский сан.

В то время византийский император Феодосий Великий искал для своих детей Аркадия и Гонория мудрого и благочестивого воспитателя и, не находя такого в собственном царстве, обратился к западному правителю Грациану с просьбой — прислать бого-

Свой краткий очерк о преп. Арсении мы составили по следующим источникам: 1) Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Май месяц, 8 число, сс. 244—269. Издание Московской Синодальной типографии, 1908 год. 2) Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Пер. с греч. Москва, 1845. 3) Древний Патерик, изложенный по главам. Пер. с греч. Издание Афонского русского Пантелеймонова монастыря, 1900. 4) Похвальное слово святому Арсению, анахорету, преп. Феодора Студита. Творения в русском переводе, том 2, сс. 175—189. Издание Петроградской Духовной Академии, 1908.

мудрого учителя для сыновей. Грациан, совместно с папой Дамасом, призвал к себе о. Арсения с намерением отправить его в Византию ко двору.

Долго отказывался смиренный наш отец от столь ответственного дела и только за послушание принял предложенное назначение. Взяв под свое руководство царских детей, Арсений ревностно заботился об их воспитании и обучении. Он изучал с ними греческие и латинские книги, в которых был очень сведущ, и вместе с тем наставлял их благочестивой жизни; в особенности же Арсений поучал тому, как они должны будут вести себя, когда Господь благоволит дать им управление государством.

Держась того мнения, что „каждой вещи приличествует свое дело: юность требует учения, чести же царской приличествует почитание”, Арсений преподавал царским детям, стоя перед ними, тогда как они восседали на тронах; и только по требованию отца-императора он изменил этот порядок, стал садиться на уроках, а царевичи стояли.

Но чем большая слава окружала Арсения, тем сильнее он скорбел духом, так как сердце его не лежало ни к богатству, ни к чести, а искало безмолвия и жизни духовной. Все чаще и чаще он об этом размышлял и усердно молился Господу указать ему спасительный путь. Однажды, ночью, во время молитвы, послышался ему свыше голос: „Арсений! Беги от людей и ты спасешься!” Приняв это за указание Божие, Арсений решил в корне изменить образ жизни, побуждаемый к тому же недоброжелательством старшего воспитанника своего Аркадия, невзлюбившего своего учителя за строгость. Одевшись в худые одежды, он незаметно, в ночной тишине, вышел из дворца, пошел к морской пристани

и отправился на отходящем корабле в Александрию, возложив все упования на Бога.

По прибытии в Египет он немедленно отправился в скит, слезно прося пресвитеров облечь его в монашество. Те, видя, что с ними говорит муж серьезный и благоговейный, посоветовавшись между собой, решили отдать его для наставления иноческому житию знаменитому Иоанну Колову, который, во всем усматривая волю Божию, согласился взять под свое руководство пришельца.

Первое испытание, предложенное старцем Арсению, было такое: когда иноки сели за трапезу и начали вкушать пищу, Иоанн взял один из сухарей и бросил смиренно стоявшему позади прибывшему иноземцу со словами: „Ешь, если хочешь!” Это сделал авва для того, чтобы испытать нового брата, действительно ли он пришел для спасения. Между тем Арсений (как он потом объяснил братии) думал в это время про себя так: „Этот старец — ангел Божий и прозорливец, потому что знает, что я хуже пса; поэтому и сухарь бросил он мне, как псу; по той же причине я должен и съесть его как пес”. И наклонившись до земли, он пошел на четвереньках, как животное, взял сухарь ртом и, отошедши в угол, стал лежа его есть.

Блаженный Иоанн, видя такое смирение Арсения, тут же заявил всем присутствующим, что он прозревает в пришедшем великого подвижника.

Слова святого сбылись. Арсений, поселившись в указанной ему келии, облеченный затем в иноческий чин и обученный подвижническому житию, скоро так преуспел во всех добродетелях, что превзошел многих старцев в посте, молитве, трудах, и душа его запросила новых подвигов. Когда он об этом

взывал ко Господу, говоря: „Господи, научи меня спастись!“, был снова ему глас свыше: „Арсений, скрывайся от людей и пребывай в молчании, это — корень добродетели!“ Получив подкрепление и призывание к дальнейшему подвижничеству, Арсений, по благословию своего наставника, ушел в глубь пустыни и предался полному безмолвию. Он устремил теперь весь свой ум к Богу, избегал всяких бесед, а будучи вынуждаем ответить на предложенный вопрос, говорил насколько возможно кратко. То же безмолвие заставляло его отказываться в приеме посетителям, падать ниц, чтобы не видеть лица человеческого, убеждать всех не приходить к нему, не слушать даже пения птиц. Такая необщительность, отдаленность от людей соблазняла некоторых из братьев и давала повод думать, что наш авва суров, не имеет любви, и что дело его невысоко перед Богом. Следующее обстоятельство, однако, подсказало совсем обратное. Два инока пожелали видеть и побеседовать с Арсением. Они подошли к его келии и постучали. Старец открыл двери, впустил пришельцев, затем сел, опустил голову и ничего не говорил. Сидели молча и вошедшие. Общее молчание продолжалось довольно долго. Наконец один из странников поднялся с места и, заявив, что ему нужно спешить на церковное послушание, удалился. Ему последовал сотоварищ. Неудовлетворенные холодным приемом Арсения, иноки решили зайти к другому подвижнику, Моисею, бывшему некогда разбойником. Этот встретил их с великой радостью, предложив им отдохнуть и подкрепиться пищей.

Дорогой, ведя между собой разговор, любопытствующие монахи решили, что из двух виденных ими подвижников высший тот, кто принял их с лю-

бовью. Такое мнение стало распространяться и среди братьев. Тогда один боголюбивый брат, почитавший Арсений и Моисея, стал так молиться Богу: „Господи, скажи мне, кто из них более совершен и заслуживает большей благодати Твоей: тот ли, кто скрывается от людей ради Тебя, или тот, кто принимает всех, также ради Тебя?“

В ответ на свою молитву вопрошавший имел следующее видение: представились ему два корабля, плывших по очень большой реке: на одном из них находился преподобный Арсений, и Дух Божий, управляя кораблем, соблюдал его в великой тишине. На другом был преп. Моисей, кораблем же его управляли ангелы, влагавшие мед в уста кормчего.

О своем видении инок рассказал опытным старцам, и те решили так: Арсения, подвизающегося в молчании, нужно считать более совершенным, нежели Моисея, потому что с первым пребывает Сам Бог, со вторым же только святые ангелы.

Заслуживают внимания еще следующих два случая из жизни преп. Арсения, проливающих свет как на его личность, так и на иноческую среду того времени.

Наш старец из своей мирской жизни удержал привычку, садясь, полагать нога на ногу, что могло казаться не совсем благопристойным. Братия, хотя и наблюдала это, но никто не осмеливался сделать ему замечание, считаясь с его достоинством и возрастом; только один авва Пимен, дорожа честью Арсения, решился косвенным образом воздействовать на него. Он сказал некоторым из своих учеников: „Пойдемте со мной к Арсению, и я сяду при нем так, как иногда садится он; тогда вы сделайте мне упрек, будто я нехорошо сижу. Я стану просить

у вас прощения, думаю, мы этим исправим старца”. Предположение аввы Пимена оправдалось. Братия сделали так, как были научены, и преп. Арсений, поняв, что иноку неприлично так сидеть, навсегда оставил свою привычку*.

Второй случай. Арсений сильно заболел. Скитские иноки, чтобы послужить ему, взяли его и понесли в больницу при церкви. Они положили старца на постели, хорошо убранной, с мягким возглавием. Больного пришел навестить один брат. Увидев, что преподобный лежит на удобном ложе, он соблазнился и сказал: „Это ли отец Арсений?” Случилось тут

* Здесь можно видеть, с одной стороны, строгое внимание нашего аввы к своему внутреннему устройению, а с другой, — необыкновенную выдержку, даже во внешних поступках и движениях, иноков того времени.

Во-первых, преп. Арсений показал нам пример, что, кто искренне желает себе душевного спасения, тот во всем ищет себе урок для исправления, нравственной пользы и назидания, тот не обижается ни на какие замечания и обличения. Только люди гордые не терпят указаний, наставлений, приходя в раздражение и гнев при малейших намеках на их неисправность. Хочешь поэтому проверить себя, насколько ты сам отрешился от себялюбия, — вспомни, как принимаешь попреки и пр. Если с болью, неудовольствием, обидой, досадой и злостью, знай, что много еще о себе мечтаешь, много себя ценишь, не имея спасительных — простоты и смирения.

А во-вторых, как древние иноки облагораживали себя, следили друг за другом в отношении благоговения, это видно из описанного обстоятельства, взятого из жизни нашего аввы, равно как из всех сказаний о подвижниках. Особенно заслуживают внимания поучения аввы Исайи, где он предлагает поистине так называемый „высший тон”. Одновременно с усвоением св. Евангелия, Духа Христова и благодати Его, иноки становились и внутренне и внешне идеально воспитанными, помимо всякого светского образования.

быть некоему богомудрому пресвитеру. Услышав такое удивление пришедшего, он подозвал его к себе и наедине спросил: „Брат, когда ты был в миру, какова была твоя жизнь?“ Тот отвечал: „Я был пастухом и проводил жизнь свою во многих трудах и печалях“. — „А теперь как ты живешь?“ — продолжал спрашивать пресвитер. „Теперь я живу покойно, без нужды, так как имею все необходимое“. Тогда пресвитер стал говорить соблазвившемуся брату следующее: „Вот этот, кого ты видишь, отец Арсений, живя в миру, был отцом царей; ему предстояли тысячи слуг в светлых одеждах, золотых поясах и гривнах, постель его была весьма разукрашена, и богатства его были бесчисленны. Ты же раньше пас скот и был нищим, ты в мире не имел покоя, каким пользуешься теперь; ты отдыхаешь от трудов мирских, а отец Арсений ныне трудится и страдает в нищете и лишениях после довольства и славы“*. Тро-

* В монастырях приходилось наблюдать некоторый антагонизм между братией простой, необразованной, пришедшей в обитель от сохи и бедности, и так называемой интеллигентной, явившейся сюда из города после светской и нередко роскошной жизни. И тогда как вторые, идя в монастырь по чистому призванию, ибо что другое могло их привлечь сюда, старались учиться у простецов, нудя себя ко всякого рода внешним лишениям и исполняя часто грязные работы и тяжелые послушания, первые, дома уже приученные и навывкшие к суровой жизни, зазирают, следят за своей интеллигентной братией, как она подвизается, соблазняясь ее неумением и неприспособленностью к простой обстановке. Это обстоятельство как раз и выводится в описанном нами случае из жизни преп. Арсения. Причина этого явления кроется в зависти, соперничестве, духовном охлаждении. При отсутствии всего этого, при общем и дружном стремлении и ревности ко спасению подобного отношения между братией быть не может. Тогда среди нее пропадает

нутый такими словами пресвитера, брат сознал свою жестоковыйность, поклонился и попросил прощения со словами: „Ты справедлив, честный отче; я пришел сюда на покой от трудов, а отец Арсений прибыл к нам на труд от покоя!”

Своею подвижническою жизнью преп. Арсений стяжал многие духовные дарования. Из них особенно выделялись: 1) простота вместе с аскетизмом, 2) молитва, соединенная с непрестанным плачем и умилением и 3) необыкновенное смирение. Об о. Арсении говорили, что как при дворе никто не носил одежды богаче его, так и в обществе монахов никто не носил одежды хуже его. Спал наш авва на рогожине, не более часа, вкушал самую скудную пищу, воздерживаясь даже от овощей. Авва Даниил так о нем передавал: „Столько лет Арсений жил с нами, и мы давали ему на целый год только одну меру пшеницы, из которой и мы ели, когда бывали у него”.

Пребывая в непрерывном безмолвии, преподобный Арсений постоянно как бы охвачен был духовным огнем. Накануне каждого воскресного дня он становился еще с вечера в субботу на молитву, подняв руки кверху; становился же он к солнцу спиной и так стоял до тех пор, пока солнце наутро следующего дня не начинало светить ему в лицо. С пламенной молитвой великий подвижник соединял радостотворный плач, погружаясь во глубину спасительного богомыслия и умиляясь духом. В продолжение всей своей жизни преп. Арсений имел у себя

всякая рознь, неравенство, тогда все делается сынами и дочерьми Отца Небесного и св. обители; тогда все исполняются друг к другу любовью, благорасположением и благожелательством.

на груди платок, так как слезы постоянно текли из очей его. Когда авва Пимен услышал о мирной кончине нашего отца, то прослезился и прежде всего засвидетельствовал о даре умиления и слез почившего, сказав: „Блажен ты, отец Арсений, потому что плакал всю свою жизнь, за это ты будешь вечно веселиться. Тот же, кто здесь не плачет по своей воле, поневоле заплачет после смерти среди мучений, но от плача этого никому не будет пользы”.

Но главной добродетелью преп. Арсения было смирение. По смирению — он уподобил себя псу; по смирению — учился у простецов; по смирению не входил в алтарь, хотя и имел на то право; по смирению — приступал к Божественным Тайнам вместе с простыми монахами; по смирению — предпочел навсегда остаться в диаконском сане; по смирению, когда приходил в храм, становился позади всех за столбом; по смирению — завещал не делать почетного погребения своего тела, а выбросить далеко за ограду; по смирению — не писал никому посланий и писем, не приводил из книг выдержек и показывал себя всегда малознающим. По той же причине не осталось от него никаких письменных трудов, за исключением немногих изречений и наставлений ученикам и самому себе, сохранившихся в его житии, древних патериках и отечниках, собранных потом преп. Феодором Студитом (см. 2 том, 175 с.).

Почитая память великого подвижника, мы далее, в связи с некоторыми обстоятельствами его жизни, приведем в назидание себе все, что только изрекли уста блаженного нашего отца. В некоторых случаях под строкой будем добавлять свои размышления.

1. Пришедши в монастырь, преподобный Арсений заявил братии: „Я — странник и человек убогий, ищущий спасения; ради Господа, сделайте меня монахом и наставьте, как мне спастись”.

2. Оправдывая свое обыкновение преподавать царским детям, стоя перед ними, тогда как они сидели на тронах, наш авва заявил императору Феодосию, предложившему ему во время уроков сидеть: „Каждой вещи приличествует свое дело; юность требует учения, чести же высокой приличествует почитание”.

Св. Евангелие проповедует простоту, равенство, братство и в то же время учит воздавать каждому должную честь, что засвидетельствовано словами св. апостола Павла: „отдавайте всякому должное... кому честь — честь” (Римл. 13, 7). Как же соединить равенство с честью? С начала мира и доселе всегда были среди людей честь, слава и преимущество. Попытки к уничтожению неравенства ни к чему не приводили, если даже не к большему развитию человеческих преимуществ. Очевидно, природа наша такова, что не все имеют одинаковый ум, одинаковое нравственное достоинство и т. п. — отсюда невольное удивление, восхищение, преклонение одних перед другими, отсюда честь, слава... Нужно только давать всем такое воспитание, внедрять такое чувство, которое не вызывало бы зависти и повода злоупотреблять неравенством.

И вот, христианская благодатная религия как раз и способствует этому; она духовно уравнивает людей, требуя от каждого смирения, братской любви и взаимного почитания.

3. Один раз авва Марк спросил преп. Арсения: „Для чего ты, честный отец, удаляешься от нас?“ Великий старец ответил ему: „Знает Бог, как я люблю вас, но я не могу пребывать одновременно и с Богом, и с людьми, потому что на небе, хотя и очень много высших сил — тысячи тысячей или десятков тысяч, но все они имеют одну волю и потому единодушно славят Бога; но на земле много воль человеческих, и у каждого человека — свои мысли; каждый из нас имеет различные намерения, поэтому-то я и не могу, оставивши Бога, жить с людьми”.

На небе воля Божия и воля святых совпадают, там все направлено к добру; там господствует единое начало; там у всех одна цель, одно желание — быть с Господом. И на земле, — кто ищет спасения души, кто стремится к вечному блаженству, тот возносит свой ум только к Богу, надеясь в Нем иметь духовное удовлетворение и счастье; кто свою волю покоряет воле Божией, тот невольно отбегает лежащего во зле мира, не исключая и людей, среди которых так много неправды и греха, отдаляющих боголюбца от его вечных запросов духа. Здесь не презрение к ближнему, но хранение себя от зла (см. Ин. 17, 15).

4. Царю Аркадию, приславшему дары и просившему молитв и прощения в грехах юности, преподобный через посланного просил передать:

„Так говорит смиренный Арсений: Бог да простит грехи ваши и царствование ваше да благословит и да поможет исполнять святую волю Его. Вы писали о дани, но Арсений в ней не нуждается, пото-

му что умер для мира; пусть никто не считает его более живым”.

5. Возлюбив безмолвие, наш авва уже ничем земным не развлекался, говоря: „Тот, кто действительно любит молчание, не должен слушать даже и пения птиц, которое может нарушить мир душевный”.

Говорят, природа облагораживает сердце и возносит наш дух к Творцу. Как же св. Арсений, этот великий таинник Божией благодати, отказывался даже от такого чистого наслаждения, как слушание пения птиц? Чтобы понять смысл изречения преподобного, нужно знать и понимать, что такое святое безмолвие, с которым он соединил свое сердце. Для человека нет ничего более сладостного, как входить в духовное единение с Господом, пребывать в молитве и созерцании Его бесконечных свойств. Кто достиг этого счастья, тот ничего лучшего не может для себя желать и отрывает уже все, что на земле считается радостным и приятным.

6. Посетителям своим наш отец говорил: „Не приходите никогда туда, где будет Арсений”.

7. А архиепископу Александрийскому, желавшему его видеть, через посланного он ответил: „Если ты придешь, то открою (келию), но если я открою тебе, тогда мне нужно будет открывать ее для всех, но в таком случае мне придется и самому удалиться из келии”.

Такие великие подвиги, как затворничество, безмолвие и т. п., предпринимаются ради стремления и любви к Богу, и подвижник не может делать уступок в смысле их нарушения никому из смертных,

ввиду равенности всех перед Творцом. Вот почему преп. Арсений, при всем своем глубоком почитании святительского сана, дерзнул отказать даже своему архиепископу. Тут проявилась его несокрушимая воля служить Единому Господу Богу, невзирая ни на какие обольщения, которые могут приходиться от мира и сильных его. Из этого видно, что наш авва был совершенно чужд человекоугодничества.

8. Всячески удаляясь лицемерия людей и бесед с ними, преп. Арсений особенно остерегался встреч с женщинами.

Одна благочестивая боярыня, заручившись благословением архиепископа Александрийского, с большим трудом проникла к келии преподобного, желая получить от него наставление. Старец с негодованием, смотря прямо ей в глаза, сказал: „Если ты хотела видеть мое лицо, то — вот оно, смотри”. Устыдив этим пришедшую, подвижник продолжал:

„Если ты слышала о каких-либо добрых делах моих, то хорошо сделаешь, если будешь исполнять их. На лицо мое тебе нечего смотреть. Для чего же ты предприняла столь далекий путь? Разве не знаешь, что ты женщина и что поэтому должна быть в доме своем и не выходить из него никуда? Неужели пришла сюда для того, чтобы, возвратившись в Рим, хвалиться перед другими женщинами, что видела Арсения? Если ты так сделаешь, то тогда, пожалуй, все женщины городские пойдут ко мне. Я же буду молить Бога, чтобы Он изгладил из сердца моего память о тебе”.

Для ищущих духовного окормления весьма приятно видеть и беседовать со старцами и тяжело

расставаться с ними, когда они ради подвигов уходят, например, в затвор, налагают на себя молчание и т. п. Тяжело, но нужно с этим мириться, помня, что, спасая себя, они спасают и других молитвой, примером и благодатным воздействием из глубины своих келий. Некоторые, к сожалению, их не понимают и стараются тем или иным путем вынудить старца принять их для спасительной беседы и получения совета. Благоразумные духовные чада не так в подобном случае поступают: они усиливают молитву о старце, радуются его нравственному преуспеянию и, чувствуя в то же время сами прилив духовных сил в борьбе со грехом, пребывают в благополучии, мире и спокойствии.

9. По смирению блаженный Арсений любил слушать речи простых иноков о духовных предметах. Когда же один брат заметил, что не ему, Арсению, знающему всю премудрость, просить совета у простецов, преподобный сказал: „Я хорошо знаю светскую науку греков и римлян, но я не знаю даже азбуки того, что знает простец касательно жизни добродетельной”.

Духовная мудрость есть дар Божий (Иак. 1, 5) и приобретается не одним лишь научным путем, а, главным образом, добродетельною жизнью, духовным опытом. Можно быть весьма образованным и не „мудрым”, равно как, наоборот, совсем неученым и даже неграмотным и в то же время „духовно премудрым”. Это доказывается, как и говорит преп. Арсений, примерами многих простых людей, достигающих доброй жизнью и подвигами высокого духовного просвещения.

10. Любил преподобный укорять себя. Так, борясь со сном, он твердил себе: „Уходи, злой раб (демон сна) и не оставайся со мной!”

11. А ученикам говорил: „Иноку должно предаваться сну лишь на один час”.

Здесь разумеется, по всей вероятности, продолжительность сна за раз, а не самое количество времени, употребляемое иноком на отдохновение в течение суток, ибо час считается недостаточным для организма человека. Значит, изречение преподобного нужно понимать так: ты старайся, чтобы твой сон не тянулся более часа, т. е. спи с перерывами, ежечасно подымаясь на молитву. Так действительно добрые иноки и поступают: они настолько навикают часто просыпаться, не говоря уже о малом вообще их сне, что невольно поражаешься их духовному бодрствованию.

12. Когда братия заметила, что честной авва Арсений не менял воду, в которой мочил финиковые листья для плетения корзин, от чего вода застаивалась и дурно пахла, преподобный им ответил:

„Вместо фимиама и благовонных мастей, которые я обонял, когда жил в мире, я должен теперь обонять этот смрад, чтобы в день Страшного суда Господь избавил меня от нестерпимого смрада геенского”.

Иным может показаться такое проявление аскетизма для богоподобного духа человеческого, ищущего красоты, чистоты, благорастворения воздуха и т. п., слишком грубым и непонятным, но здесь сказалось субъективное настроение нашего аввы,

также искавшего красоты, благовония, но только небесного, вечного, которое ранее у него ограничивалось, подавлялось земными наслаждениями. И в самом деле, кто не знает того, что здешняя всякого рода сладость и ароматы питают плоть и развращают, стесняют дух; вот и нужно для его возвышения, широты — стряхивать, отгонять, парализовать все то, что его давило, не давало хода возноситься горе. У преподобного таким тормозом служили масти благовонные при дворце — пусть же они, так он рассуждал, забудутся мною навсегда, сделаются отвратительными; для этого я лучше стану обонять смрад, чтобы только не лишиться мне вечного благоухания Духа Святого.

13. Во время внутреннего борения, равно как и во всякое время, наш старец так взывал к Богу: „Не оставь меня, Господи! Хотя я и не сотворил пред Тобою ничего благого, но помоги мне по благодати Твоей положить начало благое”.

Истинный подвижник по глубокому своему смирению и сознанию бесконечного добра всегда чувствует себя самым ничтожным человеком и потому искренне, постоянно молится, подобно св. Арсению, только еще положить начало нравственного исправления. Составление этой молитвы принадлежит св. Иоанну Златоусту.

14. Когда при нашествии варваров все иноки бежали из скита в города и селения, наш авва оставался в пустыне, размышляя так: „Если Господь не сохранит меня, то мне незачем и жить на земле!”

Дивный пример веры в Промысл Божий. Приведенные слова великого отца можно назвать „золотыми“. Каждому из нас спасительно повторять их при трудных обстоятельствах жизни, когда ослабевает вера и ропот готов вырваться из нашей души. Преподобный так молился, и Господь чудесно сохранил его; варвары, разоряя скит, не могли найти его.

15. И тут же добавлял: „Рим погубил мир, иноки же погубили скит“.

Рим погиб вследствие упадка нравов, роскоши и чувственных удовольствий общества, словом, во всей совокупности от того, что принято называть „миром“ и прелестями его. Недостойная жизнь иноков также часто является причиной внутреннего и внешнего неблагоустройства и разорения обителей, на что и намекает нам великий авва.

16. В своей подвижнической жизни св. Арсений проявил полную нестяжательность. Принесли ему из Рима от родственников завещание на получение большого наследства. Возвращая посланному бумагу, он сказал: „Я еще раньше его (завещателя) умер для мира; для чего же он, недавно умерший, делает меня, мертвеца, наследником своих богатств?“

17. Находясь в скиту, наш старец заболел и имел нужду в рубашке. Не имея, на что купить, он принял от одного человека милостыню и сказал: „Благодарю Тебя, Господи, что удостоил меня принять милостыню во Имя Твое“.

Как подающие милостыню должны знать и чувствовать, что они делают это как бы самому Христу,

во исполнение Божественных слов Его: „так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” (Мтф. 25, 40), так и принимающие подаяние обязаны благодарить Господа, располагающего сердца добрых людей к благотворению во Имя святое Свое. Таким образом, и подающие милостью творят ее ради Бога, и принимающие дары получают их ради Господа, что и выразил наш авва в приведенном молитвенном воззвании.

18. Случилось преп. Арсению на пути встретиться с толпой, при этом одна женщина прикоснулась к одежде преподобного. Последний оскорбился и сделал ей замечание. Женщина же та сказала ему: „Если ты — монах, то иди в гору пустынную”. Умилился старец от таких слов и часто потом говорил себе: „Арсений! если ты — монах, то иди в горы и скитайся по пустыням”.

Мир, лежащий во зле, любит находить недостатки в монахах и рабах Божиих, любит их укорять и злорадоваться, замечая их немощи. Легко в таком случае огорчиться, смутиться... Но не так надо переживать обиды; они должны служить поводом к проверке себя, быть может, мы действительно достойны обличения и вразумления. Хороший урок в этом отношении дает нам великий Арсений, он не оскорбился на замечание женщины, а использовал его для своей же нравственной пользы. Поистине блажен, кто всякое поношение, клевету и унижение переносит благодушно, терпеливо и со смирением; того, по слову Божественного нашего Учителя, Господа Иисуса Христа, ожидает всякая награда на небесах (Мф. 5, 11–12).

19. Однажды ради подвигов преп. Арсений оставил своих учеников Александра и Зоила и ушел на другое место; но потом, через некоторое время, вернулся обратно. Ученики обрадовались возвращению старца и встретили его с такими словами: „Твое удаление отсюда, честный отец, повергло нас в большую печаль, потому что нам братья говорили — авва Арсений не ушел бы из своей келии, если бы ученики не огорчили его непослушанием”. На это старец так им ответил: „Чада, я тоже подумал, что так скажут иноки относительно моего ухода отсюда; поэтому я и возвратился к вам. Теперь же они могут про меня сказать: „Голубь, вылетевший из ковчега Ноева, не находя твердой почвы под ногами своими, возвратился в ковчег”.

В приведенном ответе наш авва и себя укорил, обнаружив смиренное настроение, и успокоил учеников, дав им понять, что не они были причиной его удаления из скита, а он сам. Хочешь подражать великому Арсению, — вини себя, а других оправдывай.

20. Некоторый брат спросил св. Арсения: „Что полезно для души?” Богомудрый подвижник изрек следующее:

„Всячески заботься, чтобы то, что мыслишь в уме своем, было угодно Богу. Поступая так, ты легко победишь всякий грех”.

Здесь преподобный на основании своего аскетического опыта обнаружил глубокое знание души человеческой. Всякий грех, зарождаясь в сердце, нравственно испорченном, входит прежде всего в область ума, который посредством помыслов начи-

нает размышлять, развивать и обсуждать, как его осуществить на деле. Пока грех живет в сфере ума, он является как бы отвлеченным понятием, и его легко пресечь, уничтожить. Если же этого не случится, грех, детально обследованный и развитый умом, затрагивает уже чувство и переживается сердцем как наслаждение. Что же касается воли, то она, как послушное орудие, всегда стоит наготове, чтобы привести грех в действие, если к тому ее склоняют ум и сердце. Отсюда, таким образом, понимай, какое громадное значение имеет ум в развитии греха. Не прими его поначалу, не остановись на нем мыслию, и грех исчез бы бесследно, хотя бы и на мгновение появился в воображении твоём. А если так, — думай всегда об одном только святом, занимайся исследованием и созерцанием Божественного, трезвься, молись, стремись к тому, что угодно Богу, и ты тогда будешь свободен от греха, равно как легко победишь его, если он успеет коснуться тебя и ранить ум.

21. В другой раз преподобный сказал: „Если мы действительно от всего сердца будем искать Бога, то Он сам придет к нам, и мы увидим Его; и если мы удержим Его чистою жизнью близ себя, то Он пребудет с нами”.

Утверждение это преп. Арсения основывается на словах Спасителя, сказанных Им на Тайной вечери: „Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня... и Я возлюблю его, и явлюсь ему Сам, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим” (Мф. 14, 21–23).

22. Авва Даниил, ученик преп. Арсения, передал, что сей великий старец однажды поведал своим ученикам для их назидания следующее: „Одному иноку было такое откровение от Бога. Ему послышался голос: выйди из келии твоей, и Я покажу тебе дела человеческие. Старец, вышед из келии, пришел как бы в некий восторг. Он увидел ангела Божия, который взял его за руку и повел в одно место; здесь он показал ему черного человека, рубившего дрова, и уже наготовившего их очень много; затем человек хотел взять дрова, которые нарубил, на плечи и нести, но не мог этого сделать, потому что дров было слишком много. Однако вместо того, чтобы несколько поубавить дров из вязанки, человек тот продолжал снова рубить дрова, и снова пытался поднять их, но уже совершенно не мог; однако все более рубил дров и все более увеличивал свою ношу. Затем ангел Божий показал преподобному в другом месте человека, стоявшего около колодца и черпавшего воду в дырявый сосуд; вода вытекала из сосуда и снова возвращалась в колодец, но человек, черпавший воду, продолжал понапрасну трудиться. Наконец ангел показал преподобному новое видение: Арсений увидел церковь с раскрытыми дверями и двух всадников, имевших по бревну в руках; всадники эти хотели проехать сквозь церковные двери, но не могли, потому что бревна были поперек пути; один всадник мешал другому расположить бревно вдоль пути; вместо того, чтобы одному уступить дорогу, всадники пытались пройти сквозь дверь одновременно и потому все время суетились около двери и никак не могли войти в церковь.

После всего этого старец спросил ангела: „Что знаменует это видение?“ Ангел же сказал ему: „Два

человека, имеющие в руках по бревну, — это образ мужей добродетельных, но гордых, не желающих смириться друг перед другом, они не войдут в Царствие Небесное, но останутся вне его, по причине своей гордыни, которая погубила все добродетели их.

Человек, черпавший воду и наливавший в дырявый сосуд, есть подобие человека, имеющего некоторые добрые дела, но не оставляющего и грехов; этот человек понапрасну трудится, потому что грехами своими губит ту награду, какую мог бы получить от Бога.

Черный человек, рубивший дрова и прибавлявший себе все большее и большее бремя, — это подобие человека, предающегося многим грехам и вместо покаяния прилагающего беззаконие к беззаконию”.

23. Кроме того, Арсений поведал ученикам своим и о страшном откровении о Божественных Тайнах Христовых, бывшем и другим отцам пустынноикам. „Был, — говорил Арсений, — в скиту один старец, проводивший очень строгую жизнь, славившийся своими добродетелями среди всех иноков. Этот старец по причине простоты своей (он не был обучен Священному Писанию) соблазнился о Пречистых Тайнах Христовых, помышляя, что Хлеб, который мы принимаем из священного алтаря, и Чаша, которой причащаемся, не есть истинное Тело и Кровь Христовы, но только подобие Тела и Крови Христовых. Об этом узнали два опытных старца; поняв, что так думал тот старец не по злобе, но по простоте и неведению своему, они решили вразумить его. С этой целью они пошли к нему и, побеседовав с ним о многом на пользу души, между прочим сказали и

следующее: „Мы слышали, честный отец, об одном брате, что он неправильно мыслит о Хлебе, который мы принимаем от святого алтаря, и о Чаше, которую мы пием, что это не есть истинное Тело и Кровь Христовы, но только их подобие”. Старец же отвечал им: „Это я думаю так”. Они стали уговаривать его, говоря: „Не думай так, честный отец, но веруй так, как учит веровать святая, соборная и апостольская Церковь. Мы веруем и исповедуем, что Хлеб есть истинное Тело Христово, а Вино в Чаше есть истинная Кровь Его, а не подобие только Тела и Крови”. Затем те отцы привели в доказательство истинности своих слов многочисленные свидетельства из Священного Писания и из творений отцов и учителей Церкви, стараясь убедить того старца оставить свое ложное верование. Но он в простоте сердца сказал им: „Если не удостоверюсь самым делом, не поверю”. Тогда старцы сказали ему: „Помолимся Богу все трое об этом, дабы Он открыл нам тайну этого, предварительно попостившись всю неделю, так как Он не допустит погибнуть многолетним трудам Своим”.

Старец с любовью выслушал их совет, и все они затворились, каждый в келии своей на всю неделю и проводили время в посте и молитве. Старец тот молился Богу так: „Господи, Ты знаешь, что я мыслю так не по злобе, но своим простым умом не могу постигнуть этой Тайны. Открой же мне по благодати Твоей истину, дабы я не заблуждался в неверии”. Другие же два старца говорили в молитве своей: „Господи, открой нашему брату великую Тайну Твою, дабы он не оставался неверующим в нее и не погубил бы своих трудов и добродетелей”.

Бог послушал рабов Своих и открыл им страшную Тайну ту таким образом. По прошествии недели с тех пор, как старцы начали свой пост и молитву, и наступило воскресенье, те три старца пошли в церковь для слушания Божественной Литургии; в церкви стояли они друг около друга. Господь открыл духовные очи их. Когда для Святой Трапезы был приготовлен хлеб, они увидели ангела Божия, сшедшего с неба и имевшего в руках нож. Заколов Младенца, ангел вылил Кровь в Чашу. Когда священник преломлял Хлеб, ангел раздроблял Тело на части. Между тем наступило время причащения. Вместе с прочими братьями пошел причащаться и неверовавший брат. Приняв в руки кусок мяса*, сырого и источавшего кровь, и видя кровь в Чаше, старец этот в ужасе воскликнул: „Верую, Господи, что Хлеб сей есть Твое Тело и Вино сие есть Твоя Кровь”. Тотчас мясо обратилось в Хлеб и кровь в Вино. Тогда старец причастился Святых Таин Христовых с великим страхом и умилением сердечным. Другие два старца сказали ему: „Христос Бог знает, что человек не мо-

* Не должно удивляться тому, что братия принимали в руки Честное Тело Христово; в первые века христианства и непосвященным позволялось брать в руки Святые Дары и уносить их с собою домой или в путешествие; но впоследствии отцы и учителя Церкви запретили это делать и по следующей причине. Во время патриаршества св. Иоанна Златоуста в Константинополе одна женщина принесла домой Святые Дары и смешала их с каким-то снадобьем для волхования. Узнав об этом, св. Иоанн Златоуст сделал распоряжение по всем церквам, чтобы Честное Тело Христово не преподавалось в руки христиан, но чтобы вместе с Божественною Кровию преподавалось верующим из Чаши. Св. Димитрий Ростовский говорит об этом под 9-е ноября в повествовании о житии преподобной Феоктисты.

жет есть сырого мяса и пить кровь. Поэтому Он и предлагает верующим Пречистое Тело Свое под видом хлеба и Животворящую Кровь Свою под видом вина". Затем старцы возблагодарили Господа за откровение и за то, что Он не попустил погибнуть в неверии тому добродетельному брату*.

24. Рассказывали о св. Арсении, что он постоянно говорил самому себе: „Арсений! Для чего ты сюда пришел? Ты пришел сюда не для отдыха, а для трудов, не для лени, а для подвига. Подвизайся же, трудись и не ленись”.

Как возница „понукает” коня, чтобы он не ленился, бодро шел и не отставал от других подвод, так господствующий над нашим существом ум, просвещенный светом Христова учения, должен следить за направлением нашей внутренней жизни, должен, так сказать, „понукать”, дабы мы держали правильный нравственный курс, не уклонялись бы в сторону греха и всякого зла. Укорение как раз и есть это „понукание”, наблюдение ума за движениями души.

25. Часто повторял преподобный и следующее: „Много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не сожалел никогда”.

26. Некий старец спросил авву Арсения: „Я стар и не могу нести иноческих подвигов; не идти ли мне посещать больных, так как это дело любви христианской?”

Зная, что постоянное пребывание в келии спасает монаха от искушений, соблазнов, падений и приводит его, после внутренней борьбы с помыслами и по-

* §§ 22, 23 буквально переписаны из житий святых. Май. Издание Моск. Синодальной типографии.

хотениями, в должный нравственный порядок, преподобный сказал: „Ступай: ешь, пей, спи и не работай, но только не выходи из келии своей”.

Какому роду монашества — созерцательному или деятельному — нужно отдать преимущество? Если считаться с авторитетами такой величины авв, как Арсений Великий, Антоний Великий, которые были представителями и наставниками первого вида, если вникнуть в смысл самого монашества (μονος — один) — находиться вне человеческого общества, дабы внутренним деланием достигать бесстрастия и внутреннего совершенствования, если, наконец, помнить, что „спасая себя, каждый вместе с тем спасает и других” — молитвой, примером, нравственным воздействием и т. п., то тогда станет понятным ответ Арсения Великого, отдавшего предпочтение первому виду монашеств перед вторым.

27. Другой старец сказал преподобному: „Честный отец! Я изучил много книг и псалмов и хочу с умилением сердечным прочитывать их, но не имею умиления, потому что не разумею силы Священного Писания и весьма скорблю об этом”. Наш авва ответил на это: „Чадо, тебе должно непременно поучаться в чтении слова Божия, хотя бы ты и не разумел силы его и не имел умиления. Я слышал, как говорил авва Пимен и прочие отцы, что очарователи змей сами не понимают тех слов, которые они говорили, однако же змеи, слыша слова их, укрощаются, как бы понимая, и беспрепятственно отдаются в руки. То же самое можем сделать и мы, хотя бы и не разумели силы Священного Писания, тогда демоны, слыша, приходят в страх и бегут от нас, не вынося

Духа Святого, говорившего чрез рабов Своих пророков и апостолов”.

28. Еще говорил Арсений Великий:

„Есть много таких людей, которые всячески стараются соблюдать чистоту телесную и для этого умерщвляют тело свое постом, бдением и многими трудами, но мало таких, которые ревниво оберегают душу свою от греха тщеславия, гордости, сребролюбия, зависти, братоненавидения, гнева, памятозlobия, осуждения. Таковые снаружи чисты телом, но душа их грязна; они подобны гробам, снаружи разукрашенным, изнутри же полным костей смердящих. Блажен тот, кто стремится сохранить от скверны как тело, так и душу свою; истинно, блаженны чистые сердцем (а не телом только), потому что они Бога узрят”.

29. Однажды пришли к авве Арсению старцы и просили его сказать им что-нибудь о пребывающих в безмолвии и не имеющих ни с кем общения. Старец сказал им:

„Пока девица живет в доме отца своего, многие желают иметь ее своею невестою, но когда станет выходить из дома, не всем уже нравится; одни унижают ее, а другие хвалят; ей нет уже такой чести, как прежде, когда она жила в сокровенности. Так бывает и с душою: когда она станет проявлять себя, — не может всех удовлетворить”.

Пребывание души в Боге делает христианина свободным от греховных приражений, делает его нравственно чистым и обаятельным для окружающих; когда же человек расточает духовное свое богатство, оставляет, откладывает в сторону высшие запросы духа и начинает увлекаться прелестями ми-

ра, тогда он становится обычным существом, никому не интересным, теряющим всякое влияние на других.

30. Когда преп. Арсений слышал, что все плоды поспели, говорил братии сам от себя: „Принесите мне все”, и один только раз вкушал, съедая от всех понемногу, благодаря Господа.

Воздержание нашего аввы было настолько велико, что он ограничивал себя даже в употреблении плодов.

31. Брат спросил авву Арсения: „Есть некоторые добрые люди, — почему они во время смерти подвергаются великой скорби, будучи поражены болезнью телесною?” — „Потому, — отвечал старец, — чтобы мы, как бы солью осолившись здесь, отошли туда чистыми”.

Помни это рассуждение Арсения Великого и не удивляйся, когда тебе приходится быть свидетелем таких предсмертных болезней благочестивого христианина. Если для людей нечестивых страдания являются началом и как бы преддверием вечных, нескончаемых мук, то для рабов Божиих, по мнению преподобного Арсения, они — очистительное средство от грехов.

32. Один старец сказал блаженному Арсению: „Отчего мы, при таком образовании и мудрости, ничего доброго не имеем; а сии простолюдины-египтяне стяжали такие добродетели?” Авва наш отвечал: „Мы ничего доброго не имеем от мирского образо-

вания, а простолюдины-египтяне стяжали добродетели своим трудом”.

Не светская ученость делает христианина нравственно совершенным и мудрым, а духовный опыт, приобретаемый жизнью и подвигами поста и молитвы. Авва Арсений любил часто об этом говорить, вменяя в уметы все свои мирские знания, которыми обладал в изобилии.

33. Блаженный авва Арсений говорил: „Монах — пришлец в чужой стране, ни во что не должен вмешиваться, и тогда он будет покоен”.

Как не может быть общения свету ко тьме, так не должен монах иметь связь с миром, который непременно затянет его в свои сети и заставит если не отречься совсем, то во многом поступиться иноческим званием. Поэтому монах, если по какой-либо причине окажется среди житейской сутолоки, обязан так вести себя, чтобы ничто земное к нему не приражалось.

34. Авва Макарий спросил Арсения: „Хорошо ли не иметь в своей келье никакого утешения?” — „Хорошо, — отвечал старец, — но смотря по навыку человека, ибо если он не имеет силы для такого образа жизни, то опять насадит других овощей”.

Лучше позволить себе невинное, скромное утешение, чем, ограничив себя во всем, носить в сердце недовольство, ропот, раздражительность, ибо что для одного является обычным и легким, то для другого — трудным и непосильным. Подвижничество нужно

проходить осмотрительно, постепенно, восходя, по выражению старцев, от силы в силу. Если новоначальный послушник в обители, говорят они, сразу горячо возьмется за подвиги, как бы стремясь быстро вскочить на небо, то его нужно задержать.

35. Авва Арсений взял к себе в келию одного монаха, который воровал домашние вещи у иноков, желая исправить его и успокоить братию. Он говорил ему: „Чего ты ни пожелаешь, я все тебе дам, только не кради“. И Арсений дал ему все, что нужно было для него. Но монах, ушедши от старца, опять стал воровать.

Всякая страсть отличается ненасытностью и с трудом уничтожается, но особенно резко выделяется в этом отношении воровство. Казалось бы, для пресечения его нужно только удовлетворить человека тем, на что он льстит, к чему простирает свою хищническую руку, и, однако, иной раз никакие меры не убивают названной порочной склонности. Бывают удивительные примеры того, как зараженный kleптоманией при всем своем достатке не перестает брать чужое.

36. Некогда св. Арсений сказал своему ученику, авве Александру: „Когда ты приготовишь для себя ветви, приди и вкуси со мной пищи, а если придут странники, ешь с ними“. Авва Александр стал не спеша, спокойно работать. Наступил час трапезы, и он, не докончив дела с ветвями, согласно слову старца не оставил работы, а продолжал ее. Арсений же, видя, что ученик его замедлил, один вкусил пищи, рассуждая в себе: нет ли у него странников?

Авва Александр затем, окончив вечером работу, возвратился домой. Старец спросил его: „Ты странников принимал?“ — „Нет“, — ответил ему тот. „Почему же не пришел в свое время?“ — „Ты сказал мне, — когда приготовишь для себя ветви, тогда приходи, — и я, соблюдая твое слово, как только покончил их, пришел теперь“. Удивился блаженный старанию ученика и преподал ему такой совет: „Вперед скорее оканчивай работу, чтобы несмущенным совершать молитвословие, и принимай несколько воды, иначе тело твое скоро изнеможет“.

Здесь сказала любовь преп. Арсения, который, может, даже испытывал послушание своего верного ученика.

37. Однажды в скит подано было немного смокв, и их, как ничего не стоящих, не послали к авве Арсению, чтобы он не принял за обиду. Старец же, узнав об этом, не пошел в общее собрание на молитву, говоря: „Вы отделили меня, чтобы я не получил благословения, Богом посланного братьям, которого я не был достоин получить“.

Все услышали, что говорил блаженный, и получили пользу от смирения и простоты его. После того пресвитер принес старцу смокв и с радостью привел его в общее собрание на молитву.

38. Авва Арсений говорил: „Ко всем имейте любовь и от всех уклоняйтесь!“

39. Один брат в Скиту, подошедши к келии аввы Арсения, посмотрел в дверь и увидел, что старец весь как бы огненный. Очевидно, брат этот достоин был такого видения. Когда затем он постучался, старец вышел и, увидя пришедшего, объятого ужа-

сом, спросил его: „Не видел ли ты чего здесь и долго ли стучался?“ Тот ответил: „Нет“. Побеседовав, наш великий отец отпустил с миром брата.

Преп. Арсений задал подобного рода вопрос не потому, что хотел проверить, в каком молитвенном пламени брат застал его, чего сам, по смирению и самоуглублению, не замечал за собой и не желал об этом слышать от других, но старца поразили ужас, отобразившийся на лице пришедшего, и он решил узнать причину сего. Равно как и брат по своему благоразумию не сказал преподобному, что видел, щадя самоуничтожение святого.

40. Пришел к преподобному Арсению один брат и стал стучаться у дверей. Старец, думая, что это был его прислужник, отворил вход. Увидев же постороннего человека, пал на лицо свое. Пришлец стал говорить ему: „Встань, авва! Дай мне облобызать тебя!“ Но блаженный отец отвечал ему: „Не встану, пока ты не уйдешь“. Старец, несмотря на долгие просьбы посетителя, не встал, пока тот не удалился.

Здесь описан обычный прием затворников и безмолвников, употребляемый ими в отношении случайно проходящих к ним людей. Так поступал, например, наш подвижник преп. Серафим. Но бывает, что те же блаженные отцы только от некоторых укрывают свои лица. Причину этого нужно искать не столько в недостойности самих посетителей, как это последним может казаться, а в личном настроении подвижников, не желавших в известный момент по своей духовной настроенности кого-либо видеть,

а тем более говорить и выслушивать житейские дразги и т. п.

41. Авва Даниил, ученик преп. Арсения, рассказывал: „Находился я однажды близ аввы Александра. Труд одолел его, и он от утомления лег на земле, смотря вверх. В это время шел к нему для беседы блаженный Арсений, который издали увидел его в таком положении лежащим. Побеседовав с аввою Александром, старец спросил его: „Кто этот мирянин, которого я здесь видел?“ Тот переспросил святого: „Где ты видел его?“ – „А вот, когда сходил с горы, я взглянул сюда на пещеру и увидел кого-то лежащего кверху лицом“. Тогда авва Александр поклонился преподобному и сказал: „Прости мне, это был я, ибо труд одолел меня“. Старец закончил свой разговор словами: „Так это ты был? хорошо, а я подумал, что лежал мирянин, а потому и спросил тебя“.

Наш старец слегка обличил ученика своего, принявшего при отдыхе неудобную для инока позу, а вместе умело подошел к его совести, сразу вызвав в нем сознание вины. Здесь проявилась старческая мудрость преподобного Арсения в деле духовного руководства своими учениками.

42. Тот же авва Даниил передавал: некоторые братья, намереваясь отправиться в Фиваиду за льном, пользуясь случаем, решили посетить авву Арсения. Когда авва Александр вошел к старцу и доложил ему: „Братия, пришедшие из Александрии, желают видеть тебя“, – то старец ответил ему: узнай от них, для чего они пришли. Узнав, что они идут

в Фиваиду за льном, авва Александр сообщил об этом преподобному. Тот тогда стал так говорить: „Истинно, не увидят они лица Арсениева, ибо не для меня пришли, а по своему делу. Успокой их и отпусти с миром, а обо мне скажи: старец не может принять вас”.

Многие не по вере и расположению, а по простому любопытству, лишь испытывая, ищут бесед и свидания со старцами — людьми выдающимися по своим нравственным качествам, как это было и при жизни Спасителя, когда некоторые из фарисеев, искушая, подходили к Нему с лицемерными вопросами. По всей вероятности, такими были и братия, которым преподобный Арсений отказал в приеме.

43. Авва Даниил еще рассказывал: „Пришли однажды из Александрии некоторые отцы видеть св. Арсения. Один из них был дядя старшего Тимофея, архиепископа Александрийского, прозванного нестяжательным, и с ним племянник по брату. Старец тогда был болен и не хотел видеться с ними, дабы и другие также не пришли и не стали беспокоить его. В то время преподобный находился в Петре Тройской. Отцы возвратились домой с печалью. После того случился набег варваров, и преподобный пошел и остановился в нижних пределах Египта. Услышав об этом, отцы опять пришли посетить его. Старец на этот раз принял их с радостью. Тогда они сказали ему: „Не помнишь ли, авва, — мы приходили в Трою посетить тебя, и ты не принял нас”. Св. Арсений на это сказал: „Вы ели хлеб и пили воду, а я, истину скажу, не отведал ни хлеба, ни воды, наказывал сам себя, пока не узнал совершенно,

что вы возвратились в свое место, потому что для меня вы утомились. Но простите мне, братия!” Инок пошел от него теперь утешенные.

Если для любопытствующих старец часто закрывал двери своей келии и не принимал, то для искренне ищущих духовного назидания и спасения души он готов был всегда проявить любовь, и когда это ему не удавалось по каким-либо причинам — болезни, неимения времени, по данному обету молчания, затворничества или просто потому, что не сообщили о пришедших, то старец тогда болел сердцем, скорбел за огорчившихся братьев и усердно молился о благополучии и исполнении их добрых желаний. Так, очевидно, было и в данном случае с преподобным Арсением.

44. Авва Даниил и еще поведал о преподобном Арсении: „Призвал он однажды живших около него отцов Александра и Зоила и со смирением сказал им: „Демоны нападают на меня, и я не знаю, — не одолеваюсь ли ими во сне. Потрудитесь эту ночь остаться со мной, и постерегите, не задремлю ли я во время бдения”.

Аввы Александр и Зоил с вечера молча сели один по правую, а другой по левую руку старца. После отцы эти говорили: „Мы уснули, потом встали и не замечали, чтобы он задремал. Поутру же (Бог знает), нарочно ли это сделал, дабы мы подумали, что он дремал, или в самом деле природа склоняла его ко сну, только старец трижды вздохнул и, тотчас встав, сказал: „Да, я задремал”. А мы сказали в ответ: „Не знаем”.

Преп. Арсений, кажется, все меры принимал к духовному трезвлению и бодрствованию. Сюда нужно отнести, что нужно большое смирение и уничижение, чтобы просить других следить за нашим поведением, как это делал великий наш отец Арсений.

45. Еще сказал авва Даниил: „В один день позвал меня блаженный Арсений и говорит мне: „Успокой отца твоего, дабы он мирно отошел ко Господу, — и он помолится Ему о тебе и благо ти будет” (Исх. 20, 12).

Преп. Арсений, пришедши в преклонный возраст (умер 96 лет), нужно полагать, нуждался в некоторой посторонней помощи, каковую и оказывал ему его ближайший ученик авва Даниил, для которого, быть может, это было своего рода подвигом; по крайней мере, так мог думать сам старец. Желая ободрить и воодушевить преданного ученика, наш отец высказал ему, в приведенных словах, как бы благодарность, а вместе утешение, указав, что его услуга не пропадет даром, а привлечет к нему особую Божию милость. Сам же авва Даниил едва ли тяготился служением духовному отцу. Бывают в обителях необычайно трогательные примеры нежной сыновней любви ученика к старцу.

46. Когда блаженный Арсений при вступлении в обитель подвергся первому испытанию, и ему старцем Иоанном Коловым был брошен во время трапезы сухарь, то он про себя так подумал: „Этот старец — ангел Божий и прозорливец, потому что знает, что я хуже пса; поэтому и сухарь бросил он мне как псу; по той же причине я должен и съесть его как пес”.

У человека гордого описанное обращение преп. Иоанна Колова могло вызвать большое негодование, осуждение, огорчение по отношению к старцу*.

47. Авва Арсений пришел некогда в одно место, где рос тростник и колебался от ветра. Старец сказал братии: „Что это за шум?“ Братия говорят ему: „Это шумит тростник“. Старец сказал им: „Подлинно, если кто пребывает в безмолвии и услышит голос воробья, то сердце его не может сохранить прежнего состояния; тем более трудно сохранить его вам, слыша шум тростника“.

48. По словам аввы Даниила, преп. Арсений, приближаясь к смерти, завещал ученикам: „Не заботьтесь делать по мне вечера любви, ибо если я в жизни сей приготовил для себя вечерю, то найду ее там“.

49. Говорил он еще ученикам следующее: „Постарайтесь о том, чтобы приносилась Божественная Жертва за мою грешную душу“.

50. Когда же ученики плакали, услышав это, старец продолжал: „Не плачьте, чада! Еще не пришел час кончины моей, хотя уже он недалек от меня, и знайте: я буду судиться с вами на судилище Христовом, если вы отдадите кому-либо тело мое“.

51. „А как же похоронить тебя?“ – переспросили святого братия. Авва ответил: „Привяжите к ногам моим веревки и выбросьте меня за гору“.

52. Умирая, преп. Арсений пришел в большой страх. Ученики его спросили: „Неужели и ты, честный отец, боишься смерти?“ Старец засвидетельствовал им следующее:

* Об этом смотри в начале нашего очерка о жизни преподобного Арсения. Здесь же то же самое приводим как его изречение.

„Я всегда чувствовал страх смерти, во все дни иноческой жизни моей, начиная с того дня, в который облекся в образ иноческий”.

Здесь имеется в виду страх от мысли, что иноческое звание якобы не исполнено, не сохранено.

Подводя итоги всему сказанному о преподобном Арсении, можно так кратко представить духовный его облик.

Он был представителем созерцательного монашества, которое по духу св. Православной Церкви преимуществует пред деятельным, ибо возводит подвижащихся в нем на степень ангельской чистоты и бесстрастия.

В своей подвижнической жизни наш авва явил следующие черты:

1. Презрение к миру, ибо бегал славы и людей, и пустыню предпочел всем земным почестям.

2. Нестязательность: отказался от наследства, царской дани, сам имея нужду в рубашке.

3. Безмолвие и молчание: жалел, когда приходилось ему говорить; не слушал пения птиц; удалялся всякого шума; просил не приходить к нему; падал ниц, чтобы не видеть лица человеческого.

4. Целомудрие: избегал взора женщин и даже случайного прикосновения их.

5. Смирение, которое простиралось у него до того, что он уподоблял себя псу и считал себя не достойным погребения. По смирению не учил других, а если случалось ему говорить что-либо в назидание, то делал это не от себя, а от лица других подвижников и старцев.

6. Простота: учился у простецов, стремился к ним и сам был прост в обращении со всеми.

7. Трудолюбие: плетением корзин добывал себе хлеб; он знал только труд и молитву.

8. Духовное бодрствование: боролся со сном, считая для монаха достаточным один час сна; просил учеников наблюдать за ним, дабы ему не погрузиться в расслабление.

9. Аскетизм: не менял воду, приготовленную для смачивания прутьев, из которых плел корзины; хуже его одежды никто из братии не носил; спал на рогоже; вкушал пищу скудную и в самом малом количестве.

10. Молитва: ночи проводил в ней, часто стоя до утра с воздетыми к небу руками; был часто объят молитвенным пламенем.

11. Укорение и покаянный плач: имел привязанный к поясу плат, который всегда был смочен слезами, истекавшими с его глаз ручьями.

12. Старчество: обладал духовным опытом и даром рассуждения; говорил немного, но сильно и глубоко назидательно; умел подходить к совести учеников осторожно, наставляя и исправляя их.

13. Преданность воле Божией, которую выразил в следующих сильных словах: „Если Господь не сохранил меня, то мне незачем и жить на земле”.

14. Твердость и несокрушимость в исполнении подъятых подвигов; был чужд человекоугодничества.

15. Любовь к ближним, что выразил в наставлении: „ко всем имейте любовь и от всех уклоняйтесь”. По той же любви он взял в свою келию на исправление брата, привыкшего похищать чужое.

16. По дошедшим до нас письменным памятникам преподобный Арсений лицом был благообразен как ангел, сед, красив телом, высок ростом, но сгорблен и худ от великого воздержания, бороду имел до пояса, очи впалые, которые резко выделялись на его светлом лице.

Скончался наш авва после пятидесятилетних иноческих трудов и подвигов, в маститой старости, прожив около ста лет, в 450 году. Уже при жизни он пользовался известностью как редкий подвижник. Многие знаменитые отцы того времени удивлялись его делам и старались подражать аскетическим подвигам святого. Таким был Евфимий Великий, следовавший его безмолвию, молчанию, смиренномудрию, бедности в одежде, воздержанию в пище, терпению во всем, сокрушению и любви к пустыне, презрению к славе и обществу, постоянной молитве, состраданию и рассудительности. Благодаря такому подражанию этот великий палестинский отец, по словам преп. Феодора Студита, удостоился и тех дарований, какими в изобилии обладал преп. Арсений, получив просвещение от Божественного Света и дар прозорливости. (Похвальное слово Арсению-анахорету. Творения Феодора Студита, 2 том, с. 187.)

Спустя триста лет преп. Феодор Студит, засвидетельствовавший о подражании Евфимия Великого преп. Арсению, сам был увлечен тем же, написав нашему отцу прочувствованное слово, заключив его следующим восхвалением:

О, блаженнейший Арсений, чистое вместилище Духа! Какое слово может быть достойно твоих славных дел? Какой вид добродетелей восхвалить мне

в тебе прежде всего? Удаление из мира? Кто, услышав голос Божественный, скорее тебя оставил мир всецело? К способу и месту спасительного покоя поспешил патриарх Авраам, но с женою и имуществом. Ты же, совершенно одинокий, без одежды и лишних вещей, имея на плечах только крест Христов, поселился в пустыне. Царский дворец тебя не привлекал, преимущество почестей над тобой не возоблада-ло. Насколько это представляется более удивительным, чем дело Авраама? Кто, подобно тебе пребыва-вая чувствами вне мира и земных мечтательных обра-зов, удостоился беседовать с Богом? Великий Мо-исей, поднявшийся на Синай. Но и ты, на столпе мо-литвы, не удостоился ли беседовать с Богом еже-дневно? И у того (от беседы с Богом) просияло ли-цо славою, а разве ты не явился, охваченный огнем, видевшему тебя? О чудо, через молитвенное обще-ние с Богом ты явился в виде пламени, уподобив-шись Тому, с Кем был в общении, стал огнедыша-щим ангелом и, дерзновенно говоря, превзошел сла-ву Моисея. А всеобщее стояние? Ночь как день освещалась для тебя молениями, как пел некогда божественный Давид (Пс. 38, 12). Солнце, пред-стоя тебе на молитве, передавало тебя солнцу же, совершая свое круговое движение. О солнце, сопер-ничающее с истинным духовным солнцем! Мысль твоя, полная света, чище солнечных лучей, возво-дит на небо помыслы, даже выше небес проника-ющие!

А сладость безмолвия? Кто казался большим лю-бителем безмолвия, чем ты, удалившийся от шума человеческого и к одному Богу устремлявшийся? Говорят, что философ Пифагор ни с кем не беседо-вал, кроме быков и птиц, из любви к безмолвию.

Ты же, опровергая его нефилософскую склонность как нечто малоприличное, обитал в пустыне, даже гласа птиц не слыша. Твое чистое сердце казалось похожим на глубоко спокойное море, так как ветры злобы далеко были унесены дыханием Всесвятого Духа, с помощью Которого ты, совершив плавание, успокоился в невозмутимой пристани Высшего Царства.

А высота смиренномудрия? Кто подобно тебе смирял себя в простой одежде? Кто, сначала живя с императором и будучи многообразован, потом так скрывал свое благородство и погибающую мудрость? Одевавшийся в золото, ты стал носить беднейшую одежду; многомудрый — ты стал простецом; многоученый — стал учиться посредством вопросов и наставлений умерщвлению страстей и превзошел всякого другого. А к родственникам — какое у тебя было чувство? Об этом ты сам сказал: „Я прежде него умер”, предпочитая, конечно, добровольную смерть естественной. Приведу и блаженное твое изречение: „Арсений, зачем ты вышел?” Его поют лики монахов, идущие по пути спасения. Ибо помнить причину, ради которой мы вышли из мира, и только об этом заботиться — есть препятствие для греха.

А восторг божественного сокрушения? А непрерывное размышление о смерти, постоянно наполнявшее твое чистое сердце, из которого беспрестанно текли потоки слез и возжигали в тебе огонь Божественной любви?

По целомудрию — я назвал бы тебя вторым Иосифом, но ты и память о женщинах навсегда изгнал из своего сердца!

О, воистину муж, сообразно своему имени, и ничего женственного не носящий в себе. Воздержанием попирая страсти, ты подражал патриарху Иакову; и ел для того, чтобы жить, а не жил для того, чтобы есть; о чем внешние размышляют в слове, то ты ежедневно исполнял на деле. Через бодрствование ты стал как бы бесплотным, усыпляя звезды своими бдениями, проводя ночь в молитвах; исполненный всякой добродетели, величайший любитель всякого добра!

О, светлейшее небесное светило!

О, самая блестящая звезда молчальников!

О, возжеланнейшая слава монахов!

О, земной ангел, окрыленный красотой воздержания!

О, рай добродетели, насажденный всяким прекрасным добром!

О, звездное небо, различными красотами украшенное, созданное на вершине чистой жизни!

Аминь.

ЮРОДИВЫЙ ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ КОРЕЙША

Составил А. Ф. КИРЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие из старожилов Москвы, вероятно, помнят то время, когда в Преображенской больнице умалишенных находился известный всей Москве „Иван Яковлевич“, который получил высшее академическое образование и обладал от природы умом светлым. Он был для многих камнем преткновения как образом своей юродствующей жизни, так и своими действиями, шедшими вразрез обычаям мира, и поэтому посещавшие его из одной лишь любознательности уходили с полным убеждением, что видели сумасшедшего; тогда как в то же время люди, чаще других бывавшие у него и с религиозной точки зрения глубже всматривавшиеся в его жизнь и действия, видели перед собою не только не сумасшедшего, но даже и не простого смертного, а великого по терпению своему подвижника, добровольно презревшего мир, со всеми его благами, и принявшего полную нищету и юродство, которое и св. отцами Церкви принимается за самое великое подвижничество.

Все мы, смертные, не лишены желаний и питаем надежды быть участниками вечного блаженства, не

обращая при этом серьезного внимания на то, что для желающего быть на пути к небу, предварительно нужно силою собственной воли заставить себя от решиться навсегда от всех страстей и земных привязанностей, освободиться от похотей плоти, чтобы предаться влечению духа, попрасть все земное, чтобы мудрствовать горняя, извергнуть мир из сердца, чтобы оно было свободно для беспредельной любви к бесконечному Богу.

Такие люди, если и встречаются в жизни нам — мученикам суеты мирской, — то действительно кажутся какими-то странными и по образу жизни своей не нормальными, как казался многим и Иван Яковлевич, потому что мир, по убеждению большинства, дарован нам для пользования и наслаждения его благами, а подобные Ив. Як. не только не пользуются благами мира, но даже издеваются над самим миром и ни во что вменяют его обычаи.

А между тем, если бы мы, мученики суеты мирской, потрудились в свое время повнимательнее всмотреться в действия и жизнь Ив. Як. и убедиться в том, что пред нами не психически больной, а добровольный страдалец, человек высокого ума и образования, тогда невольно приняли бы во внимание даже то одно обстоятельство, что какое, например, нужно было самоотвержение здравомыслящему человеку сорок три года находиться в сообществе сумасшедших, доставляя им установленным больницею сбором за вход к нему — улучшенное содержание и не получая от них, как умалишенных, за это благодарности.

Если вполне здоровому человеку пришлось бы один месяц пролежать на койке среди обыкновенных больных, и то покажется время это тяжелым

крестом, а здесь десятки лет в кругу не таких больных, с которыми можно бы было хотя словом перекинуться, а в кругу людей, лишенных рассудка и смысла человеческого, от которых никакое слово не могло находить отголоска.

Для тех людей, что Ивана Яковлевича знали таким, как объясняю я, мне кажется небезынтересным будет узнать и его прошлое.

Настоящее второе издание дополнено новыми сведениями из жизни Ив. Як., доставленными почтенною старушкою Авдотьей Савишной, которая более 25 лет ходила ежедневно в Преображенскую больницу прислуживать Ивану Яковлевичу.

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА

Иван Яковлевич по фамилии Корейш был сын священника, уроженец г. Смоленска. Первоначальное образование получил он в Смоленской Духовной семинарии, закончивши таковое Духовною Академией, и, не пожелавши принять сан священника, был определен учителем в Духовное училище.

С самых юных лет он любил уединение и духовно-нравственные книги, избегая товарищества, а тем более их увлечений и удовольствий. С возрастом же жажда научных познаний увеличилась, и он уже совершенно стал избегать людей, уединяясь постоянно туда, где никого не было и никто бы ему не мешал в занятиях изучения Священного Писания. Наконец, и самое звание учителя, как отвлекающее его от духовных его созерцаний, он оставил и ушел из Смоленска с целью поклониться святыням русским; так он был в Соловецком монастыре, в Кие-

ве, а затем посетил Нилову пустынь, где и остался, работая три года вместе с братиею и исполняя все возлагаемые на него настоятелем послушания; по миновении же трех лет он опять возвратился в Смоленск, принявши вторично обязанности учителя.

Но как занятие это, во всяком случае, более светское, где невольно должен он был вращаться в кругу людей, которых он по свойству характера своего избегал с самого детства, а к тому же эта мирская суэта постоянно рассеивала его богодухновенное настроение ума и не давала возможности всецело углубиться в созерцание тайн Божиих, почерпаемых им из книг Священного Писания, то он, предположивши оставить учительство, но не желая обидеть своих учеников и их родителей, которые глубоко его уважали за честное и добросовестное отношение к своим обязанностям преподавателя, притворился как бы помешанным и стал проявлять в действиях своих юродство.

Жители Смоленска, зная непорочную его жизнь с юных лет и привыкшие смотреть на него не как на обыкновенного смертного, но как на человека более их достойного по жизни, и по нравственности стоящего выше их, признали в мнимом его безумии и юродстве Божьего в нем человека, а потому и стали надоедать ему с разными житейскими дрязгами, требуя от него советов, что совершенно не соответствовало ни его смирению, ни настроению его духа, ни его единственному стремлению — быть дальше от людей и жить в безмятежном уединении. А так как он духовную мудрость свою прикрывал юродством, то скоро нашел и средство, которое бы препятствовало по возможности нежеланным посетителям нарушить его одиночество. Он поселился жить на ого-

роде, в пустом строении, бывшем прежде банею. На наружной стене этой бани он наклеил письменное объявление, чтобы желающий посетить его и пользоваться его беседою входил к нему не иначе, как ползя в дверь на коленях. Понятно, что подобное требование в иных оскорбляло самолюбие, другие не решались рвать и грязнить одежду, а потому и уходили, не тревожа обитателя бани.

Каждое почти раннее утро слышно было Ивана Яковлевича, поющего в своем незавидном помещении духовные псалмы, а особенно любимое нижеследующее стихотворение, которое он певал:

Господи, кто обитает
В светлом Доме выше звезд,
Кто с Тобою населяет
Верх священных горних мест?

Тот, кто ходит непорочно,
Правду навсегда творит
И нелестным сердцем точно,
Как языком говорит.

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышнего рабов
И пред Ним душою правых
Держится присяжных слов.

В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет;
Кто на свете жить так тщится,
Тот веки не падет.

В этой обстановке протекала жизнь его несколько лет, так что в 1812 году, во время нашествия неприятеля на Россию, Ив. Як. оставался в Смоленске; многие видели его, как юродивого, близ лагеря неприятельских армий, где враги наносили ему неоднократно оскорбления.

По оставлении неприятелем России Ив. Як. опять стал продолжать ту же отшельническую жизнь и в той же бане, допуская, впрочем, по временам к себе желающих получить от него совет и наставление в обычных житейских невзгодах и предприятиях. Этим обстоятельством воспользовался и исконный враг рода человеческого, который не мог быть равнодушным зрителем аскетической жизни Ив. Як. и замыслил нанести ему зло следующим образом:

В начале 1817 года одному вельможе, человеку далеко уже не молодому, но при богатстве, с пеленок избалованному удачами в жизни, приглянулась, проездом через Смоленск, красавица, дочь одной бедной вдовы-чиновницы. Разузнав, кто она такая, и убедившись в неподкупности быть его содержанкой, решился для достижения цели употребить обман. Выдав себя за холостого человека, стал официально просить ее руки, но с тем, однако, что брак должен быть совершен по приезде их в Петербург.

Бедная мать невесты при таком лестном предложении богача-вельможи просто голову потеряла, не зная, на что решиться: с одной стороны, — в перспективе рисует ее воображение счастье дочери и при этом, конечно, обеспечение в материальном отношении и ее самой; а с другой стороны, — боязнь, нерешительность и сомнение, отпустить дочь с незнакомым ей вполне человеком, хотя и вельможей, по обстановке и уверению начальствующих лиц Смо-

ленска, и отпустить притом одну и в такую неведомую ей даль. Действительно было над чем призадуматься, тем более, что и посоветоваться-то в таком важном деле ей положительно было не с кем; обычные ее кумушки и соседки, те только ахали, даже и не без зависти, выпадающему на ее долю счастью. Наконец, нашелся один добрый человек, который сам хотя, собственно, ничего не мог ей сказать в пользу, но посоветовал ей сходить к Ив. Як. и объяснить ему откровенно свое затруднительное положение.

Так она и сделала.

Выслушав ее, Ив. Як. приказал ей дочь свою ни в коем случае не отпускать с вельможей, ибо у него дома жена и трое детей, а при живой жене никакого законного брака быть не может. Услыхавши такую поразительную весть, бедная вдова-мать почла уже за бесчестье принимать к себе в качестве жениха дочери вельможного обманщика и поэтому от просимой руки дочери наотрез ему отказала. Оскорбленное самолюбие вельможи и разоблаченный обман не имели границ злобе его, и вот он, добившись истины о том, кто виновник разоблачения придуманного им обмана, всю месть свою сосредотачивает на Ив. Як. и посредством связей своих достигает того, что Ивана Яковлевича, как бы вторгающегося в мирные семейные дела и расстраивающего их основы своими безумными советами, долее оставлять на свободе признают вредным для общества. А так как в то время в Смоленске дом умалишенных был неприятелем разрушен, то, по предварительном сношении с московскими властями, решено было препроводить его в Москву. Чтобы не возбудить тем неудовольствия в жителях Смоленска, большинство кото-

рых душевно было расположено к Ив. Як., находя в нем всегда доброго советника в своих затруднениях, то Ив. Як., связанного по рукам и ногам, в простой телеге, покрытого рогожами, вывезли из города тайно, так что жители, встречаясь с едущею телегою, и не подозревали, что в ней лежит живое существо.

По прибытии в Москву он 17 октября 1817 года сдан был, как человек буйного будто бы характера и опасный для общества, в Преображенскую больницу умалишенных, где и водворен был со всеми предосторожностями в одиночном подвальном помещении женского отделения, прикованным к стене, в угол подвала; брошен ему был для спанья клоч соломы, прислугою была назначена грубая, воплощенное зло, женщина, приносившая ему, и то не каждый день, а когда ей вздумается, ломоть хлеба и кружку воды для пропитания.

В этом положении и помещении он содержался три года.

Впоследствии, нередко сам Ив. Як. при всех посетителях, передавал этот переезд его из Смоленска в Москву и содержание в подвале следующим образом:

„Когда суждено было Ив. Як. переправляться в Москву, то ему предоставили лошадь, но только о трех ногах, четвертая была сломана. Конечно, по причине лишения сил, несчастное животное выдерживало осуждение всеобщее, питаясь более прохладю собственных слез, нежели травкою. При таком изнуренном ее положении мы обязаны были своей благодарностью благотворному зефиру, по Божьему попущению, принявшему в нас участие. Ослабевшая лошадь едва могла передвигать три ноги, а четвертую подымал зефир, и, продолжая так путь, достиг-

ли мы Москвы, а октября 17 взошли в больницу. Это начало скорбям. Возчик мой передал обо мне обвинительный акт, и в тот же день по приказу строжайшего повеления, Ивана Яковлевича опустили в подвал, находящийся в женском отделении. В сообразность с помещением дали ему и прислугу, которая по сердоболию своему соломы сырой пук бросила, говоря: „Чего же ему еще! Дорогой и этого не видел! Да вот еще корми его всякий день, подавай воды с хлебом, а в бане жил, что ел? Погоди, я сумею откормить тебя, у меня забудешь проричать!”

Здесь я позволю себе прервать нить моего рассказа и коснуться судьбы той вельможной невесты, через которую так жестоко пришлось страдать Ив. Як. Она, скомпрометированная перед жителями Смоленска поступком вельможи, замуж идти ни за кого не пожелала, а поступила в монастырь, где впоследствии была игуменией и до самой смерти вела переписку с Иваном Яковлевичем.

В конце трехлетнего заточения промысл Божий указал Ив. Як. многим, истинно искавшим пользы духовной. Случай этот произошел следующим образом:

В Преображенской больнице, где содержался Ив. Як., жил с давних пор один блаженный, звали его Александр Павлович, из крестьян Костромской губернии. К этому блаженному многие обращались с вопросами, их интересующими, на которые постоянно получали ясные и прямые ответы. В числе почитателей его чаще всех ходил к нему для беседы один богатый фабрикант-суконщик, Лука Афанасьевич, молодой и холостой человек, уроженец Калужской губернии. Александр Павлович, в свою очередь, был тоже к нему расположен и принимал его

всегда с особым радушием. Однажды Лука Афанасьевич, в день своего ангела, прямо от обедни отправился к Александру Павловичу с тем благим намерением христианским, чтобы устроить для призреваемых — как ежегодно в этот день делалось — обед, и не успел он еще переступить порога в помещении Ал. Пав., как тот встретил его с распростертыми объятиями, чего с ним никогда прежде не бывало, и начал его целовать, приговаривая: „Как ты счастлив! как ты счастлив, радость моя! истинно благословен час рождения твоего!“ — и опять бросился целовать. Такой необычный привет до того удивил молодого фабриканта, что он не знал, чему все это приписать: если, думает, причина восторга предполагаемое им угощение в больнице, то подобные обеды им устраивались неоднократно и никогда таких приветствий не было, а Александр Павлович уже заметил его недоумение и сказал: „Ты вот, друг мой, смущаешься, а я радуюсь за тебя, радуюсь тому, что Бог удостоил тебя послужить не одному мне, а гораздо выше меня, то постарайся, ангел мой! Постарайся с любовью послужить доброму делателю винограда Христова, за то и сам получишь награду; ступай, отыщи его, он находится под нами, в подвале“.

Молодой человек, заинтересовавшийся таким иносказанием, сейчас же отправился к знакомой ему администрации богадельни и, не жалея никаких материальных затрат, был допущен в подвальное помещение больницы. Помещение это имело подобие темной, тесной ямы, в углу которой он увидел Ив. Як. в ужасной обстановке и положении.

По доброму почину фабриканта стали и многие быть допускаемы в этот подвал посидеть на сырой земле, возле прикованного страдальца.

В исходе двадцатых годов в Преображенскую больницу назначен был старшим доктором весьма гуманный и не старый еще летами, с душой, полной доброты и любви к бедствующему человечеству, г. Саблер. При первом же его посещении вверенной ему больницы он обошел всех больных, внимательно и сердечно отнесясь к каждому, наконец, опустился в подвальное помещение Ивана Яковлевича, и когда он увидел его лежащим на промозглой, сырой соломе, в углу тесной, темной ямы и прикованного к стене, то он, в ужасе отступивши, воскликнул: „Боже! слабый человек и может выдержать такую пытку; за что, скажите, пожалуйста, — обращаясь к сопровождавшим его, — он так жестоко, так бесчеловечно содержится!”

Ему показали бумаги, на основании которых он принят.

„Да ведь он уже скелет и не в силах встать без посторонней помощи, а вы держите его на цепи. Стыдно! Позорно!”

Все молчат, потому что они сами сюда и не заглядывали.

„Извольте сейчас же цепь снять, вынести его наверх, в чистую комнату и переменить белье!”

Засуетилась прислуга, появились носилки, и Ив. Як. был водворен в новом помещении.

С этого времени положение Ив. Як. совершенно изменилось до неузнаваемости. Ему назначили просторную светлую комнату, доктор особенно от прочих больных обратил на него внимание, стараясь всеми мерами привести его силы в нормальное состояние, весьма часто навещал его, подавая тем пример внимательности к нему и прочим служащим в больнице; при этом дозволил свободный вход к нему

посторонним во всякое время, а впоследствии, когда посетителей умножилось до 50 человек ежедневно, тогда администрацией больницы была поставлена кружка, и каждый приходящий к Ив. Як. обязан был предварительно опустить в кружку 20 копеек. Деньги эти употреблялись на улучшение содержания безумных, так что с этого времени пища для больных подавалась свежая и здоровая, белье чистое и, кроме того, для умалишенных введены были разнообразные и полезные занятия и развлечения, не исключая даже биллиарда и роялей; запущенный в прежнее время сад при больнице также был очищен и приведен в порядок, где в летнее время больные проводили большую часть дня под надзором прислуги.

Занявши просторную и светлую комнату, Ив. Як. нисколько не думал о своем покое. Он и в просторном помещении нашел прежнюю свою тесноту: в углу, около печки на полу, в размере двух квадратных аршин, он определил себе пристанище и, как осужденный, не смел протянуть ноги за определенную им самим черту; остальную же часть комнаты, со всею мебелью и даже кроватью, он оставил для приходящих, а себе собственно ни в чем не давал покоя и ничему не потворствовал: ни телу, ни вкусу, ни обонянию; с первого дня входа в это помещение и в продолжение сорока лет он никогда не садился, а или лежал на полу, когда крайне утомлялся, или постоянно все делал стоя на ногах, даже когда писал что или ел. И только впоследствии, при глубокой старости, больше лежал, каким заставлял его уже я.

Чтобы не давать покоя телу, а вместе с тем и быть в движении, он постоянно занимался толчени-

ем камней, бутылок, костей и прочих предметов, удобоподдающихся в руке его булыжнику, обращая все это в мельчайший порошок и, перемешивая с песком, приказывал выносить и доставлять новый материал. Находящийся при Ив. Як. служащий из отставных солдат, которого Ив. Як. не иначе звал, как Миронкой, человек вполне простой и добросердечный, но постоянно ворчащий, вынося и принося означенный для потребления материал, снисходил только потому, что признавал все действия Ив. Як. действиями безумного.

Бывало спросишь его: „Ну что, Мирон, как живется?“

„Какая, скажет, жизнь с безумным человеком: ни днем, ни ночью покоя нет, как каторжный, днем, видите сами, чем он занимается: шум, стук, голова треснуть хочет; потом эти посетители, и зачем лезут — не понимаю; а ночью ляжет животом на пол, да на локотках против иконы и до самого рассвета неведь что лопочет, уснуть-то как следует не дает“.

Во время толчения камней и бутылок принимали участие некоторые посетители, которых Ив. Як. приглашал потрудиться; так, например, мой отец очень часто исполнял эти работы.

Работая, Ив. Як. иногда напевал так:

„Хвалу Небесному Владыке потщися дух мой о воспеть; я буду петь о Нем всечасно, пока живу, могу дышать“, но дальше продолжения не помню.

Чтобы не давать услаждения вкусу своему, Ив. Як. употребил такой способ: изготовляя себе что-либо в пищу (при этом заметить надо, он ложек не имел, а ел руками), например, раз принесли казенных щей и каши, а из посетителей в это время кто-то принес ему в подарок лимон, другой ананас, а

третий фунт семги; и вот Ив. Як. ввалил кашу в щи, в которые выжимает лимон; туда же опускает и ананас, и часть семги и, рукою все это смешав, ест, приглашая с сардонической улыбкой разделить с ним трапезу или какую-нибудь из посетительниц, расфранченную купчиху, или сластолюбца-барина; но по немощи человеческой все под разными предлогами отказывались, а других угощал каким-нибудь одним кушанием, не смешивая с прочими.

Смотря на таковые его действия, многие уходили разочарованные относительно подвижничества Ив. Як., определяя все виденное безумием его.

Приношений от посетителей из каких-либо предметов, вещей и денег Ив. Як. в свою пользу никогда не употреблял, разве только один нюхательный табак, которым он посыпал голову и одежду свою, но затем передавал или умалишенным, или кому-либо из посетителей. Плодами, как-то: апельсинами, лимонами, яблоками и т. п. он тер стены своей комнаты — и только, а деньгам не придавал никакого значения. „У нас, — говорил он приносившим, — одежка пошита и хоромина покрыта, находи нуждающихся и помогай им!”

Иногда даже приказывал, бывало, кому-либо из состоятельных посетителей, лично при нем, помочь или бедной вдове, или какому-нибудь просто бедняку, пришедшим также спросить что-либо у Ив. Як.

Но в общем он так хитро маскировал свои действия пред народом, что грешно осуждать тех, кто его принимал за сумасшедшего, нужны были и время, и особое настроение души, чтобы видеть в нем истинного подвижника.

К нему, например, кроме ежедневной массы посетителей, присылалась тоже масса записочек с воп-

росами, на которые приходилось Ив. Як. писать ответы. А когда Ив. Як. был уже слаб от старости, то ответы эти под его диктовку писали посещавшие его ежедневно: один отставной диакон или молодой, блестяще образованный дворянин Павел Абрамович Аладин.

Предлагаю для наглядности несколько ответов, писанных его рукою, на присланные ему записки с вопросами (сочинение Шаркова, 1865 г.), из которых читатель легко может убедиться, в состоянии ли подобные ответы на вопросы писать сумасшедший:

Вопрос: Что ожидает Петра?

Ответ: Я не думала и не гадала ни о чем в свете тужить, а придет времечко, начнет грудь томить.

Вопрос: Идти ли мне в монастырь?

Ответ: Черная риза не спасет и белая в грех не введет. Будьте мудры, яко змии, и кротки, яко голуби. 185. рока июля XXII. Студент хладных вод Иван Яковлев.

Вопрос: Выйду ли я замуж?

Ответ: Эта хитрая наука в своей силе, что в рот носили.

Вопрос: Скоро ли Х. разбогатеет?

Ответ: Не скоро, а животи здорово!

Вопрос: Продается ли деревня?

Ответ: Никогда.

Вопрос: Любит ли А-у Н-й?

Ответ: Н-й любит Екатерину.

Вопрос: Что мое дело?

Ответ: Воды льются всюду, но не равны все суды.

Вопрос: Богато ли будет жить раба Н.?

Ответ: Бог богат, надо думать, что будет богата...

Вопрос: Ехать нам этой зимою в Петербург?

Ответ: Как вам угодно!

Вопрос: Будут ли мне рады в Петербурге?

Ответ: Бог лучше радуется о спасении брэнного человека, нежели о 9-10 праведных соспасенных.

Вопрос: За кого выйдет девица А. замуж?

Ответ: За Иосифа Прекрасного.

Вопрос: Что ожидает рабу Н.?

Ответ: Мир нетления.

Вопрос: Счастлив ли будет мой сын Александр старший?

Ответ: Пока счастье прозябает, много друзей бывает; когда счастье же проходит, тогда ни един друг не приходит.

Вопрос: В пользу ли рабы Н. кончится дело в сенате?

Ответ: Половину дела тот мает, кто добрый начал обретаает.

Вопрос: Кто будет раб Николай?

Ответ: Архидиакон.

Вопрос: Что будет рабу Константину?

Ответ: Житие, а не роскошная масляница.

Когда мой отец в пятидесятих годах, а вместе с ним иногда и я, стали посещать Ив. Як., в то время он был уже стар, но еще бодр, одет был во все темное — и рубашка, и халат были из темного кубоватого ситца, подпоясывался мочалой или полотенцем. Сверх халата надевал иногда таковой же или другой халат с овчинным воротником, шея и грудь с висевшим на ней крестом постоянно были открыты; лежал он на полу, в правой стороне от входной двери, в углу на стене висели иконы, против которых стоял пожертвованный кем-то большой высеребранный

подсвечник с местной свечей. В числе икон находился драгоценный образ, на тыльной стороне которого вырезана надпись о том, кем икона эта была пожертвована по случаю исцеления жертвователя от тяжелой болезни Ив. Яковлевичем.

Отец мой, уроженец г. Тулы, лишившись в молодых годах безумно любившей его жены, безумно любимой им женщины, а моей матери, стал вести жизнь крайне невоздержанную, чрез что имевшийся у него в Туле прекрасный дом, только что при жизни матери выстроенный, был им продан за бесценок, какое после матери осталось достояние прожито, и сам он перешел на службу в Москву; но и здесь по временам не оставлял кутежей, продолжавшихся неделями.

Я в то время был лет 16-ти, а сестра моя гораздо моложе; кто-то, не знаю, из знакомых отца, человек добросердечный, видя наше (детей без матери, при постоянном отсутствии отца) такое грустное положение, стал первоначально укорять отца за таковой образ жизни, а затем советовал съездить в Преображенскую больницу к Ив. Як., уверяя его, что он таких господ, как отец, сумеет образумить. Но отец таких советов и слышать не хотел, называя и самого советовавшего пошлым дураком, доказывая ему, в свою очередь, что для того, чтобы решиться ехать к сумасшедшему, надо самому быть сначала идиотом.

При таких убеждениях отца прошло немало времени. Наконец, как-то отец, закутивши, не ночевал дома. Мы, дети, крайне, конечно, беспокоились, не спавши ночь, ожидали его. Вот настало утро другого дня, затем время обеда, а его все нет. Стало темнеть и наступал вечер, мы находились в таком тревожном состоянии, что не знали, что подумать и что

предпринять, как вдруг звонок! Я весь бледный, зная буйный характер отца в таком состоянии, отпираю дверь. Действительно он, но, — о чудо! — совершенно трезвый и, по обыкновению, в таком виде ласковый. Мы, разумеется, обрадовались, бросились к нему с расспросами „где был?“. Ответ ясным остался в моей памяти до сих пор, впрочем, он, и по совершеннолетию моем, рассказывал не один раз:

„Прокутивши, — так начал отец, — далеко за полночь, ночевал я в нумерных банях, а утром со страшною головою болью, не зная, где бы убить время от гнетущей меня тоски, я задумал, ради развлечения, поехать в Преображенскую больницу посмотреть, кто таков этот Ив. Як.?

Приезжаю и вхожу в коридор больницы. Действительно, направо и налево везде сумасшедшие. Один подбегает ко мне и просит табаку, другой рекомендуетя каким-то выходцем с того света, а третий протягивает руку, как давнишний знакомый и несет околесицу. Оторопь меня взяла, куда, думаю, я попал и зачем приехал. Но, слава Богу, сейчас же указали мне дверь к Ив. Як., куда я и поспешил войти. Народа почти полна комната, и впереди всех, задом к посетителям, стоит среднего роста плешивый старичок и трет апельсином стену, приговаривая: „Федор (имя моего отца), Федоритесь Федорисимум; баней-то как запахло!“

Меня просто слова эти поразили; откуда, думаю себе, он знает и имя мое, и о том, что я прямо из бани, но не успел я собраться с мыслями, как Ив. Як., быстро обернувшись ко мне, проговорил: „Здравствуй, сосна! где ты росла, ну, дядя, будет, довольно, пора за работу. Ну-ка, Миронка, — обращаясь к служащему, — давай бутылок!“, которые сейчас же

были принесены. „Ну, дядя, садись и сокрушай, вот так!” — и передал мне в руки булыжник.

Битых два часа я трудился над этой работой, а отец, надо заметить, был из себя рослый и довольно тучный. В пот и в жар меня ударяет, поясницу больно, голова с похмелья трещит, а Ив. Як. только покрикивает на меня: „Сокрушай! — говорит. — Мельче, скоро адмиралтейский час настанет!”

В это время от сильного удара отлетевшим осколком стекла разорвало мне щеку и показалась кровь. Я приостановился, отирая щеку, а Ив. Як., приблизившись ко мне, захватил щепоть песка с мелким стеклом с пола и начала тереть мне щеку. Кровь остановилась. Бьет 12 часов. Ив. Як. приказывает служащему принести чашку простого вина.

„Скажи, что просит Ив. Як.”.

Приносит слугитель неполную чашку чайную вина. Ив. Як., отхлебнув из нее немного, перекрестил и подал мне. Я с жадностью выпил, но странно, что, когда я проглотил, то ощущал вкус не простого вина, а вина церковного”.

Тем и кончил отец свой рассказ.

С этого памятного для нас, детей, дня отец двенадцать лет не мог видеть никакого вина.

Наутро, когда он стал бриться и вспомнил, что накануне разрезал осколком стекла щеку, то не только шрама или даже царапины, а места самого, где был порез, не нашел.

В следующее затем воскресенье отец возвратился от Ив. Як. очень грустный и задумчивый, почти ни с кем ничего не говорил. Оказалось, что Ив. Як., вроде повести кому-то из посетителей изложил до малейших подробностей всю прошлую жизнь отца, напомним ему даже такие обстоятельства, которые он

давным-давно забыл. С этих пор отец вполне уверовал в прозорливость Ив. Як. и относился к нему с невольной робостью, как человек грешный, но вместе с тем и с полным расположением.

Последствием, вероятно, невоздержанной жизни у отца образовалось потемнение хрусталика глаза или катаракта, так что белые предметы ему казались уже грязными и покрытыми пылью, но он вначале не обращал на это серьезного внимания, а когда стал плохо уже видеть и обратился к врачебной помощи, то доктора объявили ему, что лечить такой запущенный катаракт невозможно, а необходима операция. Отец при одном слове „операция” уже робел, и „лучше ослепну, — говорил, — совсем, а никогда не решусь ни на какую операцию, не соглашусь”.

Так продолжалось довольно долгое время, а зрение становилось все слабее, и вот как-то, бывши у Ив. Як., он, между прочим, стал жаловаться на свое ослабевающее зрение. „А ты, — говорит, — дядя, вот что сделай: возьми шкалик водки, влей туда рюмку уксуса, положи гран камфоры, взболтай, да утречком и примачивай, а после настоем сенной трухи промывай и Боже благослови будет”.

Начал отец исполнять совет Ив. Як., и зрение стало становиться лучше. Он стал продолжать, и зрение улучшалось, наконец, настолько хорошо стал видеть, что счел уже излишним употреблять означенное средство, и так до самой смерти у него зрение было прекрасное, не нуждавшееся ни в каких оптических пособиях.

Было время, когда отец лишился занятий, а в Москве без заработка и без припасенных средств, всякому уже известно, что жизнь крайне трудна, а

тем более с семьей. Все, что было возможно продать или заложить, было продано и заложено, так что ни есть нечего, ни за квартиру платить нечем. Отец, как ни крепился, надеясь на помощь свыше, но, не видя в будущем никакого исхода к лучшему, упал духом и даже стал по немощи человеческой роптать и на Промысел Божий, не равняющий всех одинаковым достатком, и на Ив. Як., нисколько положению его не сочувствующего, напротив, как бы глумящегося над ним, потому что, когда отец был в достатке и при занятии, то он называл его „дядей”, а в этом безвыходном положении его стал величать „архиереем”. Но, несмотря на все это, отец в обычное время отправился к Ив. Як. Помню, что в отсутствие его я получил на имя отца в запечатанном конверте какую-то бумагу. Вечером, когда возвратился отец, я отдать тотчас же полученный конверт забыл, а увлекся, слушая отца об Ив. Як.

„Вошел, — говорит, — я усталый и измученный, да на душе-то невесело, а Ив. Як. ко мне с особым как бы почетом, архиереем так и величает, а мне уже не до того, уселся я на первое свободное место, так безучастно ко всему окружающему и сидел почти весь день. Только перед уходом моим Ив. Як. поднимает с полу валявшийся лоскут бумаги, разрывает его на части, которые все кладет мне в карман жилета, строго приказывая в Москве их не вынимать из кармана, а сосчитать их в том городе, где дело кончишь, и дальше со мной ни слова. Так ничего не понявши, я и ушел ни с чем”.

В это время, когда отец стал говорить про валявшийся лоскут бумаги, я вспомнил про конверт и сейчас же подал его отцу. Прочитавши, он просто переродился, повеселел и объявил нам, что завтра

уезжает в Коломну недели на две для приведения в порядок поручаемых ему каких-то дел и получения за это, конечно, вознаграждения.

На другой день он где-то достал немного денег, дал нам на продовольствие, отдал за квартиру и уехал, совершенно забывши, что у него в кармане жилетки лежат таинственные клочки бумажек, которые, впрочем, о себе дали знать сами уже в Коломне.

Спустя недели полторы по приезде, в тот именно день, когда он, окончивши дело и получивши за труды по договору 1800 руб. сотенными, возвратился к себе в номер, где, раздеваясь, бросил жилетку на диван, и так небрежно, что из кармана ее посыпались эти клочки бумажек, которые он сейчас же подобрал и счел. Их оказалось ровно восемнадцать.

С получением отцом означенного заработка мы заметно стали поправляться, пошли у отца дела, и вскоре он получил и хорошее место, так что между подчиненными он действительно был как бы „архиреем“. Жили мы тогда на Малой Якиманке, в доме диакона, а как квартира наша была в отдельном флигеле и взрослых мужчин в семье не было никого, кроме отца, он же по делам своим целые дни находился в отсутствии, то и нанят им был в качестве как бы дворника подмосковный крестьянин по имени Артем. Как сейчас его помню, простец был в полном смысле. С первых дней мы с ним сдружились, и он меня звал не иначе, как „Ляксандром“.

Для характеристики его приведу в пример следующий случай. В семье у нас столовая посуда была вся с изображением на ней разных рисунков. Как-то Артем меня и спрашивает, показывая миску, что изображает на дне ее рисунок? А рисунок изображал

какую-то швейцарскую загородную дачу со шпильями на крыше. Я, смеясь, сказал ему, что это церковь, он и успокоился. После этого я вечером неожиданно зашел к нему в кухню, он только что поужинал. Пустая миска стояла на столе ребром, подпертая солонкой сзади, а Артем перед миской этой на коленях молился, борода и усы в остатках каши, стало быть, прикладывался после ужина. Вот до какой степени не развит и прост был человек.

По некотором времени стал я замечать, что Артем постоянно и внимательно прислушивается к рассказам отца об Ив. Як., особенно, когда отец от него придет. Но как любознательность свойственна каждому, то на это и не обращалось никакого внимания, а Артем все продолжал прислушиваться, но, наконец, не выдержал и высказался.

Как-то в праздничный день отец собирался ехать к Ив. Як. Артем, по обыкновению, ему прислуживал и переминался.

„Ты что, Артем?“ — спрашивает его отец.

„Да что, батюшка барин, не во гнев твоей милости будь сказано, хочу я попросить тебя, не возьмешь ли ты меня с собой к Ив. Як.?“

„Зачем?“

„Да не поможет ли он мне на избенку?“

„На какую избенку?“

„А мы с сыном у себя на деревне новую избенку ладим, а сил-то, стало быть, докончить нет, вот я и хотел поклониться Ив. Як. Он, по твоим речам, надо полагать, человек душевный“.

„Оно все это так, — отвечает отец, — да денег-то у него нет“.

„Как, чай не быть, столько народа кажинный день!“

„Ну, собирайся, поедем!” — был ответ отца, и уехали.

День был летний, долгий, уехали рано и приехали рано. Меня, конечно, результат поездки Артема очень интересовал, поэтому я с нетерпением и удовольствием слушал рассказ отца.

„По входе к Ив. Як., — так начал отец, — я, поклонившись, объявил ему, что привез с собою моего слугу Артема, на избенку хочет у вас просить.

В это время мой Артем Ив. Як. в ноги.

„Не оставь, — говорит, — кормилец”.

„Хорошо, хорошо, — отвечает Ив. Як., — но только надо знать, какого размера изба? Ложись вот здесь на спину, а я прикину”.

Артем лег, Ив. Як., ползая вокруг него на коленях, стал измерять четвертями длину роста, говоря как бы сам с собою: два аршина восемь вершков, да вытянется вершка на два, вот и все десять, вставай, довольно!”

Артем встал и опять к Ив. Як.:

„Как же, родной, насчет помощи-то?”

„А на что она тебе?” — отвечал Ив. Як.

„Да на избенку-то”.

„Выстроят и без тебя, ступай домой. Боже благослови”.

С тем мы и уехали”.

В то время как отец рассказывал, Артема не было, он ушел на бассейн за водой для самовара, а по возвращении первое его слово было ко мне:

„Ляксандр! Подь-ка сюда”. Я подошел. Он показывает мне, как бы украдкой, целую пригоршню серебра.

„Где ты, — говорю, — взял?”

Отвечает: „Нашел”.

„Да где нашел-то?“ — говорю.

„На улице, за водой шел, подбирал, и с водой шел, подбирал“.

А тут вскоре понадобилось отцу послать его еще куда-то. Малый со всех ног бросился, по возвращении новая горсть серебра: „что ни шаг, — говорит, — либо полтинник, либо четвертак“. Наконец, он так вошел во вкус, что сам стал отцу напрашиваться: не нужно ли куда сбегать. Не помню — отец ли его посылал, а под вечер он все-таки куда-то ходил и сколько-то монет тоже нашел. При этом надо заметить, что ходил он все разы совершенно в противоположные стороны. Вообще Артем закончил этот день вполне счастливый и довольный, а наутро за ним приехал сын, взял его с собой денька на три в деревню, выстроенную избу посмотреть. Но прошло три дня, и неделя, а Артем не возвращался. Наконец, приезжает сын и объявляет, что тятенька вскоре по приезде из Москвы не более суток болел и Богу душу отдал.

По достижении мною совершеннолетия отец, в предупреждение того, чтобы я не избаловался, надумал меня женить, не без желания, конечно, и моего, и мы облюбовали уже невесту по имени Федосья. Но как отец никакого важного дела без благословения и совета Ив. Як. не начинал, то обо мне была послана к нему записка следующего содержания:

„Благословите, Ив. Як., вступить в брак рабу Александру с рабою Федосьею!“ На этой же записке карандашом ответ: „Не на Федосье, а на Анне“.

Я, разумеется, этому ответу не придавал никакого значения, тем более что дело сватовства было в полном ходу, так что мы с отцом ездили уже к невесте

и приданое смотреть; но как сватовство это расстроилось, я понять не могу, а расстроилось, и ровно через два года после этого совершенно случайно я женился на Анне.

В 1855 году я заболел холерой. Всякая врачебная помощь оказалась бессильной, и я находился при последнем издыхании, так что по напутствованию меня таинством св. Причащения, у ворот, чуя добычу, уже толпились гробовщики. Приближенные были в отчаянии, притом отца в Москве не было, он несколько недель был в отъезде. Но в самый критический момент, когда моя молодая жизнь совсем угасала и я лежал в бессознательном положении, вдруг явился отец, только что прибывший в Москву, взглянул на меня, изменившегося до неузнаваемости, и на тех же лошадях прямо к Ив. Як. И уже не взошел, а вбежал к нему со словами: „Батюшка, Ив. Як., помогите! У меня сын умирает!” Но Ив. Як. прехладнокровно отвечает: „Богу мертвые не нужны. Ему нужны живые! Миронка! Давай кулечек сюда. Нука, дядь, садись, давай расплетать”. Но отец не садится. „Помилуйте, — говорит, — батюшка, мне сейчас же надо ехать обратно, потому что я сына оставил при последних минутах жизни и даже, может быть, приеду уже поздно”. А Ив. Як. опять повторил: „Садись! Садись!” — и силою усадил его. Более часа расплетали они этот кулечек, — время казалось отцу бесконечным, а состояние души его было ужасное. Но, наконец, кулек был расплетен. Ив. Як. встал, держа в руке одну длинную мочалку из расплетенного кулька. „На тебе, — обратился к отцу, — вот эту лычку, ступай и перевяжи ему ею брюхо, а в рот влей маслица от Иверской Божией Матери”.

Всю дорогу ехал отец от Иверской с тревогою в душе и неуверенностью, что застанет меня живым, и очень был обрадован, когда застал меня в том же положении, каким оставил, уезжая от меня. Когда перевязал он мне лыком живот и влил привезенное от Иверской маслице, я моментально захрапел. Домашние встревожились, полагая, что это предсмертный колоколец, а я крепко спал. Проснувшись, уже в полной памяти, ночью и чувствуя, что хочу есть, а сказать о том было некому, потому что семейные, намучившись со мной, тоже все спали, я, будучи не в силах от слабости встать на ноги, ползком добрался до кухни, нашел горшок каши и, утолив, по возможности, без ложки, свой голод, едва дополз обратно до постели, расположенной на полу, тотчас опять заснул, и на другой день я уже был совершенно здоров.

Близкая родственница моя, по предложению отца, решила однажды побывать у Ив. Як. В это время один из посетителей принес ему на блюде разварного судака, который во время дороги вместе с приправою и соусом оказался в страшном беспорядке, так что по необходимости должны были разные усердствующие приводить судака в надлежащий вид и порядок, исполняя все это без ложек, ножа и вилки, одними голыми руками. Родственница, смотря на такую работу, ужасно брезговала и, опасаясь, чтобы не пригласили ее быть участницей и трапезы, села подальше от посетителей на диван. В это время Ив. Як., взглянув с улыбкою на нее, начал кричать на возившихся с судаком. „А вы, смотрите, почище, почище у меня стряпайте!”

Эта же самая личность, бывши после сего во второй раз у Ив. Як. и объяснивши ему, что она вышла

замуж, то желательно было бы знать, как она будет жить? А Ив. Як., не отвечая ей на вопрос лично, обратился к кому-то из посетителей и говорит: „То врозь, то вместе, то врозь, то вместе!” После этого немного спустя эта родственница моя с мужем разошлась, а через несколько времени опять сошлась, и после того всю жизнь то расходилась, то сходилась, даже и в настоящее время, оба уже люди старые, живут друг от друга отдельно.

За мою свояченицу, которая посейчас жива, сватался в молодых ее летах один господин, в высшей степени хороший человек, но не успевши совершить бракосочетание, по делам своим уехал из Москвы. А так как в отсутствии он находился уже близ года, то невеста и мать ее стали терять надежду на его возвращение, почему и отправились к Ив. Як. спросить, вернется ли жених в Москву когда-либо, потому что он уехал за тысячи верст.

Только что они вошли к Ив. Як., а он уже им отвечает: „Чего же тут не вернуться из Оренбургской-то губернии, не весть Бог, как далеко, вернется и женится”. Потом, расцеловавши невесту, отпустил ее спокойно. Вскоре вернулся в Москву и жених. Оказалось, что он действительно был в Оренбургской губернии, в Верхнем Уральске; затем отпразднована была свадьба, и молодая чета жила очень счастливо.

Как-то раз отец приезжает от Ив. Як. и, вспомнив что-то, начинает хохотать, я пристал к нему, и он рассказал следующий факт:

Приходит к Ив. Як. старушка в капоре, в салопе и с ридикюлем на руке. „Что тебе, бабуся?” — спрашивает ее Ив. Як. „К вам, батюшка, пришла по очень важному делу”. „Если по очень важному, —

говорит Ив. Як., — то садись, бабуся, на пол”. И сам стал усаживать ее. Старуха, севши, начинает рыться в своем ридикюле, из которого вынимает вчетверо сложенную, ветхую, засаленную бумагу и, подавая ее Ив. Як., говорит, что это польский лотерейный билет „Шемана и Серроки”. И вот минуло уже пятнадцать лет, а он до сих пор в тираж не вышел; выйдет ли он когда и можно ли на это рассчитывать? Ив. Як. берет из рук ее билет и разрывает его на мельчайшие части. Старуха в ужасе бросается к нему, но он успокоил вторично, усаживает и приказывает ей понемножку есть эти клочки билета и запивать тут же стоявшим клюквенным морсом. Старуха до того поражена была всем виденным и ею пережитым, что, как бы бессознательно подчиняясь воле Ив. Як., начинает эти клочки пережевывать и с помощью морса проглатывать. Когда весь билет был ею истреблен, то Ив. Як., помогая ей подняться с полу, так любезно ей говорит: „Ну, бабуся, теперь ступай домой”. „А билет, батюшка, как же?” „А билет, бабуся, выйдет завтра”. И выпроваживает ее за дверь.

Просьбы Ив. Як. исполняли и люди высокопоставленные. Так, например, приходит как-то к отцу моему плохо одетый дьякон и говорит, что он муж родной племянницы Ив. Як. и находится в таком бедственном сельском приходе, что положительно жить нечем, и он просит содействие отца о переводе его в другой приход, поближе к Москве. Но отец на это ему ответил, что он сам лично для него ничего сделать не может, а что он, если желает, то отец для него с удовольствием поедет к Ив. Як. и будет просить его совета, как лучше поступить в данном случае. Приезжают. А Ив. Як., никогда не выдавши дья-

кона, сперва спросил о здоровье сестры своей, а затем, когда отцом была объяснена просьба о дьяконе, то Ив. Як. нашел не совсем доброкачественный лист серой оберточной бумаги и карандашом написал от своего имени к его Высокопреосвященству Московскому Митрополиту просьбу, начав таковую словами: „Луч великого света”, — а затем изложил свое ходатайство за отца дьякона, подписав так: „Студент хладных вод Иван Яковлев”, а в конце поставил три креста.

По этой просьбе о. дьякон тогда же был назначен в село Черкизово, близ Преображенской богадельни.

Из семьи нашей послана была записка Ив. Як. о моем шурине. Запиской спрашивали Ив. Як.: „Будет ли благополучна жизнь раба Аполлинария?” И получен был на этой же записке ответ: „Не для него растут цветочки в поле”. И что же — вся жизнь его была крест, и, наконец, сам пропал без вести, оставив на произвол судьбы жену и двух детей-малюток.

Вот и все, что я мог вспомнить из жизни Ив. Як., и, конечно, очень немного, потому что в молодости не придавал этому никакого значения и, понятно, многое перезабыл, а теперь приступаю к передаче устных рассказов некоторых лиц, и сейчас живых, посещавших Ив. Як.

Приходит к Ив. Як. одна очень бедно одетая, но из благородных, женщина. Из сострадания к ее положению кто-то из посетителей вложил за нее в кружку 20 копеек. Народа у Ив. Як. в этот день было очень много, а потому она встала у входной двери, ожидая, когда будет посвободнее.

В это время входит к Ив. Як. одна богатая посетительница и в благодарность за какой-то добрый совет подносит ему в подарок целый кусок шелко-

вой материи, аршин 50. Ив. Як., благосклонно принявши материю, сейчас же направляется к стоящей у двери бедной женщине и, вручая ей материю, говорит: „На вот, продай и детям хлеба купишь”.

Она зарыдала и бросилась к нему в ноги. Но он уже был на своем месте. Здесь же эта женщина рассказала, что она с детьми в такой нужде и нищете, что три дня почти ничего не ели, и, идя сюда, оставила детей голодными.

Одна богатая женщина по совету местных врачей привезла за тысячу с лишком верст в Москву малолетнего больного сына своего для операции мочевого пузыря, у него моча выходила каплями со страшным жжением и ужасной болью, от которой ребенок неистово кричал и метался. Но сколько раз она ни приходила в клинику, ей говорили одно, что ребенка необходимо оставить в клинике до операции, ибо он настолько слаб, что операции в настоящее время не выдержит. Мать не хотела оставлять ребенка одного, но ее ужаснули слова „не выдержит операции”. В это время ей кто-то посоветовал съездить с ребенком к Ив. Як. и попросить его благословения положить ребенка в клинику.

Приезжает она к Ив. Як. и просит его благословения на операцию ребенка, но он благословения не дал, а приказал служителю своему Миронке принести чайную чашку деревянного масла, которое велел матери нагреть и намазать живот ребенку.

Когда помазали живот, ребенок сейчас же заснул и спал, не просыпаясь, четыре часа, а когда проснулся, то сказал матери, что хочет помочиться. Моча шла свободно и без всякой боли.

Мать от наплыва чувства радости плакала, плакал и весь бывший у Ив. Як. народ, видя такое чудо.

В благодарность за такое чудо, за избавление сына от болезни, мать пожертвовала на больницу шесть тысяч рублей.

Одни богатые люди, муж и жена, дали обет сходить на богомолье в Киев и просили на это у Ив. Як. благословения. Но он, не давши благословения, сказал им, что если они пойдут, то не возвратятся, они не послушались его и ушли, и, действительно, больше в Москву не возвратились.

Как-то пришли к Ив. Як. две барыньки расфранченные по последней моде, а народу у него в это время было очень много. Барыньки к нему с вопросами, но он, не слушая, начинает обличать обеих перед всеми в их зазорном поведении. Сначала они как бы обиделись, но затем, почувствовав угрызения совести, в слезах раскаялись в прошедшем, просили помолиться за них.

К Ив. Як. очень часто ходила молодая женщина, жалуясь на то, что муж ее не любит. Ив. Як. приказал привести мужа, и, когда они пришли вместе, он усадил их обоих на диван, привязав лыкой руку мужа к жене. С тех пор женщина эта так же часто ходила к Ив. Як., но уже не жалуясь, а благодаря его за вполне установившуюся их счастливую семейную жизнь.

Одному богатому господину для задуманной им грандиозной постройки предлагали землю участками, с разным количеством земли каждый участок. И он обратился к Ив. Як. за советом: сколько мерю купить ему для постройки земли? Ив. Як. ответил, что больше трех аршин не потребуется. В тот же год господин этот умер.

Посещавшие Ив. Як. мещанин Сосипаср Мемнонов и его супруга Авдотья Тимофеевна рассказывали мне о себе самих:

В молодые годы у жены Мемнонова неизвестно от какой причины начали появляться сильные схватки живота так, что она кричала и никакая медицинская помощь не в состоянии была хотя бы несколько ослабить нестерпимую боль. Во время их прихода Ив. Як. принесли больничной каши, и не успела Мемнонова путем раздеться, как Ив. Як. стал угощать ее кашей. Поевши немного, она почувствовала себя лучше и с тех пор никогда больше не болела.

У Мемноновых было небольшое заведение в несколько станков для выделки тесьмы, а одно время была такая безработица, что он собирался из Москвы в Петербург искать счастья, но жена постоянно ему отсоветывала. Они пришли к Ив. Як. за советом. Ив. Як. бросил немного ему табаку в глаза, сказав: „Ступай, служи молебен Георгию Победоносцу”. Отслужив молебен, они возвратились домой, а там уже ждали заказчики на большие суммы, желавшие, чтобы он был постоянно у них поставщиком.

Когда у Мемнонова заказы по тесьме увеличились и явилась потребность увеличить заведение, т. е. прибавить станков и рабочих, тогда потребовалось переменить квартиру, которая и была найдена у хорошего знакомого домовладельца, с которым они и решили назавтра дать задаток и с Богом перебираться, о чем Мемнонов, в порыве глубокого уважения к Ив. Як., не преминул объявить ему и испросить его благословения. Но Ив. Як. коротко ответил ему: „что хозяин дома квартиру ему не отдаст”. „Помилуйте, Ив. Як., — говорит Мемнонов, — да хозяин дома-то мне почти друг, и насчет квартиры мы уже с ним порешили, чтобы завтра переезжать”. „А я тебе говорю, что не отдаст”. С тем Мемнонов и ушел.

Наутро является он к своему знакомому с задатком за квартиру и получает ответ и извещение, что вчера он сдал квартиру под казенное заведение.

Во время севастопольской войны в народе распространился слух, что молодежь будут брать в полицию. Жена Мемнонова, испугавшись за мужа, пришла к Ив. Як. и наивно так спрашивает его: „Возьмут ли моего мужа в полицейские?“ „Какое, — отвечает он, — в полицейские, когда он комиссионер“. Не понявши, конечно, ничего из этих слов, приходит домой, а муж ей объясняет, что он взял на себя комиссию в поставке в военные ведомства бинтов для раненых. Тут только она поняла смысл слов Ив. Як.

Собрались однажды Мемноновы в Киев и пришли к Ив. Як. просить благословения. „Боже благослови, — говорит Ив. Як., — с горы поедешь, а на гору пешком пойдешь. Ха-ха-ха!“ Расхохотался Ив. Як. Наняли Мемноновы лошадей и поехали в Киев. Но по дороге им ужасно не нравились несвоевременные остановки: там, где бы им желалось промедлить несколько часов, там не соглашались. Так что они решили купить себе лошадь с телегой. И им представился удобный случай в деревне, где мужик с удовольствием продал за 30 рублей лошадь и телегу, сколоченную из досок. Купили и поехали. От деревни этой шла ровная дорога, несколько верст лошадка бежала рысцей, не останавливаясь, наконец, спуск в лощину — удержать лошадь они не смогли — спустились, надо подниматься в гору, а лошадь ни с места, и что с ней ни делали, мотает головой и больше ничего. Слезли оба с телеги, лошадь опять останавливается и так всю дорогу, а распрягать и запрягать они не умели. Тоже муки было вдоволь. Вспомнил Мемнонов Ивана Яковлевича и перво-

му попавшемуся покупщику сбыл свою лошадь знаменитую вместе с оригинальным экипажем.

Одна барыня, приехавшая из Смоленска, рассказывала, что у нее на пальце руки образовалась костоеда. Врачи единогласно присудили немедленно отрезать всю руку. Между тем у нее от Ив. Як. была дареная четвертка табаку; сильно болел палец, она в отчаянии берет из четверти щепоть табаку, насыпает на палец, боль утихает; она стала повторять, и боль совсем прекратилась, а вскоре палец зажил совершенно.

Княгиня В-ая, женщина весьма религиозная, настолько расстроила свой организм, что даже лучшие доктора не могли восстановить ее здоровье и советовали ей Кавказ, Неаполь и т. п., не принимая во внимание того, что она по своей слабости не могла никуда ехать. Почти умирающую ее привезли к Ив. Як., под руки вели ее два лакея. Ив. Як., ни слова не говоря, берет в руки принесенные кем-то два яблока и настолько сильно ударяет ими по животу княгини, что с нею делается дурно и ее едва живую отвозят домой. Но на другой день она была совершенно здорова.

Одна из постоянных посетительниц Ив. Як., некто госпожа Г-ая, имела в Москве спорное имущественное дело, которое во всех низших инстанциях было проиграно. Оставался один сенат. Ив. Як. сказал: „Не бойся, ступай в Петербург и проси свящ. Александра”.

Привыкшая буквально исполнять приказания Ив. Як. она едет в Петербург, отыскивает там обыкновенного священника Александра, исповедуется у него и в тот же день узнает, что дело ее сенатом решено в ее пользу. Приезжает в Москву, а здесь ее

выигранное имение назначено за пустейшие долги в продажу. Она тотчас же к Ив. Як. „Не бойся, — повторяет он, — все будет хорошо”. Идет домой, а там уже ждут ее хорошие знакомые с предложением на выкуп имения одолжить ей денег.

Однажды один из посетителей просил совета Ив. Як.: можно ли поручить какому-то господину, жившему от Москвы ста за три верст, какое-то дело, на что Ив. Як. ответил, что „нет, он уже устарел, да к тому же один, как перст, ему слова сказать не с кем”. Впоследствии оказалось, что господин этот действительно, вследствие семейных неприятностей, преждевременно состарился, и так как жена его бросила, то живет совершенно один.

Помещаяю рассказ одной богобоязненной старушки:

„Вся жизнь, — говорит, — моя была сплетена из одних болезней и скорбей, и единственно всегда, чего я желала, — это смерти. Как-то в 1850 г. прихожу я к Ив. Як. (я иногда посещала его) такая задумчивая и печальная, и сажусь в отдалении. При входе моем Ив. Як. никакого не обратил на меня внимания, да и невозможно при сорока или более посетителей. Немного спустя после моего прихода Ив. Як., усадивши всех, начал рассказывать следующий случай: „В одном селе священник имел крайнюю нужду в деньгах для домашней поправки, нужно было продать лошадей, а их у него было четыре. Он повел их на ярмарку и продал за хорошую цену. Разочтя сумму на все нужды, из остального он купил рыбы, масла, бочонок вина и еще кое-что и отправился домой. В расстоянии от ярмарки версты за четыре догнали его недобрые люди и, вскочивши в телегу, начали выбирать покупки, взяли и бочонок, а потом сняли

с телеги и попа, отняли деньги, говоря: „Иди, ба-
тюшка, покуда жив да цел, а то мы тебя уберем.
Сколько ни упрашивал их поп, кланялся им до зем-
ли, рассказывал о крайности своего положения, со
слезами молил возвратить хотя половину денег на
его неизбежную нужду, но все его просьбы остались
тщетными; раздраженные, подобно хищным псам,
грабители кричали на него, угрожая смертью. Нако-
нец, священник, видя свою безуспешность, с печалью
отошел от них, да и размышляет по дороге, с
чем приду домой, какую принесу радость жене и
детям, с чем повезу их в семинарию, лишившись
всего? Лучше не жить, лучше возвратиться к граби-
телям, пусть они прекратят мои дни.

С этой мыслью он воротился к грабителям и,
приняв спокойный вид, сказал им: „Братцы, я
вспомнил, что не все деньги вам отдал, возьмите и
остальные пять рублей, а с ними и меня куда хотите,
мне все равно, домой я уже не пойду, я вам работ-
ник”.

Конечно, одно горькое отчаяние внушило ему та-
кую решимость, но это не только не потрясло зако-
ренелых разбойников, а доставило им большую по-
теху. „Что же, если так, садись с нами и пей вино,
ты, батька, как видно, добряк, не пожалел и осталь-
ных денег, так давай повеселимся”.

Но самовольному пленнику было не до вина.
„Что же ты нахмурился, — сказал один из них, — у
нас будь веселей, — и, скоро поднявшись, отправи-
лись к своему жилищу, взявши с собой и попа. Жи-
лище их находилось среди глубокого леса. Придя
домой, разбойники снова начали пить, есть и весе-
литься, понуждая незваного гостя разделить с ними
общую радость. „А что батька! — обратились они

к нему. — Ты, чай, отродясь такой потехи не видывал, находясь постоянно в работе, да в заботе: как одеть жену и прокормить детей, а у нас любо все готово, чего хочешь, хоть скачи, хоть пляши”.

С этими словами подхватили попа и начали прыгать с ним, но тому было не до веселья: воспоминание о жене и детях, и неизвестность будущности, как острым ножом резали его сердце. Но и этого было еще мало: омраченная злоба измышляет новые раны служителю Божию. „Да что ж, други! — сказал один из разбойников. — Мы забыли, что у нас гость не простой, а очищенный, святой. Давайте-ка поиграем над ним”. И начали, кто за волосы, кто за бороду дергать его, а потом стали раздевать. Тут-то опомнился несчастный и понял, в какую беду попал, отдав себя, и, собрав силы, с веселым лицом начал: „Так, братцы, вы говорите, что я святой; спасибо за такое слово, вы напомнили мне о том, что я позабыл. Теперь прошу вас, дозвоьте святому воспользоваться своим”. „Что ты там придумал?” — спросили изумленные истязатели. Он отвечал:

„По чину моему в сии часы я должен помолиться Богу, хотя немного, о чем и прошу вас”.

Они согласились, дали ему свободу, говоря: „Посмотрим, как ты будешь молиться”.

А как их было более 20 человек, то и думать нельзя было, чтобы уйти.

Священник, видя и чувствуя, что конец-то близок, начал молиться со слезами, припадая к великомученице Варваре, непостыдной предстательнице в час (смертный) смутный. Когда он положил несколько поклонов и не окончил еще молитвы, вдруг окружающие его попадали с криком: „Помилуй нас, защити!” Священник, не понимая их смяте-

ния и думая, что они говорят в насмешку ему, приложил слезы к слезам, а разбойники не переставали кричать: „Избавь нас от беды!”

Священник, заметив непритворный ужас их, спросил: „Какая вам беда?”

„Как же не беда эта пропасть, — отвечали они, — мы сейчас провалимся в эту трясиину страшную, сделай милость, возьми все наше, только не топи нас”.

Обидчики действительно видели под собой ужасную пропасть и в ней множество змей, готовых пожрать их, а на воздухе стояла светоносная дева, одной рукой прикрывая священника, а другой угрожая согнать разбойников в пропасть.

Губители, продолжая просить священника, осмелились спросить его: „Скажи нам, кто это такая царица, которая так милостиво о тебе заботится, а на нас так сильно гневается? Сделай милость, попроси ее, чтобы и нам оказала милость”.

Услышав сие, раб Божий принял дерзновение и, вместо скорбной молитвы, начал радостно благодарить не в час только смертный скорую помощницу, но и жизни хранительницу.

Между тем разбойники не переставали умолять священника, говоря: „Спаси нас, мы готовы, сколько можем, послушать тебя и выполнить все и не возвращаться к прежним делам”. И для примирения с Богом выпросили у священника эпитимию, говоря: „Не знаем, простит ли нас Бог, а мы много Его прогневали”.

Одна часть в наказание свое просила: „Батюшка, благослови нас идти в бессрочные солдаты, а другая — в монастырь, остальные, которые признавали свои проступки неоплатными и достойными всякого на-

казания, решились объявить о себе начальнику, чтобы судили их по закону.

Исповедав перед священником грехи свои, ново-рожденные духовные дети снабдили пастыря своего деньгами, лошадьми, имением вчетверо больше, нежели сколько взяли у него, и проводили его до двора на четырех тройках”.

Окончив этот рассказ, Ив. Як., обратясь ко мне, сказал: „Вот видишь, в каком страхе был верный раб Божий и за одно усердие к Великомуученице не только сам избавился от смерти, но и спас других, а ты от какой беды желаешь умереть?”

В 1857 году я ходила в Киев и ста за полтора верст до Киева догнала нас хохлушка с мальчиком. В разговоре, по дороге, упомянула великомуученицу Варвару и ее неописанные чудеса и начала рассказывать точь-в-точь тот же случай со священником ихним, какой рассказывал Ив. Як. Женщина эта была жена причетника той церкви, священник которой был в 1853 году у разбойников, следовательно рассказ Ив. Як. был за три года до совершения факта.

Читатели не забыли, вероятно, первого посетителя Ив. Як., когда он содержался еще в подвале, — фабриканта-суконщика Луку Афанасьевича, который, как и прочие приверженцы и ученики Ив. Як., посещал его часто, — и вот в одно из таких посещений Ив. Як., обращаясь к нему, говорит:

„Аще кто душу хочет свою спасти, погубит ю, сказал Господь, и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю. Ступай, Лука, в Старый Иерусалим”.

Как ни привык Лука Афанасьевич быть всегда послушным Ив. Як., но это приказание смутило его

душу, потому что он был капиталист и вел обширную торговлю, родных же никого не имел, кто бы временно заменил его, а Ив. Як., как бы не замечая его тревожного настроения души, продолжает:

„Удобнее верблюду сквозе иглиные уши пройти, сказал Господь, неже богачу в царствие Божие вни-ти”, и затем Ив. Як. стал объяснять Луке Афанасьевичу, до мельчайших подробностей, предстоящий ему путь в Иерусалим, называл станции по городам, острова и заливы на море, затем, где они будут ночевать, а где проведет недели и месяцы, вообще насчитывая для дороги гораздо более времени, нежели сколько требуется для нее обыкновенно, а когда, говорит, будешь в Бар-граде, вспомни обо мне.

Между тем Бар-град в Италии, совершенно в противоположной стороне пути на Иерусалим, но Лука Афанасьевич, как истинный ученик великого старца, в душе уже решил следовать велениям Ив. Яка., и, получив от него благословение, устроив торговые дела свои, отправился на богомолье, сначала в Киев, потом благополучно доехал до Константинополя, но по выходе из него, едва успели разместиться по каютам, как началась ненастная погода, поднялся ветер и понес корабль по своей воле.

С первых дней на корабле еще крепились, пассажиров было до трехсот человек, но когда начало бросать корабль из стороны в сторону, притом же открылась на корабле чума, пассажиры умирали десятками; число их быстро стало уменьшаться, так что в короткое время от трехсот осталось только семь человек вместе с матросами.

Буря отнесла корабль от пути в Иерусалим в противоположную сторону, тучи, закрывавшие небо и

звезды, лишили путников возможности узнать, где они, притом же и управлять кораблем было некому. Наконец, их корабль прибило к берегу, и на вопрос: „Куда прибило их”, отвечают: „В Барград”.

Тут-то Лука Аф. не раз вспоминал слова Ив. Як.

В это время у России началась война с Турцией, и строго было запрещено пускать в Иерусалим русских паломников, нужно было выжидать время, когда дано будет на то разрешение.

Более двух лет провел Лука Аф. между иностранцами, не достигши Иерусалима и вдали от своего дорогого учителя. Наконец, от турецкого правительства последовало разрешение паломникам на въезд в Иерусалим, куда Лука Аф. с первым же попутным кораблем и отправился. Благополучно прибыв в Иерусалим, провел там все праздники палестинские и отправился в обратный путь, но снова противный ветер занес его к Афону, хотя он и в намерении не имел быть там. Недолго пробывши на Афоне, он благополучно достиг России.

Едва показался он к Ив. Як., не успев даже вполне передать радостных чувств и благодарности, как он уже снова приготовил ему маршрут путешествия по России, и притом такой, что в три года дай Господь кончить. Не смея противиться, усталый путешественник просил хотя отсрочки для отдыха. „Нет, братец, — заметил ему Ив. Як., — они не отдыхают, а день и ночь бомбардируют нас и не имеют покоя, ища как бы погубить кого. А ты только не давай ноги твоей в смятение и верь, что не воздремлет храп твой Господь покров твой, и во дня солнце не ожжет тебя, а покров Владычицы Пречистой защитит от всякого зла”.

И послушный ученик вновь ушел в путешествие, во время которого, накануне праздника Тихвинской Божией Матери, ему в 9 час. утра возродилось желание застать в Тихвине всюнощную, между тем до Тихвина было еще восемьдесят верст.

О, если бы Владычица помогла мне, думает, добежать до Тихвина, хотя к концу службы! Это его личный рассказ, а сам до такой, говорит, степени ослаб, что невольно присел отдохнуть, да и заснул, проснувшись, посмотрел на часы, в начале двенадцатый, перекрестился и пошел в путь. Дорога лежала проселком, верст нельзя было считать, только на пути в деревнях узнавал, где идти. „Время подходило к вечеру, а я и не думал о ночлеге, путь пошел лесом, темь страшная наступила и часы не могу рассмотреть, а я иду все дальше уже наудачу, зашел в самую глушь леса и один, без всякой обороны. Дорогу уже потерял, иду гущиной и совершенно не знаю куда. Вдруг слышу звон прокатился эхом по лесу, я остановился, не прелесть ли, думаю, бесовская? Но звон безостановочно продолжался, я удвоил шаги, иду на звон. Наконец мелколосье, поляна и на ней ограда монастыря. Подхожу к воротам, спрашиваю: что за монастырь? Отвечают — Тихвинский. Услышавши, от радости не вник умом в совершившееся чудо: с 12 до 8-ми я прошел 80 верст. Но, естественно, забыл я усталость, иду прямо в храм, и только поднялся на порог церковный — началось шестопсалмие.

По приказанию Ив. Як. путешественнику нужно было обойти все монастыри и пустыни, поклониться чудотворным иконам, где бы они в России ни находились, и поэтому он возвратился в Москву в конце второго трехлетия и вскоре, по совету

Ив. Як. вступил в Покровский монастырь в число братии, где и пострижен был в монахи с именем Леонтия.

Когда же он посвящен был во иеромонаха, то Ив. Як. в первую же неделю по посвящении его, просил о. Леонтия исповедовать его и приобщить Св. Христовых Тайн, говоря: „Отец Леонтий! Истинно желает душа моя принять Животворящее Тело и Кровь Христову и желаю принять через тебя, о том скорбит дух мой, что я давно не приобщался сему великому Таинству”.

По возникшему недоумению, может ли сторонний иеромонах совершать священнодействие и преподавать Таинство в больнице, преосвященнейший митрополит приказал местному священнику беспрепятственно допускать о. Леонтия к священнослужению в больнице всякий раз, когда пожелает того Ив. Як. Так и было до самой кончины о. Леонтия. После него Ив. Як. уже не избирал себе особого духовника, местный священник совершал над ним Таинства, он же и похоронил его.

О. Леонтий до конца жизни не переставал пользоваться наставлениями Ив. Як. С самого вступления в монастырь он не внес в келию кровати, но для отдыха кидал на пол войлок, и в холстину обернутый камень заменял ему подушку, с ним и в гроб положили этот камень. О. Леонтий был любим всеми в монастыре и занимал должность казначея, он много оказывал помощи больным, читал над ними святое Евангелие и освящал для них воду.

В предсмертной болезни, прося у знакомых молитв и поминовения, он обещал и сам не забывать поминающих его у Престола Бессмертного Царя.

С таким упованием ожидал он приближающуюся к нему смерть.

Он скончался в 1848 г. 18 мая, накануне отдания Пасхи, в 5 час. вечера. Когда известили Ив. Як. о том, что умер о. Леонтий, то он сказал: „Нет, о. Леонтий не умер, а отправился служить раннюю обедню к Тихвинский Божией Матери”.

Подобных о. Леонтию было немного из учеников Ив. Як.; впрочем, в Симонове монастыре о. Пимен и в Данилове схимник о. Фома тоже были учениками Ив. Як.

Сам о. Фома так передавал переход свой из военных начальников в монастырские послушники.

„Стояли, — говорил он, — мы в лагерях на Сокольническом поле. Частые проезды московских жителей мимо нас заинтересовали меня, и я решил спросить моего денщика: „Не знаешь ли ты, братец, куда это ездит каждое утро народ, не увеселение ли какое где тут?” Не отвечая прямо на вопрос, он сказал: „Если вам угодно, я провожу вас туда, это очень близко”. „Хорошо, сказал я, будь готов сейчас же”. И более не расспрашивал его ни о чем, в надежде все видеть и узнать самому. Денщик через десять минут подал мне шинель и галоши, и мы отправились. Когда мы подошли к дому, нас перегнали какие-то барышни, я молча следовал за ними. Денщик попросил у меня денег отдать за вход. Взявши билет, он подал его мне и, указывая на лестницу, сказал: „Там отдадите, взойдя в комнату”. Тут меня еще обогнали с узлами и ласково сказали мне: „Вы, верно, к Ив. Як.?” Не зная, что ответить, я сказал: „Укажите, где от меня примут билет”. Вместо ответа они отворили дверь, и я должен был войти в дверь прежде их.

Увидя комнату, наполненную разного рода людьми, сначала я смутился, не зная, что мне делать. Неожиданный шум, говор, стук остановили меня у самой двери. Куда и зачем я пришел, — я совсем не понимал. Ко мне подошел служитель, спрашивая билет, и предложил: не угодно ли мне сесть? Желая узнать хотя что-нибудь, я подсел к одному барину. Он, видя мою неловкость, понял, что я в первый раз тут.

„Вы, верно, здесь не бывали?“ — спросил он. „Да, — отвечал я, — да и сейчас не знаю, куда попал“. „А издали?“ — спросил он. „Нет, — отвечал я, — из лагеря“. „Так близко и не знаете, где вы?“ — возразил он. „Совсем не знаю“. „Да как же вы вошли?“ — продолжал он. „Московская публика, — отвечал я, — каждодневными поездками мимо нас возбудила во мне любопытство посмотреть, куда она ездит, и мой денщик, не объяснивши, вызвался проводить меня. Нужно сознаться, что и я предварительно не расспросил его, а он не посмел пуститься в разъяснения“.

В эту минуту нашего разговора, только что кончили толочь какой-то камень, и все встали. Желая знать, в чем дело, взглянул и я, и увиденное мною зрелище невольно потрясло меня; я увидел старца утружденного, наклоняясь к полу, он руками месил толченое с песком, а взор его был устремлен к небу. Каждое слово, которое вылетало из уст его, при каждом движении рук его, пронзало мою душу.

Так начал он, или таковы были первые долетевшие до меня слова: „Вначале Ты, Господи, землю основал еси, а воззрю на небо, вижу дело рук Твоих, море и вселенную Ты создал и сотворил еси. Хвалите Господа все птицы небесные и рыбы морские

и все проходящие стези морския. Господи, Господь наш, яко чудно Имя Твое по всей земле”.

Но на первый раз я был как бы в тумане, так что я не подошел близко к Ив. Як. Возвратясь домой, остальную часть дня я провел в одном занятии, — мне хотелось разгадать виденное мною, но расстроенная голова скоро стала склонять меня ко сну. Улегшись ранее обыкновенного, я действительно скоро заснул. И что же? Вижу я себя маленьким дитятей и стою в неизвестной мне церкви близ раки мощей. Вдруг из алтаря выходит старичок, похожий на Ив. Як. Взяв меня за руку, он подвел меня к алтарю и сам начал молиться перед иконою Божией Матери, поручая меня Ей и прося принять меня под кров Своей милости. Помолившись, он взял меня и посадил в головах у мощей, говоря: „Тут и оставайся, здесь добре, добре тебе будет”. Проснувшись очень рано, я спать более не мог.

Тревожный сон побуждал меня сходить опять в неизвестное мне собрание; прекрасное утро манило меня насладиться свежей росой. Не говоря ни слова моему денщику, я прямо отправился туда, желая на свободе спросить что-нибудь о себе. Но только что я вошел, Ив. Як. приветствовал меня, говоря: а вот и генерал Александра Невского к нам пожаловал. „Как же это?” — спросил я. „А что же? — отвечал он. — Так же и добре, Боже благослови вас”. „Куда же назначаете меня?” — спросил я далее. „А туда, где были ныне, — отвечал он. — Ей! что у Отца, то и у Сына, где Отец, там и Сын и Св. Дух, так же и держай. Боже да благословит тебя”. С этими словами я и ушел от него, не понимая нисколько, что и к чему сказано.

Вскоре после того я приглашен был на похороны

знакомой госпожи, погребение ее было в Данилово монастыре. Никогда там не бывши, я забежал в церковь. При первом взгляде на внутренность церкви я остолбенел от изумления — в один миг я узнал церковь, виденную мною во сне, узнал то место, на которое был посажен, и еще более удивился, когда сказали мне, что это мощи сына Александра Невского. Благодаря искренне Всевышний Промысл о моем ничтожестве, я тотчас же решился просить начальника, чтобы он принял меня в число братства, но тот не только не согласился принять меня, а и счел за оскорбление мою дерзость.

Что же оставалось мне делать? Желание влекло меня переменить службу, но переход казался слишком затруднительным. Спустя несколько дней я повторил мою просьбу, представаясь начальнику монастыря во всей форме, прямо с развода. Не принять меня он не мог, но и принял очень сухо, и, опираясь на свои права, начал так: „Милостивый государь, прошу вас, вы меня извините, я не понимаю ваших целей и принять вас никак не могу и поэтому крайне желаю одного, чтобы вы не беспокоили меня более”. Сказавши это, он в тот же миг ушел и запер за собою дверь.

Оставшись один, я взглянул на икону и сказал: „Боже, вразуми меня, что мне делать”. Усталость и досада привели меня к расслаблению, я пошел монастырем и думал, где бы отдохнуть. Увидя сторожку, я вошел в нее. Сняв шинель, я положил ее под лавку, чтобы не вызвать ропота, а сам лег на нее и заснул. Пришел сторож и начал толкать меня, говоря: „Э, барин, не по чину зашел, вашему благородию здесь неприлично, извольте выйти”. „Куда?” — спросил я. „Откуда пришли”, — отвечал он. „Дру-

гого места я не знаю, — сказал я, — и прошу меня не беспокоить”. Сторож молча вышел, конечно, с тем, чтобы объяснить начальнику, и через несколько минут явились штатские, воображая найти меня пьяным, запаслись и орудием для открытой полемики. „Что здесь развалился-то, — говорили они, — ишь забился, думает, его оттоль не вытащим, выходи, — говорят, — покуда цел”. Я подумал: терпением мужика не удивишь.

„Слушайте, — сказал я, вставши, — если нужна эта половица, я займу другую, а не уйду”, — и перешел в другой угол. Они с изумлением посмотрели на меня и все вышли. Затем вошел ко мне монах и вежливо спросил: „Позвольте узнать, кто вы и зачем здесь?” Я отвечал: „Ваш начальник знает хорошо обо мне, не угодно ли вам спросить его, а меня прошу не беспокоить. День склонился к вечеру, ко мне не вошел никто, и я переночевал один. На другой день идет ко мне сам начальник в сопровождении казначея и других монахов. Увидя меня, он сказал: „Да это все тот же, я, кажется, вам отказал, чего же вы еще ждете? Скажите, чего вы хотите?” „Одного хочу — быть монахом Данилова монастыря”, — отвечал я. „Где вам в монахи, — сказал он, — привыкли распоряжаться, а не подчиняться, ведь здесь надо забыть себя”. Я отвечал: „Ваше высокопреподобие, однажды навсегда сказал я, что здесь хочу остаться, надеясь на ваши святые молитвы. Думаю, что ваша специальная опытность сможет и меня подготовить в послушники”. Он, рассмеявшись, сказал казначею: „Видно, нам, дуракам, не отыгаться от полкового”, — и, обратясь ко мне, промолвил: „Ну, буди по глаголу твоему”.

Я поклонился ему в ноги, и он тут же включил

меня в число братства. Затем скоро постригли меня в монахи и впоследствии сделали гробовым.

В бытность в Киеве одной из посетительниц Ив. Як. случайно она разговорилась там с Лаврским иеромонахом об Ив. Як., и оказалось, что он также из учеников его, с которым хотя двадцать пять лет в разлуке, но выражался о своем дорогом учителе, как бы расстался с ним за двадцать минут, и с расстроганной душой говорил: „Если бы не он, где бы мне достать благословение Пречистой Богородицы!” И крупные слезы убеждали в искренности его расположения к дорожному учителю.

Из природных дворян девицу Веру Афанасьевну, фамилии не знаю, никогда никуда не путешествующую, Ив. Як. во время бунта 1825 г. благословил сходить помолиться за царя и усмирение бунта в Киев и, вручая ей на дорогу новый гривенничек, сказал: „На вот тебе, на всю дорогу достанет и с остатей, гряди с миром”, но день выхода из Москвы не определил. Была она у него вечером, а на другой день утром погода хорошая, хотя и осенняя. Вера Афанасьевна, одевшись в шелковый капот, накинувши на плечи турецкую шаль, на голову надела шляпку и с зонтиком в руках пошла в Успенский собор помолиться, а по окончании службы в соборе отправилась к находившемуся в то время в Симонове монастыре, уважаемому всеми по своей строгой аскетической жизни, отцу Пимену, обладавшему особенным умением разъяснять загадочные выражения слов Ив. Як., и только что она вступила в коридор, где находилась келия о. Пимена, как он, увидя ее в оконце, закричал: „Скорее, скорее! Ах, Боже мой,

насилу и дождался. Вот просфора тебе. Беги без оглядки, давно бы надо идти”. „Куда же, батюшка, вы так меня понуждаете, — садясь, спросила она его, — дайте хоть немножко отдохнуть, ведь я была в соборе”. „Какой тут отдых, — торопит о. Пимен, — за заставой отдохнешь, там и самовар тебе приготовлен, а у меня ведь ничего нет, кроме просфоры. Ну, иди с Богом, да смотри, домой не ворочайся”. „Батюшка, — сказала она, — как же не воротиться: со мной ничего нет для дороги”. „Как нет? — возразил о. Пимен. — А вчера получила от Ив. Як. на всю дорогу и с остатей”.

Вера Афанасьевна, с любовью преданная указателям истины, не осмелилась противиться и пошла прямо за заставу. В первой же деревне позвали ее выпить чаю и угостили обедом, а к вечеру ее в следующей деревне пригласили на ужин и предложили отличный ночлег, так и во всю дорогу она совершенно не имела нужды ни в чем, даже в Киеве не дотронулась она до своего гривенника и ни у кого ничего не просила, а каждый день встречала как бы новую родню, желавшую оказать ей всякое пособие. На возвратном пути разбившиеся башмаки заставили ее разменять гривенник; по совету других она купила лапти за пять копеек, а остальной пятак берегла на свою кончину, говоря: „Глаза мои прикройте этой монетой из благословенного капитала”.

Один господин, хотя и часто посещавший Ив. Як., не проникнут был его учением и имел природную склонность к наживе и зависти, и вот однажды, как он сам рассказывает: „Во время моего посещения пришла к Ив. Як. какая-то барыня, у которой я увидел очень хороший и дорогой платок и позавидовал.

Вдруг Ив. Як. начал обшаривать вокруг себя, что-то ища. „Что вы, батюшка, чего ищете?“ — спросила барыня, у которой был тот платок. „Чем это так сильно пахнет и от кого это“, — сказал он, обводя глазами всех нас, а нас было более пятидесяти человек, и не удивительно, казалось, заметить какой-либо запах в такой толпе. Но дело не в том, что много было народу, оказалось совсем другое. „Чем платок так пахнет?“ — спросил опять Ив. Як., обратясь к той барыне. „Ах, батюшка, — отвечала она, — это мой, вам, вероятно, нравятся духи, то, если вам угодно, я в следующий раз целый флакон принесу“. „Флакона не надо, а платок дайте“, — сказал он. „Извольте, извольте“, — с поспешностью отвечала та. Взявши платок, он взглянул на меня и со вздохом сказал: „На, убери, спрячь его“. „Как? Вы мой платок отдадите другому? — с испугом заметила барыня. — Я ни за что не отдам его. Пожалуйте назад, ни-ни, не имеете права воспользоваться чужой собственностью“. А я, будучи алчен к подобной собственности, поспешил уйти, унося с собою мне не принадлежащее. Но когда, выходя из комнаты, поднял ногу, перешагнуть через порог, точно шилом пропорол мне кто большой палец на ноге, и я чуть не упал. С большим трудом спустился я с лестницы, а как довели меня до двора, — этого уже и не помню; тут же слег я в постель. Жесточайшая боль открылась в большом пальце правой ноги и в несколько дней вырвала ногу. В таком мучительном состоянии находился я почти два месяца, не было ни пищи, ни сна; думалось, что и в аду мучения будут легче. Накануне Бориса и Глеба, это было в июле месяце, к вечеру, я впал в легкий сон, и едва закрыл глаза, как слышу, что надо мною говорят. Один спрашивает другого:

а здесь что лежит? Тот отвечает, что тут хворост выжигают. Я открыл глаза и увидел, что прошли близ меня, но по воздуху. В это время заблаговестили ко всенощной. Спрашиваю домашних, что за праздник? Они сказали мне: завтра Бориса и Глеба. С того дня мне стало легче.

При первой возможности мне желательно было посетить Ив. Як., и только я вошел в его комнату и поклонился, а он печально взглянул на меня, прикоснулся ногой к больному пальцу и сказал: „Аще пищу и одеяние имеем, тем и довольны да будем. Сказано: не пожелай дому искреннего твоего, ни села его, ни скота его, ни всего того, что видишь в руках ближнего твоего”. И улыбнулся.

Передаю тоже рассказ одного господина, прежде преданного беспросыпному пьянству.

„В исходе десятого года подобной жизни вздумалось мне от нечего делать сходить к Ив. Як. Усевшись близ него, я слегка вздохнул, а Ив. Як. лежал на полу. В ту же минуту он спросил: „Которая животина там вздыхает?” „Это я, говорю, батюшка!” „Что ж ты так тяжело вздыхаешь, как обыкновенная лошадь?” — спросил Ив. Як. „Кому же и вздыхать, как не мне”, — с горечью отвечал я. „Тяжело тебе проводить дни, — сказал Ив. Як., — а ты продай хозяину: ну тебя с твоей тяжестью, не одолею возить”. „Что же будет после?” — спросил я. „А что же? Баба с колес, колесам легче”, — сказал Ив. Як. и подал мне руку, которую я поцеловал. И пошел домой, размышляя о сказанном. Незаметно дошел я домой, до своего двора, мысль толкнула меня: что же забыл по дороге зайти выпить? И сейчас же думаю, ну что же, что не зашел, разве нельзя дома

выпить? Взойдя по обыкновению в ту комнату, где у меня постоянно стояло вино, я, хотя и видел налитый вином графин, но смотрел на него так же, как бы он налит был водою; то же самое повторилось и на другой, и на третий день. Видя, что у меня не возвращается влечение к вину, я понял шутку Ив. Як., как в одну минуту уничтожил он десятилетние мои страдания, расстроившие и мое здоровье, и благосостояние семьи. На четвертый день я пошел благодарить своего благодетеля, но нашел его уже в гробу.

Одна женщина, ныне уже почтенных лет старушка, Авдотья Савишна, живущая в настоящее время в селе Черкизово, близ Преображенской больницы, оставшись в молодых годах вдовою, посвятила себя странствованию по святым местам России: жила в Киеве, Почаеве, на святых горах в Воронеже, Задонске, Вышинском монастыре, Саровской пустыни, в Муроме, Владимире, Суздале и у Соловецких чудотворцев. И, обходя таким образом монастыри, поклоняясь святыне, прошла в Ярославль, где проживал в одном из монастырей, на покое, архиепископ Ириней, у которого она пожелала на дальнейшее странствование принять благословение; и святитель благословил ее идти в Москву, в которой она отроду не была, посетить Ив. Як. в безумном доме; дал ей на это и денег, говоря, что у Ив. Як. придется в кружку класть по 20 коп. за каждое посещение, а посещений будет много; Ив. Як. из Москвы не опустит.

Пришла она в Москву, как в лес, едва отыскала безумный дом, и в нем Ив. Як. Когда она вошла, народу было у него очень много, и он, народ этот, раздвинулся и дал ей свободный к Ив. Як. доступ.

Ив. Як. принял ее очень ласково и предложил ей закусить, подав принесенный кем-то пирожок с капустой, чему она очень обрадовалась, потому что была голодна; затем привязал руки ее к кровати и сказал ей: теперь не утечешь никуда; и действительно, она в Москве осталась навсегда и более двадцати пяти лет ежедневно посещала Ив. Як.: все вышеописанное большей частью совершилось при ее личности.

Во время составления мною сего жизнеописания она 4-го ноября 1892 г., бывши у меня, передавала мне, что, привыкши в молодых годах к страннической жизни, она надумала однажды посетить Старый Иерусалим, поклониться Гробу Господню, и стала передавать это желание свое Ив. Як.; но он, выслушав ее, сказал: „Посиди у моря, подожди погоды”. Она же, не придавая никакого значения этим словам, выправила заграничный паспорт и отправилась, дошла до Одессы, где наутро должна была сесть на корабль, но в ночь такая разыгралась в море буря, что не только на другой день, но несколько дней невозможно было подплыть кораблю, а при этом стало еще известно, что на море несчастье: два корабля затонули, и много народу погибло; страх за свою жизнь заставил ее вернуться в Москву, и тут-то она вспомнила слова Ив. Як.: „Посиди у моря, подожди погоды”.

У Ив. Як. перед иконами постоянно были три неугасимые лампы, и вот однажды кто-то из усердствующих лиц прислал деревянного масла; но только что хотели этим маслом наполнить лампы, как Ив. Як. остановил исполнявших это дело: „Это масло не годится, ступайте, вылейте его, в нем крыса”. Принесшая масло девушка, в сопровождении

Авдотья Савишны, пошла к самой жертвовательнице означенного масла и передала ей слова Ив. Як., причем Авдотья Савишна, исполняя буквально приказание Ив. Як., при самой жертвовательнице вылила это масло во дворе, но в этой небольшой посудине крысы не оказалось. Тогда Авдотья Савишна просила показать ту посудину, из которой налито масло для Ив. Як. Посудина та была большая бутылка, и чтобы убедиться, нет ли чего на дне ее, стали переливать масло в другую подходящую посудину, и когда масло все уже было из бутылки вылито, то на дне бутылки действительно оказалась дохлая крыса, попавшая в горло бутылки, когда ее на ночь забыли закупорить.

В один из летних дней народу у Ив. Як. собралось много, в это время приходит из какой-то пустыни монах. Ив. Як., заметив его, спрашивает:

„Зачем, чернец, ко мне пожаловал?“

„Пришел просить благословения вашего, батюшка, на переход в Московский монастырь“.

„Какая к тому треба?“

„Да в здешних монастырях, батюшка, жить полегче, труда такого нет и доходцы есть, а в общежитии, сами знаете, работаешь, как водовозная лошадь, ломаешь, ломаешь спину, а гроша медного не получишь, да притом неприятностей и искушений не оберешься“.

Ив. Як. посмотрел на него, улыбнулся и вместо просимого благословения сказал экспромтом стихи, которые тогда же многими и были записаны. Стихи эти следующего содержания:

Ты, любезнейший мой брат,
Хуже пахаря в сто крат,

Сам из мира удалился,
Жить в пустыне поселился.

А в пустыне, Святых мест
Там и надо нести крест.
Знаю, тяжело под крестом,
Но награда: рай с Христом.

А не будешь крест нести,
Так и душу не спасти.
Крестное ж ношение —
Терпеть искушение.

Обуят тебя страсти,
Придут разные напасти,
Телу — труд, молитве — ночь,
Отойдут и страсти прочь.

А то как их победишь,
Когда пьешь ты, ешь да спишь,
Тем творишь душе препону,
Рад не Богу ты — мамону.

А мамон наш, что лукавый,
Уклоняет в путь неправый,
Ты обязан плоть питать,
Но досыта не давать.

Вкушать мало, не роптать:
Есть — что будут подавать,
Будешь здрав всегда, ретив
И на дело не ленив.

Ну, а дьявольские козни,
Хотя острые, как гвозди, —
Их легко ты победишь,
Если сам себя смиришь.

Но коль будешь горд, надменен,
Всеми сам будешь презренен,
Тем себя ожесточишь
И невольно в мир сбежишь.

А в миру хуже юрода,
Будешь смешищем народа,
Жизнь в несчастьи проведешь
И растригою помрешь.

Так не слушай беса люта,
А держись сего маршрута.

Монах молча и со вниманием выслушал, поклонился Ив. Як. до земли и ушел, не сказав никому ни слова.

У одно священника находился в Преображенской больнице на излечении психически больной сын его. Священник, навещая сына, зашел к Ив. Як. и стал жаловаться, что Бог так жестоко и немилосердно его наказует, поразивши сына такою ужасной болезнью, легче было бы смерть его перенести, нежели видеть его живого, но сумасшедшего, и за что это такая немилость Господа к нему, несчастному!

Ив. Як. долго слушал сетования священника на горькую судьбу свою и ничего не отвечал. Наконец, когда священник поуспокоился, Ив. Як., подзвав его к себе, говорит: „Сами мы во всем виноваты, а на Бога печалуемся, протри хорошенько очи-то, да и взгляни в свое прошлое, не было случая, чтобы ты когда-нибудь, по слову Спасителя, нагого одел или странника в дом пустил, или бедного больного навестил, после этого какое же ты имеешь право за свое немилосердие требовать от Бога милосердия.

Авдотья Савишна ныне преклонных лет старушка, о которой сказано выше, ежедневно посещавшая Ив. Як. и прислуживавшая и, следовательно, как очевидица всех действий его, передала несколько случаев, которые здесь описаны, но большая часть их, по отзыву ее, осталась ею совершенно забыта или не понята. Она передать их была не в состоянии. О себе самой она рассказывала такой слухай:

„Сижу я у Ив. Як., а он взглянул на меня так пронизательно и говорит: „Отчего твои очи ходят все по ночи?“

„Напротив, — говорю, — бабушка, я ночей ужасно боюсь, потому что трусиха страшная и ночью никуда не хожу, даже от всенощной возвращаюсь домой почти бегом“.

„Наши ночи, Авдуся, не страшны, есть страшнее“.

Тут я пристала к нему объяснить мне, о каких он страшных ночах говорит.

„Нечего, — отвечает, — объяснять, сама увидишь“.

Так я в этот день ушла от него, ровно ничего не понявши, к чему и для чего он мне говорил о каких-то страшных ночах.

Пришла домой, поужинала и прилегла на диван полежать только, отдохнуть да и уснула. Вижу во сне, что я блуждаю где-то ночью, и ночь до такой степени темна, что ничего не видать, но слышу где-то отдаются человеческие голоса, как бы стон какой, иду по направлению этих голосов и слышу между ними знакомый мне голос родного брата моего умершего: „Дуняша, — говорит, — вытащи меня“. „А где ты?“ — спрашиваю. Он отвечает: „В болоте“. „Как, — говорю, — ты туда попал?“ „Сила нечистая затащила“, — отвечает. „Ну так повремени, — говорю, — пока я сбегая к Ив. Як. и спрошу его, как тебя вытащить“.

В это время по направлению востока стал появляться рассвет, я так обрадовалась, что бегом пустилась к просвету, а ночь, как стена черная, осталась сзади меня, я же бегу, спешу, опасаясь, как бы эта ночь не догнала и не накрыла меня; наконец, добегаю до просвета, узнаю местность Преображенской больницы, но самого здания богадельни не вижу, а вместо здания взору моему представилась зеленеющая долина и отлогий берег, спускающийся в спокойное, колеблющееся море. На берегу пасется огромное стадо, как снег, белых овец с ягнятами, и между ними пастухи, к которым я и направилась. А на море, недалеко от берега, вижу покачивается большой парусный корабль, и на нем около руля стоит Ив. Як. По приказанию его с корабля были опущены матросами на берег переходы, по которым все стадо овец с ягнятами, пастухами и я с ними были взяты на корабль. В это время остановившаяся сзади меня черная ночь, как стена, стала быстро на нас надвигаться, я ужасно испугалась, а Ив. Як., как бы командир корабля, кричит матросам: „Отчаливай!” Вижу, матросы забегали, встрепенулись, одни рубят канаты, другие поднимают паруса, корабль дрогнул и двинулся тихо от берега в открытое море. Я и проснулась.

Сон этот, несмотря на десятки протекших лет, так запечатлелся в моей памяти, что я его до подробности помню, как бы только вчера видела.

Наутро пришла я к Ив. Як., а он с улыбкой встречает меня и говорит: „А я ждал тебя, Авдуся, насилу-то ты приплыла”.

В Енисейскую губернию, по казенной надобности, командирован был один чиновник, живший с женой

и детьми в Сокольниках. Чиновник этот где-то в компании, увлекшись карточной игрой, проиграл казенные деньги и, будучи через то в безвыходном положении, решился скорее наложить на себя руки, нежели подпасть под уголовный суд и тем опозорить семью. В это время один из его знакомых предложил ему съездить к Ив. Як., уверяя его, что Ив. Як. имеет влияние на своих поклонников, а из их числа есть люди очень состоятельные, да и кроме того, самая беседа с ним успокаивает душу, и человек будет глядеть на свое положение иначе. Чиновник, не бывавши ни разу у Ив. Як., согласился идти, заплатив чуть ли не последний двугривенный. Вошел, а у Ив. Як., как нарочно, в этот день было такое множество посетителей, что в комнату едва было можно прodrаться, т. ч. чиновник пожалел о своем двугривенном, видя, что ему не протиснуться до Ив. Як., а Ив. Як. в это время потребовал себе лист бумаги и писал уже карандашом просительное письмо к Высокопреосвященнейшему митрополиту Филарету. Окончив его, он сам отыскал несчастного чиновника и, вручая ему образ Преподобного Сергия и бумагу, приказал тотчас же отправляться ко Владыке, вручить ему бумагу и дожидаться ответа, что чиновник немедленно и исполнил. Одно только со стороны его было неблагоприятно, что он, получивши от Владыки денежное вспомоществование, уехал с семьею в Енисейскую губ., не поблагодарив лично Ив. Як., спасшего, может быть, его от самоубийства.

Один богатый татарин, живший на Татарской ул., в своем доме, за Москвой рекой, слышал от кого-то об Ив. Як. и о его благотворных советах и решил перед отъездом на Нижегородскую ярмарку зайти

в Преображенскую больницу. Наконец, выбрал свободное времячко, приходит и спрашивает Ив. Як., хорошо ли он будет в Нижнем торговать, обещаясь гостинца оттуда привезти. И затем сел, не получив никакого ответа на свой вопрос, но сел как раз к образам спиною и по обыкновению в ермолке. Ив. Як. обращается к Авдотье Савишне: „Авдотья, сними с него ермолку, спрячь за пазуху, а его возьми за ручку, подведи к иконе Божией Матери приложиться”. В это время служитель Миронка и прочие посетители стали кричать на Авд. Сав., чтобы она не допускала татарина до св. Иконы, но Авд. Сав., не слушая их, подвела татарина к иконе, предварительно сняв с него ермолку, татарин щекою приложился к св. иконе Царицы Небесной и заплакал, а Ив. Як. в это время подошел к нему, благословил его обеими руками и отпустил с миром. В Нижнем татарин со всем своим семейством принял православие и посещал Ив. Як. до самой его смерти.

Ровно за год, рассказывала Авд. Сав., до объявления Севастопольской войны, Ив. Як. заставлял всех без исключения своих посетителей щипать корпию и заготавливать сухари, так что, бывало, придешь к нему и видишь, что все поголовно сидят и щипят корпию, для чего каждый приносил из дома тряпок, а сухари заготавливались дома.

„В 1855 г., 18 февраля, сидели мы, говорит Авд. Сав., у Ив. Як.: он, вопреки обыкновению, в этот день ни с кем не говорил ни слова, был грустен, задумчив и все нет, нет, да взглянет на св. иконы. Так что мы думали: не заболел ли он? Ужасно все перетревожились и его не беспокоили никакими вопросами. Вдруг Ив. Як. приподнялся с пола, посмотрел

на иконы, потом на нас всех, а у самого на глазах слезы и говорит: „Нет у вас, детушки, более царя, уволен раб от господей своих, он теперь как лебедь на водах, ныне Александр России свет”. Мы, сидевшие в это время, ровно из слов его ничего не поняли, а на другой день вижу по Москве нарасхват покупают афишки. Спрашиваю, что такое? О чем афишки? Отвечают, что император Николай Павлович умер, а на престол вступил Александр II, тут-то я и вспомнила о значении слов Ив. Як.

Однажды Авд. Сав., распотевши, пробыла долго на сквозном ветру и сильно простудилась, так что у нее образовалась головная рожа и воспалительная опухоль от головы по лбу стала уже захватывать лицо, которое разнесло до безобразия; доктора ей дали какую-то мазь с микстурой и предупредили ее, чтобы она ни в коем случае не умывалась водою, и вообще остерегалась бы мочить опухоль. Привыкши ежедневно бывать у Ив. Як., она не вытерпела, пришла к нему через силу, и только что она вошла к нему, а он как плеснет ей в лицо воду, всю обдал, она так и ахнула. А к вечеру, пока она сидела у него, — опухоль пропала, так что домой возвратилась совершенно здоровая.

У Авд. Сав. была сестра, которая любила ходить по богомольям, и вот как-то она ушла и более не возвращалась, даже и Авд. Сав. о ней по долгом времени как бы забыла совсем. Раз как-то, рассказывала Авд. Сав., пришла я к Ив. Як. и вижу у него сидит какая-то странница, на колени к которой он положил свою голову. Увидавши меня, Ив. Як. говорит: „Авдуся, помой ты ей ноги, шла она ко мне от

Нила преподобного и притомилась”. Принесла я воды и стала освобождать ее ноги от обуви. Как взглянула я на ее ноги, сердце даже замерло — все в ужасных ранах, а батюшка тем временем, пока я еще разувала ее и не видала еще ран, уже приказывает Миронке-служителю подать из лампадки елея, которым я и помазала ее раны, и ноги обернула свежими тряпками. Окончивши работу, тут только я в лицо странницы взглянула, она на меня также, обе зарыдали и бросились друг другу в объятия — странница оказалась пропадавшей столь долго сестрой Авд. Сав.

В числе обычных посетителей ходила к Ив. Як. женщина, по имени Дарьюшка, притворяющаяся юродивой, но вообще была существо двуличное, у раскольников, например, она молилась двумя перстами, а у нас молилась по-нашему, все действия Ив. Як. осуждала и насмехалась. Раз как-то она сидит, а Ив. Як. и говорит ей: „Жаль мне тебя, Дарьюшка, а придется тебе крест достать и приложиться”. „Какой, спрашивает, крест?” „А вот видишь, — показывает на киот с крестом, висевший на стене довольно высоко, — достанешь?” Отвечает — достану. Подставили стол, на него стул, влезла Дарьюшка и приложилась к кресту. А Ив. Як., видимо, жалел о ней, что она достала крест.

Надо заметить, что Дарьюшка из благодеяния проживала в доме фабрикантов Гучковых, в фабричном здании, куда по уходе от батюшки и отправилась, а там в эту ночь произошел пожар, и Дарьюшка, спасая свою жизнь, выбросилась из четвертого этажа здания и расшиблась до смерти.

Когда я составлял эту книгу, живущий со мною под одной кровлей старец, штабс-капитан, рассказывал про себя случай.

Во времена его молодости матери желалось видеть его при своей жизни женатым. И вот как-то явилась она к Ив. Як. с вопросом: „Будет ли сын Павел женат?“ На что Ив. Як. ответил: „Твой Павел женится, когда бык отелится“. Старик этот до сих пор холостяк, таким, конечно, пойдет и в могилу, ибо ему уже 70 лет с лишним.

По достижении Ив. Як. преклонных лет и начинавших появляться болезнях он, по убеждению племянницы своей, жены диакона, написал в утешение ей, к кому-то из высокопоставленных лиц письмо следующего содержания: „Обратите милостивое ваше внимание на Ив. Як., исходатайствуйте ему освобождение из больницы на чистый, прохладный, безболезненный воздух, к родной племяннице моей, диаконнице Марии. За такое ваше милосердие воздаст вам Бог и Господь и Дух Святой во Единой Троице славимый! Аминь“.

По этому письму хотели Ив. Як., действительно, выпустить из безумного дома, но когда ему объявили это, то он сказал, что идти никуда не хочет, а тем более в ад.

Последние три года, пред наступлением 1861 года, Ив. Як. все больше лежал, а в начале 1861 г. он заметно стал ослабевать в силах.

Ив. Як. всегда особо чтит Великую субботу и приобщался Святых Тайн более в этот день. Памятна многим Великая суббота 1861 года: в этот день, после приобщения Святых Тайн, Ив. Як., раздавши

бывшим у него посетителям просфоры, сказал: „Поздравляю вас с новым годом, с утренней авророй”. У всех тогда же явилась мысль: не о своем ли вечном утре говорил он? Между тем он продолжал: „А Ив. Як. просит всех пожаловать к нему в день его патрона, четырнадцатого сентября”. Одна девица, сидевшая вблизи его, начала целовать его голову, а он, как бы запрещая, сказал ей: „Не целуй меня при народе”. „А когда бываете вы одни?” — спросила она. „А вот в праздник Воздвижения Креста Господня, — отвечал он, — Ив. Як. останется один-одинешенек, при нем никого нет; ни тетушки, ни дяюшки, ни братца, ни сестрицы, ни, ни, никем никого. Тогда приходи, да всего и поцелуй меня” (14 сентября был девятый день по кончине его). „Как же никого, — продолжала девица, — в этот день прежде у вас много бывало народа”. „Будут и теперь, — сказал он, — да не пировать, а все будут богомольцы”.

С приближением кончины умножилась и болезнь старца, открылся кашель, постоянная мокрота мешала занятиям его. Сорок три года проведя в больнице, он не тяготился тяжестью своих подвигов, и при упадке физических сил не позволял себе ни малейшей льготы и до последнего дня держал себя так, как бы только начинал знакомиться с трудом, а лежал, как и всегда, на полу изнемогающим телом, даже и голове своей не давал покоя, не клал ее на подушку, а при сильном изнеможении, если и клал ее иногда, то также на пол, и самое писание ответов на присылаемых с вопросами записках прекратил только за сутки до смерти; любовь к ближнему превозмогала в нем все немощи и страдания.

Сентября 6-го дня, рано утром, Ив. Як. попросил священника, чтобы по образу церковного чинополо-

жения совершил над ним все, что нужно для приготовления к переходу в загробную жизнь, что и было выполнено тщательно.

После приобщения Святых Тайн изнемогающий страдалец был немедленно особорован св. Елеем, а в начале третьего часа дня священник прочел над ним отходные молитвы. В это время многие подходили к умирающему проститься в последний раз, а некоторые спрашивали, когда и какой смертью покончат свое земное существование, и все получали ответы, подошел и служитель его „Миронка”, и ему предрек, после себя, первому переселение в вечность. Так и сбьлось на деле, он вскоре умер, отцу же моему сказал: „Ты в огне сгоришь”. Здесь же одна женщина, желая спросить благословение на то, что принесла она много хлебов, и не зная кому их передать, подошла к умирающему. Он слабым и едва слышимым голосом сказал ей: „Боже, благослови для нищих и убогих, неимущим старцам в богадельне”, — потом, помолчав немного, приподнял руку и сказал громко: „Спаситесь, спаситесь, спасена буди вся земля”. Это были его последние слова, и с этими словами сомкнулись навек уста великого старца.

На другой день после кончины Ив. Як. богатыми почитателями его приглашен был профессор живописи снять с покойного портрет. Но только что он принялся за работу, как лицо покойного тотчас же стало меняться, и появились подтеки и опухоль. Профессор должен был удалиться, не снявши портрета. Но при жизни Ив. Як. имелись с него даже бюсты. Один из таковых был лично у меня, но по неосторожности кем-то из домашних после смерти Ив. Як. разбит.

Тело покойного Ив. Як. стояло непогребенным пять дней, в течение которых было отслужено более двухсот панихид, а стояло непогребенным оно потому, что относительно похорон произошло препирательство между усердствующими: одни желали, чтобы тело Ив. Як. было похоронено в Смоленске, на месте его родины, другие — в Псковском монастыре, а некоторые — в Алексеевском, но митрополитом Московским уважено было ходатайство родной племянницы покойного, бывшей в замужестве за диаконом церкви села Черкизово, где и было совершено погребение.

На могиле покойного, обнесенной оградой, в правой стороне от церкви, лежит чугунная плита с изображением на ней имени и времени кончины. Подле этой могилы покоится прах Павла Абрамовича Аладьина и невдалеке, в головах, похоронен мой отец, согласно предсмертной воле его.

Кончина отца моего, согласно предсказанию Ив. Як., последовала при следующих обстоятельствах: под конец жития отец выстроил в Сыромятниках двухэтажный дом и после предсказания Ив. Як., что он „в огне сторит”, каждую ночь он несколько раз вставал и осматривал двор и все углы дома, опасаясь пожара и быть сожженным заживо; но предсечение исполнилось совершенно иным образом. Он как-то по неосторожности напился холодного и получил воспаление желудка, вследствие чего внутренний жар у него был настолько велик, что отец до самой смерти кричал: „Батюшки, горю, помогите”. Этой болезнью в полной памяти и скончался он.

На могиле в день погребения Ив. Як. было отслужено 70 панихид, а затем долгое время до 20 панихид ежедневно.

**СВЯЩЕННОМУЧЕНИК
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ МИТРОПОЛИТ
КИЕВСКИЙ ВЛАДИМИР**

Из достоверного источника из Киева получено известие о мученической кончине митрополита Владимира.

В ночь на 26-е января в Киево-Печерскую Лавру, занятую пред тем украинскими войсками (Лавра находится в районе крепости, потому лаврское начальство бессильно было не допустить этого), проникли большевистские отряды. Вскоре после этого неизвестные лица направились в покои митрополита, узнав, что он хозяин Лавры. Произведя обыск и отобрав 100 рублей денег, потому что больше у почившего владыки не было, они повели его на допрос к коменданту, но, очевидно, по дороге решили с ним покончить и привели этот безумный умысел в исполнение. Тело мученика-святителя найдено на другой лишь или на третий день. На нем оказалось две огнестрельных смертельных раны и три колотых.

3-го февраля на Священном Соборе получена была эта ужасная весть, подтвердившая ходившие на-

кануне слухи и печатное сообщение в „Русских Ведомостях”, которым не хотелось верить. Тотчас же по получении известия Святейшим Патриархом Тихоном была совершена панихида во Владимирском храме Епархиального Дома, к которому примыкает зал соборных заседаний. Этот храм, как и весь Епархиальный Дом, построен убиенным мучеником, митрополитом Владимиром, и потому здесь особенно выразительно звучала ему, как храмоздателю, „вечная память”.

Одною из последних книг высокопреосвященного Владимира была книга о Колизее, о римском Колизее, обогренном святою кровью христианских мучеников. Ныне Господь сулил и ему венчаться подобным венцом мужественного воина Христова, терновым венцом страданий и мученической кончины. В то время как в губерниях Малороссии назревает и углубляется нездоровое сепаратистское течение и в церковном отношении, в это самое время великая русская Церковь дает Украине драгоценнейший дар — мученическую кровь и страдальческий подвиг ревностнейшего архипастыря, убиенного митрополита Владимира, свидетельствуя тем, что не может быть разделений там, где надвигается одна опасность, где подымается одна волна гонений и насилий против Церкви. Кровь страдальцев за веру, пролитая на улицах Петрограда, Москвы, Ярославля, Тулы, Харькова, Киева, эта невинная кровь, которая вопиет от земли к небу, связывает всю русскую православную Церковь воедино для ревностного стояния за Христа и Церковь, за величайшие святыни религиозного упования, народного духа, общественного и государственного строительства.

Несмотря на то, что со дня убиения высокопреосвященного Владимира прошло уже две недели, все еще остаются неизвестными обстоятельства его мученической кончины. Страна исполнена ужасов братоубийственной войны, нечеловеческой жестокости, тяжких преступлений, страшного безумия, — исполнена в такой мере, что весть о новом тягчайшем злодеянии лишь медленно расходится по обширному лицу Русской земли. Достоверно известно только, что в ночь на 26-е января Владыку Митрополита увели из его покоев в Киево-Печерской Лавре, а на другой день нашли его у ограды Лавры убитым, с несколькими огнестрельными и колотыми ранами, раздетым. Страшная, окаянная ночь! Ужасно преступление, жертвой которого пал пастырь, всю жизнь отдавший на служение Церкви и православному народу.

Высокопреосвященный Владимир, в мире Василий Никифорович Богоявленский, родился 2 января 1848 года в семье священника с Малой Моршанки, Моршанского уезда, Тамбовской губернии; образование получил в Тамбовской духовной семинарии, а затем в Киевской духовной академии, по окончании которой в 1874 г. был назначен преподавателем в родную семинарию сначала гомилетики, а потом Священного Писания. В 1882 г. он оставил службу при семинарии, 31 января был рукоположен во священника к Покровской соборной церкви города Козлова, Тамбовской губернии, и весь отдался пастырской деятельности, не ограничивая ее пределами одного только своего прихода, но и исполняя обязанности депутата на епархиальных съездах и благочинного Козловских градских церквей. Тяжкая болезнь свела в могилу его жену, и семейное горе по-

будило молодого священника вступить на новый путь служения Церкви и народу. В феврале 1886 г. он был пострижен в монашество в Тамбовском Казанском соборе и возведен в сан архимандрита. В этом сане он стоял во главе сначала Козловского Троицкого, а затем Новгородского Антониевого монастырей. 21 мая 1889 года архимандрит Владимир получил назначение на кафедру епископа Старорусского, викария Новгородской епархии, и 13 июня хиротонисан в епископа митрополитом Исидиром в Петрограде, в Александро-Невской лавре. 19 января 1891 г. Владыка был назначен на самостоятельную кафедру, 18 октября 1892 г. — экзархом Грузии со званием члена Св. Синода, 21 февраля 1898 г. — митрополитом Московским, 23 ноября 1912 г. — митрополитом Петроградским, ноября 1915 г. — митрополитом Киевским.

Здесь, в древнем Киеве, купели русского народа, закончил свою странническую жизнь святитель, для которого так близки были слова Писания: „не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем”, который с дерзновением мог повторить слова святого апостола: „Я ни за что не взираю и не дорожу своей жизнью, только бы с радостью совершить поприще свое и служение, которое я принял от Господа”.

Прощаясь с московской паствой, растроганный до слез многочисленными бесхитростными простыми выражениями ее искренней любви к нему, высокопреосвященный Владимир сказал: „В настоящее время я чувствую истинную радость, но не потому, что эти приветствия льстят моему самолюбию, исконному врагу нашего спасения, — свидетельствую это моей архиерейской совестью, радуюсь

потому, что из вашей любви — я усматриваю вашу любовь к Пастыреначальнику. Он — наша жизнь, Он — задача нашей жизни, Он — альфа и омега”. В этих прощальных словах, в этом завете московской пастве выразилась вся душа пастыря, радость которого есть радость о пастве во Христе, народного пастыря в духе и силе о. Иоанна Кронштадтского, память которого так благоговейно чтит высокопреосвященный Владимир.

Козлов, Новгород, Самара, Грузия, Москва, Петроград, Киев — это последовательные этапы многолетнего служения митрополита Владимира, и на всех этих путях своего служения убиенный святитель выше всего, прежде всего ставил — сохранить народ в ограде Церкви, оберечь его от влияний сектантской и социалистической пропаганды, освободить его от страшного векового недуга пьянства, дать ему свет истинного христианского знания.

„Вы, может быть, скажете, — говорил преосвященный Владимир воспитанникам Московской семинарии, — что хлеб церковный в наше время стал черств; иногда, мол, это бывает та сухая корка, которая не поддается и молодым зубам. Но нужно прежде всего думать не о том, что от народа, но о том, что мы сами можем дать ему. Народ наш беден, его жизнь разъедается еще страшным недугом пьянства; часто блуждает он в дебрях раскола и сектантства. И нужно прежде всего приложить все усилия к тому, чтобы поднять народ, отрезвить его, внести в его среду свет истинного христианского учения”.

Здесь дана программа пастырской деятельности, которую почивший святитель осуществлял прежде всего сам, и чем выше становилось его служение, тем выше становилось и осуществление этой программы.

В Козлове Владыка Митрополит обращает особое внимание на внебогослужебные беседы, как на одно из лучших средств духовного просвещения прихожан. В Новгороде он заботится о развитии церковного учительства, всемерно привлекая к нему новгородское духовенство и первый подавая пример своими беседами в древнем Софийском соборе.

В Самаре он организует внебогослужебные беседования по различным церквям, основывает в целях распространения духовного просвещения среди народа Алексиевское религиозно-просветительное братство, открывает в здании городской думы бесплатные вечерние чтения религиозного содержания, много заботится о благолепии церковного богослужения. Во время голода и холеры, постигших Самарскую губернию именно в годы служения здесь высокопреосвященного Владимира, раскрылась во всей полноте его пастырская ревность, неутомимая энергия и бесконечная преданность своему долгу, непоколебимая и пред опасностью смерти. Для борьбы с голодом он организует епархиальный и уездный комитеты, открывает при всех монастырях и состоятельных церквях столовые и чайные для бедняков, при школах бесплатную раздачу пищи всем ученикам и ученицам, и в многочисленных печатных воззваниях и поучениях он призывает всех прийти на помощь голодающим. В Петроград он шлет чрез сенатора Кони кусок голодного хлеба, каким питались в Самаре, и этот кусок хлеба раскрыл центральной власти, что не о неурожае нужно говорить, но о настоящем голоде, что бедствие приняло ужасающие размеры и что для борьбы с ним нужны чрезвычайные и решительные меры. Во время холеры, уносившей тысячи жертв, вызвавшей панику,

когда народ в ужасе оставлял больницу без присмотра, умерших без погребения, когда народ избивал врачей и санитаров, заподозривая их в распространении эпидемии, Владыка устраивал общественные молебствия, обращался к многочисленным собраниям своей паствы со словами утешения и ободрения, сам служил панихиды по умершим от холеры и отпевал их на холерном кладбище.

На Кавказе, этом постоянном очаге общественных настроений и церковных раздоров, высокопреосвященный Владимир остается тем же служителем мира и любви, каким он явил себя и на свещнице церкви Самарской, и, прощаясь с грузинской паствою, говорит ей: „За все время пребывания у вас жизнь моя текла ровно, спокойно, безмятежно. По крайней мере я не могу припомнить ни одной ссоры, ни одного столкновения, так что во все это время ни разу не заходило солнце во гневе моем”.

Народный характер пастырского служения высокопреосвященного Владимира особенно ярко обнаружился за время его деятельности в Москве. Здесь, в центре церковной жизни всей России, под сенью московских святых, в течение почти пятнадцати лет почивший святитель ярко горел пламенем Христовой любви, согревая этим пламенем не только свою паству, но и далекую Сибирь и всю Россию. Епархиальный Дом в Москве, созданный по идее и трудами Владыки Митрополита, конкретно выражает, как широко понимал он задачи своего служения. Он радовался радостью нескрываемою, когда видел, что епархиальный дом обратился в духовный улей, в котором, как трудолюбивые пчелы, с утра до вечера работали различные просветительные, миссионерские и благотворительные учреждения. Он радовал-

ся, что ни одного уголка в нем не оставалось неиспользованного. Здесь совершались вечерни с общим народным пением, устраивались беседы религиозно-нравственного содержания с бесплатной раздачей брошюр, богословские чтения, чтения для фабрично-заводских рабочих, разные лекции, духовные концерты, чтения и спевки хора рабочих; здесь происходили собрания различных епархиальных обществ и учреждений. Здесь нашли себе приют редакции духовных журналов, Кирилло-Мефодиевское братство с епархиальным училищным советом, книжный магазин и склад изданий отдела распространения духовно-нравственных книг, православное миссионерское общество, попечительство о бедных духовного звания и т. д.

В этом разнообразии нужд, обслуживаемых епархиальным домом, отразилась, как в зеркале, разносторонность архипастырского служения высокопреосвященного Владимира, как раскрылась она особенно в московский период его деятельности. Она направлена была в сторону созидания прочных, устойчивых организаций, просветительных и благотворительных как из среды пастырей, так и мирян, — организаций, которые могли бы вести планомерную и неуклонную работу в направлении последовательной христианской жизни.

Семья и школа, завод и фабрика, все эти и другие отрасли общественной и государственной жизни должны были впитать в себя, как основной доминирующий тон их деятельности, дух Христова учения чрез Церковь, пастырей и верующий народ. В подвижничестве служении этой цели высокопреосвященный Владимир никогда не щадил ни сил, ни здоровья, но постоянно стоял на страже, готовый к по-

двигу и борьбе, как верный воин Христов. Он заботился о поднятии образовательного уровня пастырей и клириков, создавал многочисленные кадры народных миссионеров, организовал богословские курсы для женщин, вдохновлял трезвенников в их работе, устроил курсы для подготовки пастырей в далекую Сибирь, вел борьбу с надвигавшейся заразой безбожного социализма, опасность которого для России всегда была ясна ему, — и на всех этих путях своей деятельности явил себя пастырем мира и любви, непоколебимой стойкости, кристальной честности, бесконечной преданности Христу и Церкви.

Петроградский период служения высокопреосвященного Владимира отмечен упорной борьбой его против алкоголизма, организацией церковных сил для ограждения народа от этой язвы, которая все шире и шире расплзалась и въедалась в тело народное, неся с собой нищету и вырождение. Подобно московскому периоду, этот период отмечен также и собиранием церковных сил для борьбы с сектантством, которое увлекало одних, и социализмом, который увлекал других. Он отмечен напряженным трудом его в целях развития церковного учительства, — того дела, для которого он неустанно трудился с первого и до последнего дня своего служения пред Престолом Божиим, не только устно, но и литературными трудами, откликаясь в последних на язвы и раны как церковной, так и общественной жизни, идя навстречу запросам души и взрослых, и детей.

3—9 декабря 1912 г., конец ноября 1915 г., дни прощания митрополита Владимира с московскою и петроградскою паствами, были для него днями и печали при расставании с близкими, а вместе и духов-

ной радости, когда подводились итоги его ревностного служения, когда сама нива Христова, на которой трудился святитель, свидетельствовала неложно о величии его труда и подвига. Любовь народа к своему архипастырю, горевшая до того времени тихим и ровным светом лампы, в эти дни вспыхивала ярким пламенем, при свете которого так отчетливо, так явственно выступала, обрисовывалась деятельность Владыки.

Преступною рукою в тягчайшую годину, какую только знала наша история, прервана нить жизни святителя, подвижнически трудившегося на ниве Православной Русской Церкви и мученическим венцом увенчавшего этот свой жизненный подвиг. Но Церковь благоговейно сохранит благодарную молитвенную память об архипастыре, который на высокой чреде своего служения безраздельно отдавался служению верующему народу, мужественно ведя его от векового недуга пьянства, от болезненных уклонов в раскол и сектантство, от гибельных, как особенно показывает это наша настоящая действительность, социалистических утопий к немерцающему свету Воскресения Христова.

Выписка из журнала „Церковные Ведомости” № 5 – Издание Православной Русской Церкви 7/20 февраля 1918 г. (XXXI год изд.).

ВОСПОМИНАНИЯ ПАСТЫРЯ

„Господь Мой и Бог Мой”

„Некоторый человек высокого рода отправился в дальнюю страну, чтобы получить царство...” (Луки 19, ст. 12).

„Прииди и запечатлей в душе моей чаяние жизни нетленного века”.

„Прииди и открой мне радость грядущего царства” (Из акафиста Св. Духу, икос 12).

Любезный читатель!

Когда будешь просматривать эти страницы, то не подумай, что я здесь тщушь праведность в своем лице показать. Нелицемерно тебе возведу, что от юности моей многие страсти бороли меня... И не только бороли, но и побеждали...

Часто и очень часто я был в великом изнеможении и в тяжком смущении. Часто мне казалась бесплодной эта борьба. Часто унывал во мне дух мой. Но когда я чувствовал, что духовная ладья моя тонет, то тогда возводил очи свои к Лику Спасителю и говорил Ему воплем крепким:

„Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя. Помилуй, помилуй, Спасителю мой, падшего и жестоко поругавшего Закон Твой. От лет младенческих сердце мое жаждет и ищет Тебя. Оно хочет Тебе Единому служить и работать, но враг борет мя и нет у меня сил своих прогонять его и побеждать. Кроме Тебя, кто меня избавит, заступит, сохранит? Кроме Тебя, кто даст крылья вере моей, да полечу к Тебе...

Не отрини меня, пришедый милость сотворить не здоровым, но болящим. Ты горько плакал о погибающем роде человеческом, сжался надо мною, просящим силы Твоей победить бессилие свое... Не отвержи мене от Лица Твоего, не отвергавший всех грешников, припадавших к Тебе... Не даждь бурным волнам мятежных страстей моих потопити бедную душу мою в безднах адовых.

Ко грешным пришедый, не отвратися от меня грешнейшего. Спаси меня Единый Могущий спасти. Не отлучи меня за нечистоту мою от Себя и от любви Твоей. Не я спасаю себя, но Ты, мой Спаситель, спасаешь меня. Если Ты даруешь мне благодать Свою, то я буду стоять перед лицом Твоим. Если не даруешь, то я погибну...

Духом Твоим оживотвори веру мою. Сподоби Тебе Единому быть рабом. Пребудь со мною. Не разлучайся от меня николиже. Я Твое создание ураненное, погибающее, но взыскующее для восстания своего только Твоей милости. Только Тобою живу и движусь и правды Твоей жажду, а сам есмь яко сосуд непотребен и пуст...

Так призри же на беспомощность мою. Сжался. Спаси. Погибаю”.

И когда я от всей искренности своей так молился, то всегда получал укрепление духу своему. С но-

вою бодростью выходил я тогда к людям и чувствовал, что движусь только содействием благодати Христовой.

И сию веру свою во Единого Господа Иисуса Христа Сына Божия, Начальника жизни нашей, Победителя ада и смерти, посылающего верующему в Него силу и власть противостоять всей силе зла, я исповедую здесь... на этих листках.

Другу моему искреннему

Когда далеко от юдоли мира сего будут стопы мои, несомненно, что тогда восхощешь ты еще хоть однажды видеть меня, восхощешь еще воздать последнее целование от любви состраждущей. Но ты в то время уже не увидишь меня, не будет тогда с тобою вида и образа моего.

В те грустные минуты разверни эти листочки. Здесь то — чем жила душа моя. Приникни сердцем к страницам сим и крепко и твердо веруй, что я жив, что я помню тебя и верю, что у нас будет радость и эту радость никто не отнимет у нас.

8 сентября ...

ДЕНЬ ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

Под Покров с неба начал падать обильный снег. Шел он всю ночь, и на рассвете дня праздника Пречистой люди встали с предчувствием непременно должной прийти светлой тихой радости. Унылые, пустынные картины поздней осени везде покрыли бело-

снежные чистейшие одежды. Осиротелые, черные поля, грязные топкие дороги, закопченные крыши хат всюду покрылись торжественной белой парчой. В большой праздник бывает так в храме. Отверзутся Царские врата, зажгут свечи, и батюшка в ризах, точь-точь в таких, как чистый свежий первый снег на дальних полях, выйдет из алтаря и запоет вместе с певчими так обрадовательно и убедительно „Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа”.

Белый светлейший покров принакрыл грешную землю. Убелена и чиста стала мать-сыра земля. И в сердце снова засияли зарницы светлых надежд, надежд на то, что милость Царицы Небесной скоро убелит студную и мрачную от греха жизнь нашу.

Тихо падают с неба белые чистые пушинки. Все белее снежные покровы. Все покойнее душе. Как неисчислимо много тех чистейших снежинок, что несутся с неба на землю. Но милость Царицы Небесной к грешным людям еще несказанней и нет ей предела... Покуда мир будет стоять, будет неизменно спускаться к нему помощь, чистая светлая радость и утешение от Покрова Преподобной Девы. Будет эта помощь всем невинным мученикам, всем убиенным и заточенным, в болезненных муках немощи своей лежащим, всем оковы тяжкие за правду носящим, всем детям бездомным, всем брошенным друзьями и близкими, всем плачущим слезами неутешными.

Все больше становится снежная чистая пелена над миром дольным. А белые пушинки все падают с неба. Мы молимся. Слышны припевы акафиста: „Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором”. Все покойнее становится больной душе. И вот уже появляются в лоне ея по-

мысли и хотения. Хочется, чтобы всегда было так безбедно и бесстрадательно, чтобы всегда так же тихо мерцала лампада перед иконой и на сердце постоянно была бы тишина, чтобы Царица Неба покрывала жизнь мою земную от муки невзгод и горестей.

Но когда явились хотения, то сразу явились и их судьи: совесть и вера. „А как же сочетать благополучие твое с заповедью Христовою о кресте; со словами Его: „в мире скорбни будете“? Ведь непреложен, неизменен Божий закон о том, что только отдавшие кровь воспримут дух.

В душе всегда находятся вопрошающий и отвечающий. И вот отвечающий говорит душе моей: „Ее Покров хранит душу твою от гибели вечныя. Ее Покров дает спасение грешникам отчаянным и отверженным. Она избавляет и принимает к Себе всех отлученных и безнадежных. Она спасает даже продавших душу свою дьяволу. Но Покровом Своим не отнимает от нас Пресвятая Дева тех страданий, которые даны нам ради очищения, ради познания истины, ради входа паки в рай”.

Тихо в моей келье. Умиротворительно перед иконой Ея мерцает лампада. За окном все падают и падают снежинки. И смиряются в душе моей последние сомнения и беспокойства.

С ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ

В мой приход принесли чудотворную икону Божией Матери „Владимирскую”. Таков был порядок и обычай ежегодный в церковной жизни нашего села. С крестным ходом мы встречали Царицу Небесную и с крестным ходом носили Ее по селу.

В каждом домике, в самой последней избушке бывала у нас Владычица. В каждом домике перед Пречистым Ея Ликом я служил молебен. На селе к встрече „Чудотворной” все готовились, убирались, чистились, наряжались во все белое, светлое, чистое. День Ея посещения для каждого семейства был днем праздничной радости. От дома к дому большая толпа людей, озаренных тихой радостью, провожала икону.

Перед приходом Пречистой у нас на селе в этом году случился пожар. До тла сгорело семь домов. От них остались только почерневшие от дыма печки.

Тихо, как на легких весенних облаках плыла икона, переносимая из дома в дом. И когда шествие с Ней приблизилось к печальным пепелищам погорельцев, я думал, что нам придется пройти их мимо. Не до молитвы им теперь, — мнилось мне, — но мнилось напрасно. Погоревшие ждали Пречистую. Там, где были спаленные пожаром избы, у каждого хозяина стоял стол, покрытый белой скатертью. На столе лежали хлеб и соль. Ждали здесь Владычицу и в горе своем. Встречу Ей готовили от всего сердца, только на Нее уповающего.

И служил я на этих пепелищах, как и везде, водосвятный молебен с акафистом. Погорельцы стояли на коленях и молились. И познал я тогда духом веры своей, что молитва их восходила к небесам. И я видел тогда, что редко можно было видеть. Лица бедных погорельцев светились ясной верой и кроткой, терпеливой надеждой. Они проливали слезы, но слезы не огорчительные, а полные радостного упования.

День тогда сиял нежной, хрустальной лазурностью небес и неизреченною святыней. Милостивно

смотрела на молящихся их постоянная и неизменная Заступница. И в каждой душе, сущей перед Нею, была невозмутимая радость.

У МАТУШКИ МАРФЫ ПОД МИХАЙЛОВ ДЕНЬ

Под праздник собора св. Архистратига Божия Михаила и бесплотных сил я всегда пешешествовал к Шамординской схимонахине, матушке Марфе, и в ее домике служил всенощную. Не подумайте, что я был тогда в самом Шамордине. Шамордина, как приюта для душ, познавших горечь мира, уже давно нет на лице земли.

Когда по неисповедимым путям Промысла Божия совершилось разорение Оптиной и Шамординской обителей, то насельники их разошлись на все четыре стороны страны русской, ища места, где бы можно было приклонить главы свои. Вот в то время матушка Марфа с двумя своими сожительницами появилась в наших палестинах. В двух верстах от моего храма, на самой дальней окраине другого села, не имея никаких иных средств, кроме милосердия Божия, матушка Марфа поставила себе маленький домик. К этому домику приделаны были еще разные клетушечки, сараюшечки и разместились там пять изгнанниц из обители Шамординской. Матушка Марфа правила ими и, вернее, не правила, а опекала всех своею искреннею и глубокою любовью. И вообще всех приходящих к ней матушка Марфа поражала духовною мудростью и состраданием беспредельным. Она была слепенькая, но на слепоту свою никогда не роптала, а признавала ее милостью Божию.

„Как хорошо, что я слепа, — говорила она, — и не вижу тех соблазнов, которые видите вы”.

Это общество ангелов Божиих избрало меня своим духовником. Я часто бывал в домике матушки Марфы и там получил первые познания превосходства иноческого жития над всеми самыми высокими положениями в мире.

День праздника Архистратига Божия Михаила матушка чтит чрезвычайно. Накануне этого дня к вечеру я всегда собирался к ней на молитву. О, незабвенная, убогая хижина! Сколько благодатного мира вмещала ты в себе! Великому городу хватило бы тех живоносных, благодатных даров, какие ты приняла под свою низенькую соломенную кровлю.

В домике у матушки Марфы крохотные, обклеенные белой бумагой комнаты... Везде тут изумительная чистота и опрятность, которые в скромной, лишенной достатка жизни, еще более свидетельствуют о благородстве души здешних обитательниц. В невозмутимой тишине спокойно тикают старые часы с двумя большими медными гириями. Со стены улыбается благостно старец Амвросий оптинский, духовный отец и воспитатель матушки Марфы. Здесь можно увидеть портреты и других великих старцев, а также виды святых обителей. Перед большим образом Казанской иконы Божией Матери, привезенным из Шамордина и когда-то находившимся в келии отца Амвросия, горит и никогда не меркнет лампада. А какой благовонный воздух был в кельях матушки Марфы. Дышишь и не надышишься. Заключал он в себе только мир и любовь. Тихо там было всегда духу моему.

Матушка Марфа посадит, бывало, меня поблизости около себя, потрогает руки мои, — не озябли ли

они от мороза; пощупает одежду мою, — не промок ли я, и потом станет расспрашивать о самом внутреннем, — чем живет и болезнует мое сердце. Станет расспрашивать, нет ли у меня злодейки-тоски, не обидел ли кто меня, не ропщу ли я на скудость жизни своей, какие притеснения испытываю от безбожных властей. Я все расскажу ей даже без маленькой утаенности, а она рассудит все мои душевные дела разумнее, чем многие почитающиеся мудрецами, и утешит и наставит меня больше, чем некоторые „духовники“.

Иногда ей скажешь: „Матушка, дорогая, не слишком ли вы много мне, недостойному, оказываете внимания и чести?“ А она на эти слова тихо, чтобы слышал только один я, ответит: „Кто принимает кого во имя пророка, мзду пророчу примет“.

Узнав все незгоды мои, приняв их внутрь сердца своего, матушка Марфа настаит, чтобы я перед всею ночью непременно отдохнул. „Вам, — скажет, — надо, батюшка, хоть десять минут полежать перед службой. Когда сердце успокоится, совсем по-другому молиться будете“. И поведет она меня в одну из клетушечек, где еще больше тишины, где пахнет польнью и богородичной травкой, где невозможно думать о грехах. Сама матушка устроит мне постель, сама укроет меня на этой постели, сама разбудит. В дремоте я думаю: „Почему мы не хотим стяжать того богатства, какое имеет матушка Марфа?“

После отдыха начинается всеюночная. Тихо, но высокими голосами поют и читают сожителиницы матушки Марфы. От такого пения в душе поднимается неутолимая земными радостями тоска. То — тоска по забытому во многих суетах истинному и единственному отечеству нашему. Это — святая, спаси-

тельная тоска. Если бы вы еще видели, как молилась м. Марфа. Как она тогда далека была от этого печального мира. Тогда прикоснуться к ней нельзя было, и все равно в то время она не поняла бы наших вопросов. Если бы вы знали, как там, в домике матушки Марфы можно было возносить сердце к Богу. Молитве здесь ничто не мешало. Как будто бы тут постоянно присутствовали те ангельские лики, которые собирают жатву молитвы и несут ее к Богу. Бессильному, валяющемуся на земле человеку, как будто бы здесь кто-то давал благодатные, сильные крылья. Длинная служба оптинским уставом, с пением на „подобны”, никогда не утомляет. Есть такая вода чистейшая, прохладная, ароматная. Чем больше пьешь ее, тем больше пить хочется. Такова эта служба. Душе хочется, чтобы она никогда не приходила к концу.

После службы пьем чай. Матушка Марфа ставит около меня несколько маленьких баночек с вареньем и из каждой дает мне отведать. „Матушка, — говорю я с тихим волнением, — Вы святая”. — „Нет, — ответит, — я только слепая”.

„Матушка, — скажет кто-нибудь из гостей, — у Вас и часы-то тикают как-то по-другому, по-мирному, не как у нас”. — „Что же удивительного, — ответит матушка, — и вы можете заставить у себя часы тикать так же. Живите помирнее, да на мир старайтесь меньше смотреть, меньше желать его. Чужие грехи не разбирайте, а побольше тормозите себя за свою навозную кучу”.

„Матушка, — говорит одна из послушниц, — что же мне ответить сестре-то?” — „А ты покорооче напиши, — говорит матушка, — на больше письмо надо и

ум большой, а ты напиши: что посеешь, то пожнешь, и довольно будет”.

„Сестры, — вдруг скажет матушка, — спойте ба-тюшке 'жил юный отшельник' ”. Когда сестры поют о юном отшельнике, усумнившемся в слове Божи-ем, что „у Господа тысяча лет, как один день”, поют о том, как этот отшельник, будучи в лесу, увидел там необыкновенную, дивную птичку, как он, желая поймать ее, пошел за ней и незаметно для себя очу-тился в другом веке, — то у меня из сердца и из очей льются слезы. О чем они, я не могу сказать. Только знаю, что эти слезы драгоценны. Я плачу, и мне ка-жется, что, потеряв когда-то давно великое сокровище, теперь я не нахожу дороги к нему. Как охот-ник ранит птицу, так это пение уязвляет мою душу и делает ее неспособной покойно жить в мире.

Почти каждый день к матушке Марфе приходили православные за советом и за подмогой молитвен-ной. С каждым годом таких людей толпилось у нее в келье все больше и больше. Но я никогда не замечал, чтобы от проходящих в домике матушки Мар-фы был шум и беспорядок. Все вошедшие сюда го-ворили тихо, почти шепотом. А перед тем, как вой-ти, в сенях они долго к этому приготавливались, от-ряхивались, осматривались, умиряли свои души.

„Живи не ершичкой, а плотвичкой”, — слышу, как говорит матушка молодой женщине, пришед-шей жаловаться на свою свекровь.

„Ты не цени сам себя, дай Богу оценить твои доб-рые дела. Может быть, что ты признаешь добрым, Бог не признает”, — сказывает она одному благо-честивому юноше.

„Если ты обидишь обидчика своего, то где же тогда будет правда, по которой жить всем нужно”,

— наставляет матушка жалующегося на врагов своих.

Кто научил матушку Марфу так любить людей? Кто ей даровал тот превышний мир, который она щедро раздает окружающим? Чем она привлекает многих близких и дальних, проходящих к ней? Ведь эти проходящие идут сюда, часто минуя своего священника приходского. За ответом на сии вопросы невольно взор обращается к тем бессмертным старцам пустыни Оптиной, которые пламенем огня Божественной любви озарили всю русскую землю.

Оканчиваются наши блаженные минуты пребывания у матушки Марфы. Я собираюсь в обратный путь. Завтра рано утром у нас в храме будет утренняя и литургия. Надо идти. На улице легкий морозец. Снегу еще мало, и он такой пушистый, рассыпчатый, не прилегающий к земле. Дорога сухая, легкая. На светлом небе ясный месяц. Иду, а в глазах стоит образ матушки Марфы. В сердце же — глубокое чувство виновности перед Богом и перед душой своей. Давно позабытые воспоминаются грехи. Сознаю, что не озаботился я, не понудил себя снискать смирение, без которого нельзя обрести душе покоя и истинного познания правды Христовой.

Вот уже много лет прошло с тех пор, когда я бывал у матушки Марфы, а образ ее не тускнеет в душе моей. Все трогательнее память о нем. Не так, не так нужно бы было воспринимать те уроки жизни христианской, которые она давала мне.

ДЕНЬ ПРАЗДНИКА ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

В моей келье отошла литургия. Никого нет. Слышна тишина. Далеко от меня все единомысленные, единокордные... И никого к себе я не жду. Никогда я так хорошо не знал, что никто из друзей и знакомых не может навестить меня.

Уже догорает день. На белые поляны, на вершины сосен лег вечерний свет. В его лучах одиночество мое еще суровее, еще ошутительнее. Далеко бежит и вьется мысль моя... Распространились чувства.

Я слышу мощные удары колокола. Гудят они прямо в сердце. Вижу церковь, у которой раскрыты все двери. Господи Боже! Сколько на этот праздник пришло народу туда. Сколько там юных и совсем маленьких мальчиков и девочек. Они пришли тоже праздновать день Введения во храм Пречистой. А как поют эти маленькие на клиросе. Слышите: „Пречистый храм Спасов, многоценный чертог и Дева, священное сокровище славы Божией, днесь вводится в дом Господень, благодать совводящи...” Кажется в это время небо отверстым и видятся ангелы туда восходящие и оттуда нисходящие.

Войдете в храм, и ароматы большого праздника охватят вас. Везде святые праздничные настроения и чувства. Везде внимательные, благоговейные лица. И диакон, когда кадит, кланяется как-то иначе, торжественнее, величаво. У иконы праздника живые цветы. И все творится ныне ради Нее, в честь Пресвятыя Богородицы.

Все дальше и дальше бежит мысль моя. Бежит она по лицу великой земли русской. Перебегает она от храма к храму, от села к селу, из города в город

и везде видит торжественный, великий, светящийся небесной красотой двенадесятый праздник. Везде в стране нашей великие сонмы празднующих. А сколько мальчиков, сколько девочек совсем еще крошечных празднуют сей праздник! В церковь ходят в этот день всей школой, и стоят стройными рядами. После литургии перед иконой Пречистой поют тоненькими, нежными голосами молебны, становятся в очередь прикладываться.

В монастырях день Введения во храм Царицы Небесной — время дня пострижения во иноческий чин желающих все сердце свое отдать Ей. Говорят, что у некоторых приступающих к монашеству не было внутренних переживаний. Но мы знаем, что среди постригаемых были истинные поклонники Святой Троицы. Они соблюли веру свою и напоили ею других. Перед их глазами никогда не меркнул тот блаженный день, когда они давали торжественное обещание отложить всю временную прелесть мира и вместе с ангелами служить Ему Одному...

Теперь исчезли прежние видения, прежние картины сего дня. Все отлетело, что было так мило, что так волновало сердце. А праздник остался, и так он прекрасен, так желанен...

ПОХОРОНЫ

В поле непогодушка. Курит поземка. Как бы ты ни шел, как бы ты ни стал, все равно в глаза бьет мокрый холодный снег. Не особенно отрадно в такую погоду хоронить даже незнаемого покойничка, а не только родного отца.

Церковь открыта. В ней стоит сосновый гроб, а в гробу лежит житель сельский Егор Дмитриевич. Давно ли было то время, когда он, низко кланяясь, встречал меня в своем доме на пасхальный молебен. Не так давно Егор Дмитриевич приходил ко мне с докладом о том, что на престольный праздник собирается он женить первенца своего. Он долго тогда сидел у меня и вспоминал далекую, милую старину. Он вспоминал то время, когда люди были так честны, правдивы и набожны. Ну, а вот теперь Егор Дмитриевич лежит во гробе так смиренно и тихо, что невольно смиряет других. А я правлю над ним службу погребальную и молюсь о том, чтобы вкусила его душа вечный покой в Царстве Христовом. Кругом гроба стоят родные Егора Дмитриевича. У всех суровые взгляды. Такие взгляды бывают, когда нужно решиться на неизбежный тяжкий крест. Все думают о чем-то великом, таинственном. Женщины льют горькие слезы.

Настал час последнего целования. Дьякон запел стихиру: „Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему”. У гроба начались рыдания и вопли. Родные крестились, клали гробу земные поклоны, целовали икону на груди у Егора Дмитриевича и потом целовали его самого. Некоторые перед тем как проститься с покойником, долго-долго глядели на него. Некоторые во время прощания разговаривали с Егором Дмитриевичем, называли его самыми ласковыми именами, призывали на себя его любовь, сказывали горечь разлуки.

Никто столько не видит человеческих слез, как священник. И они все в его сердце. Говорят, что к ним, к этим безотрадным и многим слезам, можно привыкнуть, можно равнодушно на них смот-

реть. Но священнику дано в благодати священства чувство жалости и сострадания ко всякому горю, ко всякой прискорбности человеческой. Священник по дару, данному ему от Господа, есть сострадатель. Любовь сострадательная вознесла на крест Сына Божия, и каждый верный Христу пастырь собирает: как в некую губу, все человеческие стоны, вздохи, крики о помощи, горькие слезы, собирает всю горечь, каковую ему приходится видеть в своем приходе, и все это несет к Престолу Божию. И когда он приносит жертву бескровную, то показывает Богу эту напоенную земною горечью губу и просит неизбывное милосердие Божие о жалости и сострадании. Пусть у пастыря не видно будет слез внешних, слез из очей. Пастырь всегда может и способен проливать слезы другие, слезы сердца, невидимые миру. Пастырь, который пастырствует ради спасения душ человеческих, похож на колокол, около которого звонят. При каждом стоне сердца он тоже звучит и отзывается таким же стоном. С плачущими он плачет и с радующимися он радуется, с немощными бывает как немощный.

Рыдания у гроба переходят в великие вопли. Гроб накрывают крышкой. Глухи последние удары молотка по гробовым доскам. Эти удары долго будут помнить родные сердца. После отпуста чина погребения подходит ко мне недавно женившийся сын Егора Дмитриевича и говорит: „Батюшка, надо ведь проводить папашу в последнюю дорожку”. Эта просьба обычна, и я ей не удивляюсь. „До кладбища проводить?” — больше для формальности спрашиваю я сына покойного. „Да, уж как полагается надо”, — отвечает мне просящий о проходах.

Я кутаюсь во все имеющиеся у меня одежды. Двумя платками подвязываю голову. Надеваю на руки варежки и рукавицы. Но все равно злая вьюга продувает меня всего насквозь. У ней неимоверная сила и какой-то железный холод. В поле идет горизонтальный снег. Ветер дует мне в лицо, мокрые хлопья снега жалят меня, а вьюга старается сбить с ног. Мне то и дело кладут в руки мелкие монеты и просят еще отслужить панихидку. Я опять поднимаю кадило и служу, и где-то далеко дьячок в ответ на мой возглас поет „вечную память”. Подходим к могиле. Совершаю последнюю литию. Родные, став на колени, опускают Егора Дмитриевича глубоко в землю. По гробу дробно гремят мерзлые комья земли. Вместе с нами в погребении покойника участвует и вьюга. Быстро заносит она свежий холмик над прахом усопшего. А когда женщины творят последние рыдания у свежей могилы, то и вьюга рыдает с ними, стараясь их заглушить.

В обратный путь я еду вместе с могильщиками. В ногах у нас лопаты. Меня везут на поминальный обед. Я весь замучен, хочу отдыха и тепла, хочу уйти в себя. Вдруг опять тревожат душу слова женщины, сидящей вместе с нами в санях. Она нараспев прискорбно произносит: „Первую ночку сегодня ночевать будет наш Егор Дмитриевич в сырой холодной могилке”.

Пообедать и отдохнуть мне не приходится. У хаты Егора Дмитриевича меня ожидает молодой, имеющий торжественный вид, парень.

„Ты ко мне, Афанасий?” — спрашиваю я этого парня.

„Батюшка, — отвечает он, — надо новорожденно-го поскорее окрестить. Слаб очень. Бабка говорит, что он до вечера не выживет”.

ДУМЫ В РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Из окна моей убогой кельи сегодня открываются странные картины. На улице оттепель, лужи, бурая грязь и мрачное свинцовое небо. Идут в грязных, изношенных одеждах одинокие прохожие. Играют в чижика мальчишки. На заборе сидят унылые вороны. Везде виды будничные и обыкновенные. Нигде не приметно приготовлений к наступающему завтра величайшему дню. Все будто бы позабыли, что так близко подошел к жизни нашей всемирный праздник Рождества Христова. Куда-то так быстро бегут это прохожие? Чувствуют ли их души радость от Рождества Христова? Вопиет ли в сердцах их ныне дух: „Авва, Отче”? Жаждут ли их сердца поклониться Младенцу Вифлеемскому? Ищут ли души их благодати от Господа и Спаса нашего? Я вижу, что эти прохожие — русские люди. Несомненно, что они крещены во имя Святой Троицы. Все они ходят по русской земле, по которой ходило множество святых и рабов воистинну Христовых. Все они живут на земле, собранной и хранимой Святою православной Церковью.

Как на земле, не орошаемой долгое время теплым, мирным дождем, не цветут цветы, так и теперь во многих сердцах, отдаливших себя от благодати Христовой, замер дух и нет благоухания жизни духовной. Люди стали плотию и жительствоуют только плотию. Иногда от такого сознания ужасом покры-

вается сердце. Неужели на самом деле правда и любовь Христовы не могут больше трогать душ человеческих, поднимать их от низменных похотей к небу? Неужели сердца народа нашего, народа, прославленного великим самоотвержением и беззаветною любовью к небесному отечеству, уже больше не поймут, что „нет другого имени под небом, которым надлежало бы нам спастись” (Деян. 4, 12)?

Я благословляю из окна кельи своей проходящих мимо и верую и исповедую, что не могут они не чувствовать наступления великого дня Праздника. Сердце народное томительно и напряженно ждет посещения Божия, чтобы воссиять тем неземным не вечерним светом, которым сияло оно издревле. Сердце народное чутко ожидает пророческого слова, чтобы воскреснуть. Не может быть того, чтобы сердце русское забыло Христа, похоронило бы Его в угоду своим обольстителям и жило бы только низменными животными чувствами. Как бы ни был поработан русский человек внешними обстоятельствами жизни своей, сердце его знает, сердце его видит, как ныне снисходит с небес в нашу земную жалкую юдоль милость Божия безграничная, неисследованная, всем до единого дарствующая избавление от вечной смерти. Я верю в сие. Я верю в человека, верю, что не погубить врагам Христовым образа Божия в душе человеческой.

Тягостно иногда глядеть на русского человека. Не имеет он „ниже вида, ниже доброты”. Отвернулись от него многие из тех, кто любил его. Отказались от него те, которые покровительствовали ему. Но я не хочу быть в числе поругателей его и знаю, что Христос не хочет гибели его. Я хочу иметь веру, что Господь помянет смирение его и вернет ему по-

хищенное у него сокровище. Христос за тем и на землю пришел, чтобы расточенное собрать, разбитое соединить и соделать целым, изможденное демонами оживотворить благодатию Своею. Я верую в беспредельную любовь Христову, в „любовь превосходящую разумение” (Ефес. 3, 19).

Накануне праздника Воплощения Бога Слова и Спаса мира мне хотелось бы возвестить сердцу присному по вере и родному по земле уверенность, что Христос, пришедший на землю, будет к нему милосерд. Только пусть это истрадавшееся сердце попросит у Него милосердия, попросит не языком, а той „глубиной”, о которой говорит пророк Давид: „Из глубины воззвах к Тебе Господи, Господи, услыши глас мой” (Псал. 129).

Враг борет душу не только наведением греховных искушений, но борет еще больше того наведением боязни подойти к Господу за прощением и исцелением. Грешник смущается своего прискорбного жительствова и своих душевных ран. „Такого, как я, Господь не примет и не простит”, — говорят многие согрешающие, говорят потому, что враг навел на них безнадежность и даже отчаяние. Врагу радостно отнять у человека надежду на неизбывное милосердие Христово. Врагу желанно разлучить нас с нашим Спасителем, вырвать из сердца память, что „рожденный в Вифлееме пришел взыскать и спасти погибшее” (Мф. 18, 11).

Не верь, грешник, наветам диавола, не верь сердцу своему унывающему. Подойди поближе к яслям Богомладенца, преклони перед Ним колена сердца своего и попроси исцеления у Единого, могущего уврачевать тебя. Не бойся скверны своей, — „Той недуги наши прият и болезни понесе”.

Страшно подойти с просьбой к какому-нибудь властелину земному. Кругом него стоит грозная стража. Такой властелин окружен пышной свитой и жительствоует в золоченых палатах, сравнивая с которыми свою бедность, человек приходит в страх и трепет. Вид у такого властелина гордый, надменный, и в судах своих он руководствуется лишь самолюбием и самомнением.

Теперь сравним с ним Господа твоего, Иисуса Христа, в Вифлеемском вертепе лежащего. Он так кроток, что „трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит”. Он улыбается и сочувствует беднейшим пастухам, пришедшим приветствовать Его. Свита, окружающая Его, — бессловесные, подъяремные животные. Стража у Него — Одна Пречистая Мать — Дева, всех униженных и угнетенных миром и дьяволом Первая Заступница, всех „оскорбляемых душ утешение”. И окружает Христа, пришедшего грешных спасти, такая скудная обстановка и нищета, в каковой живешь и ты.

Не медли, грешник, приступи к Нему. Не смущайся своей нечистоты. Прииди и поклонись Ему. Припади к Нему и не отходи от Него.

Его любовь, взявшая грехи всего мира, может ли не простить твоих преступлений против Него?

В НАВЕЧЕРИЕ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Нам часто не верится, что Он с нами неразлучен. Нередко мы вообще позабываем, что Им мы движемся, живем и существуем. Правда: сердца наши Его всегда ждут, и мысль наша ищет Его постоянно. „Приблизься к нам, — зовут к Нему люди, Его соз-

дания, зовут с младенчества своего. — Не разори Завета Твоего. Не разлучайся с нами”. „Заступник мой еси, почто мя забыл еси и вскую сетуя хожду, вегда оскорбляет враг” (Пс. 41, 10). Это неумолкаемые, заветные вздохи самых таинственных глубин душ наших и всего существа нашего.

Без Него только зрится бездна под ногами нашими. Без Него нет смысла даже в самом прекрасном, даже в самом любимом. Без Него очи наши всегда в испуге, в страхе и в ужасе смертельном.

С Ним тишина сердца. Ибо Он есть Начальник тишины. Когда Он с нами, то беззубы пасти зверей, хотящих растерзать нас, и не ядовиты жала аспидов и скорпионов, отравляющих нас. Когда Он с нами, то все в мире для нас имеет глубочайшее и величайшее значение. С Ним светло и спокойно в самом мрачном и жутком подземелье. Душа, зрящая Его, в самой горчайшей муке и даже во аде поет Ему Пасху красную, Пасху великую. С Ним нас не обманет самый тонкий, самый лукавый обман древнего искусителя и обманщика. С Ним мы всегда свободны, и никто не может нас заставить тогда служить и работать на разорение дела Его.

Но нам часто не верится, что Он с нами пребывает неотлучно. Нередко мы вообще не помним своей связи с Ним, ибо не Ему, а другому отдали сердце. И померкли духовные очи наши, отолстели уши, жестоким стало сердце. Заволокло душу липкой, отвратительной копотью. Устали ноги от непрерывного пути по острым камням, по колючим терниям, по топким болотам земли...

В эти дни, когда нашу родину, вместе с нами грустящую о Нем, окутали мертвенными покровами белые саваны зимы, когда нет лучей солнечных

и радостных, приходит к нам Великий день Праздника Рождества Христова. И тогда в эти дни в наши души Своею властью и силою опять приходит Он, Сам Господь Иисус Христос. И чувствуем мы опять Его всемогущество и Его беспредельную любовь к нам. Опять мы полны ясного и безусловного знания и веры. Опять трепетно бьется сердце от ощущения Его близости, от сознания, что мы, бессильные, все покрытые ранами, все истерзанные неисправимыми преткновениями, всегда будем детьми Его любимыми, которых Он не погубит, не оставит, если оставят самые близкие, не возненавидит, если возненавидят нас самые задушевные друзья наши. Он соблюдет нас, избавит, даст новую жизнь, которая будет лучше самого тихого, самого лучезарного майского утра...

В эти предпразднственные дни нам нужно иметь смирение. Нам нужно глубокое безмолвное смирение, чтобы вместе с кроткими пастухами Вифлеемскими и со смиренными восточными царями-волхвами приблизиться к яслям Его, чтобы прильнуть к Нему и поведать Ему всю боль креста жизненного, неудобноносимого, истомительного, чтобы открыть Ему все тайные болезни свои, чтобы отдать Ему все светлые слезы, чтобы сказать Ему самое главное, чем страдает душа...

Дай нам радость Твою, Младенец Предвечный, нас ради приявший зрак раба. Дай радость Твою, в беспомощности и нищете крайней Лежащий. Дай радость Твою и прииди ко мне самому последнему, но Твоему рабу. Оживи, ороси, освяти иссохшую от зноя греховного ниву души моей. Огонь, который Ты принес, возгни во мраке сердца моего. Сохрани его от хотящих потушить его. Огорченному зем-

лею и окруженному восстающим на него злом дай радость Твою. Прииди ко мне и соедини мя с Тобою на веки.

25 ДЕКАБРЯ. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

В страшное и тягостное время пришлось мне встречать праздник Рождества Христова в первый год своего пастырства. Не приходилось так священствовать отцам нашим. То было время опустошения многих душ и отпадения их от веры и любви. То было жуткое время сатанинских торжеств. То было время великого возмущения самых низменных страстей. Охладели сердца, и в храме было холоднее, чем на улице. Вода, принесенная в алтарь, быстро замерзала. Напрестольный крест пристывал к руке, взявшей его. У разбитых окон кучи снега. В лампадах пред иконами кончился елей, и они не зажигались. На клиросе петь некому. Псаломщика еще не нашли. Мало охотников на такой подвиг. Просфоры черные, ржаные с печатью нательного креста. Но радость всемирного праздника и в эти железные, кровавые годы не уходила от нас. Она заполняла все сердце.

Иконы праздника у нас нет. На аналое лежит принесенная благочестивой женщиной маленькая ветхая картинка. Я гляжу на Кротчайшего Младенца. Бога, пеленами убогими повитого и в скотские ясли положенного. И полно слез мое сердце. Эти слезы текут от великого обилия чувств. Я плачу, вспоминая ужасы земли, я плачу от глубинной радости, охватившей всю душу, ибо вижу неистощимое богатство любви Божией. Как в летний знойный день, плывут

на небе гряда за грядой высокие облака, так неизбежной чередой идут в душу радостные, таинственно-чудные переживания... Душе легко... Спаситель с нами. Господь на землю пришел, да нас на небеса возведет. Он не обманет, никогда не покинет. Мы отступим от Него, но Он во веки не отступит от нас. Не до конца прогневается, ниже во век враждует. Теперь нам одно предстоит утруждение: нелицемерно просить у Него прощения... И разве это трудно: у безмерной Милости и Любви испросить прощения? Глядишь на Него беспомощного; в вертепе лежащего, и сердце стучит. Нет, — Он не покинет, как бы грешен я ни был. Он простит все и даст, непременно даст тишину сердца...

Горят копеечные свечки пред заветным образом. Медленно движется время святой рождественской ночи. На небе все так же, как и древле, бесчисленные купы звезд безмолвно учат людей величайшей мудрости. Трескуч мороз, но он бессилен препятствовать нашей горячей молитве... Я стою у престола, и всего меня пронизывает холод, а в душе обрадование неизреченное. В эти часы я особенно чувствую всю Церковь Христову и дальнюю и близкую, и видимую и невидимую, и нижнюю и вышнюю. В эту ночь я особенно ощущаю, что нахожусь в корабле Иисусовом, что я под Его защитой, что я не потерплю крушения, как бы ни была грозна буря. В эту ночь велика радость моя от сознания, что я служу только Ему и никому другому, что я не давал обязательств служить кому-нибудь, кроме Его.

Пусть мороз и другие внешние невзгоды тяготеют над жизнью моей. От сознания, что я служу только Ему Единому, в невозмутимом покое сердце и в радостном мирствовании пребывает дух мой.

25 ДЕКАБРЯ. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

Под самый праздник завьюжило. Всю ночь и весь день сочельника свирепел над селом буран. И когда настало нам время идти в церковь к праздничному богослужению, мы вязли в глубоких сугробах. Сугробы были выше деревенских избушек. Преодолев их, мы отворили двери храма и почувствовали, что пришли к великому, многодаровитому и любвеобильному Господину. Храм был убран, вымыт и украшен. Руки сельских женщин, неизвестных преданных церкви мирноносцев, украсили узорными полотенцами все иконы. У иконостаса висели гирлянды из зеленой хвои. Уже горела люстра, торжественно сияя разноцветными лампадами. Уже у церковного ящика собралась толпа, требующая свечей и каких-то объяснений.

В невозмутимой благоговеющей тишине я сказал: „Благословен Бог наш...“, и полный клирос певчих дружно и одушевленно пропел: „Аминь“. Певчих сегодня бесчисленное множество. На клиросе стоят женщины в праздничных поддевках и шальях, мужики с масляными головами и целый полк всякого возраста ребят. Доморощенный регент взмахнул повелительно-важно рукой своей, и все собравшиеся на клирос особенно внимательно с чрезвычайным старанием громко запели: „С нами Бог“.

Все больше и больше разгорается пламя свечей перед аналоем у иконы праздника. Все больше глубоких вздохов слышу я. Все теснее становится в храме от непрерывно входящих в него людей, пришедших поклониться Христову Рождеству. И когда я говорю слова Евангелия „Роди Сына Своего первенца и нарече имя Ему Иисус“, то в ответ на эти

слова слышу дуновение живой веры множества пасомых моих. Чувствую, что у всех дрожат сердца. Чувствую, как сердце сердцу сказывает любовь свою к Иисусу, Родившемуся в Вифлееме Иудейском. Сердце сердцу сказывает, что невозможно ему отлучиться от Христа.

Мы уже знали тогда, что приходят дни и времена, когда предстоит нам от врагов Его принять испытание вере своей. Может быть, мы поколеблемся и упадем тогда. Может быть, нам предстоят соблазны. Может быть, мы, страха ради, примем вид не знающих Его. Но то будет только вид. Этой Рождественской ночи сердце никогда не забудет. Может ли оно забыть Того, Кому посвятило самые величайшие и драгоценные чувства свои. Может ли сердце забыть Того, Кто неизменно, неразлучно пребывает в нем и дает никогда не умирающую радость?

6 ЯНВАРЯ. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Опять ночь, — долгая, студеная, тихая. Опять мы в милом, родном храме, приготовленном для светлой праздничной радости. Этой ночью благодать Святого Духа нисходит на все источники водные и на все души, жаждущие воды живой. Входишь этой ночью в храм и чувствуешь, что он таит радостную, добрую тайну, которую хочет открыть всем молящимся. Поэтому на сердце утешительно-тепло, светло и покойно.

Во втором часу ночи в храме начинается великое повечерие, и я с благоухающим кадилом хожу вокруг стен церковных. С кувшинами, с чайниками входят верные в храм, истово крестятся и усердно

во все стороны кланяются. Сегодня в храме можно будет видеть тех людей, которых не видишь здесь целый год. Дорожат святой водой люди русские. Берегут ее, как зеницу ока, и чтут ее даже те, которых привыкли мы считать далекими от церкви. Даже те, которых мы признавали отпавшими от духовного единства с нами, стоят сегодня в храме, смиренно опустив головы, и держат в руках кувшины.

„Глубины открыл есть дно”, – задумчиво печально поет псаломщик. И будит сердца его одинокий, спокойный голос... На улице холодно. Там дуют пронизывающие все насквозь ветры. В непролазных снегах лежит наша деревушка. А народ со всех сторон собирается к храму, течет сюда на слабый, неровный звон колокола. Идет сюда ныне народ, невзирая на сугробы и стужу, ибо ныне глубин сердечных дно открывает Господь...

В тишине молитвенной совсем негромко поет на клиросе псаломщик, – „Иисус живота Начальник”... Не богата наша церковь. Нет у нас того, что называют благолепием. Нет у нас и богатых благотворителей и украсителей церковных. Тоненькие копеечные свечечки выстроили перед иконами ряды свои, да и то жидковато. Везде в нашем храме выглядывает бедность и скудость. Везде суровое напоминание о недостатках... Но души здесь утешены. Мы твердо и ясно знаем, что Иисус живота нашего Начальник. И вот мы ныне пришли к Нему, знобясь от холода, стыдясь убожества своего, за великою Его милостью. И твердо знаем мы, что Он ее дарует нам...

Незамедлившись, отошла литургия, и потянулись руки мужицкие к хоругвям. И вот что удивительно: нести хоругви в крестном ходу на „Иордань” больше других желают те, которых на деревне зовут „от-

петыми". Они, может быть, смеялись когда-нибудь над верою других, может быть, проезжому безбожному агитатору сочувствие высказывали, но правда жизни для такого человека, как была, так и будет только здесь, в церкви. И вот „отпетый" раздвигает плечами других, чтобы взять в руки свои хоругвь и понести ее торжественно на „Иордань". Пусть люди и Бог будут свидетелями его веры. И когда такой человек держит в руках знамя церковное, то держит крепко, не моргнув, не переминаясь с ноги на ногу. Как часто бывают ошибочны наши мнения о неверии некоторых.

Неподалеку от храма, на большом пруду, кругом которого стоят старые, в густом инее ветлы, мы совершаем чин великого водоосвящения. Настают таинственные священные минуты. Восходит, облитое малиновым заревом, солнце. Крепчает мороз. С зажженными свечами, без шапок, идет вслед за мною из церкви большая толпа. Чьи-то безвестные добрые руки украсили „Иордань". Над прорубью, куда я буду опускать крест, стоит воздвигнутый из льда высокий крест. Около него воткнуты в снег зеленые елочки. После на деревне много будет разговоров о том, какой крест поставили на „Иордани" и почему он был светлорозовый.

Дрожащим от необыкновенного волнения голосом я запеваю: „Во Иордане крещающуся Тебе Господи" и погружаю в ледяные струи на престольный крест. Руки мои сразу немеют от жуткого холода воды. Но почему-то этой боли я очень рад. В душе моей царят блаженство и отрада.

Освятилось вод естество. Загремели чайники, кувшины и кружки. Все хлынули за святой водой. О, как нужна она. Как необходимо, неотложно нуж-

на она в скорбях и болезнях, от которых никто из людей не может вызволить. Я гляжу на суетящийся около „Иордани” люд Божий и плачу от зренья великой веры.

ПРИЧАЩЕНИЕ БОЛЬНОЙ

Как царица в ослепительных и драгоценных одеждах, так это зимнее небо. Никогда не видно было столько звезд. И чем больше глядишь на небо, тем больше видишь их и больших и совсем крошечных. Украсилось небо, украсилась и земля. На земле лежит чистейшая серебряная мантия. И тоже, вся она ослепительно сверкает бесценными драгоценностями. Сияет алмазами снег, бриллиантами сверкают звезды. И не знаешь, где больше любо очам. Не знаешь, куда больше смотреть: на небо или на землю. В поздний полночный час я стою у маленького окошечка моей хижины. Все давно спят, а меня влекут к себе эти откровения Божьего мира.

Слышу, как резко скрипят по сухому снегу сани. Застучали в дверь моей избушки. Это, вероятно, приехали просить меня напутствовать какого-нибудь умирающего жителя сельского. Так и есть. На выселках, в пяти верстах от нас, тяжело мучается родами молодая бедная женщина. Ко мне приехал ее муж и просит сподобить жену свою Святых Христовых Таин. Через десять минут я уже сажу в сани, которые бегут по снежным сугробам. Придавленный горем своим, мужичок молча усердно погоняет лошадку.

В полудремоте я мечтаю. Вижу я себя в соборе большого губернского города. Там идет чинная ар-

хиерейская служба. И я участвую в ней, облаченный в дорогое парчовое облачение. Дивно поет архиерейский хор Херувимскую песнь. Кругом меня много нарядных городских людей. После службы я пойду к некоторым из них, и меня встретит искреннее радушие хозяев, умные разговоры в теплых уютных комнатах. Я явственно слышу, как тихо поют архиерейские певчие „Херувимскую”. И потом сразу мне делается холодно и больно. На одном ухабе сани раскатились, и я вывалился из них в снег. Когда стряхнулся, то почувствовал резкий холод. Особо теплой одежки тогда не было у меня.

Подъехали к выселкам. Там только в одной хате светился огонек. В низкой закоптелой избушке лежала и громко стонала больная. Я подошел к ней и благословил ее. „Помираю, батюшка”, — простонала она. „Крепко веруй, что Господь любит тебя, — сказал я ей в ответ, — как можешь, усердно молись и верь в свою молитву, верь, что Господь слышит тебя. Скажи Господу от всего сердца: не оставь без милости просьбы моей, даруй мне жизнь, чтобы я могла творить добро и быть утешением для семьи моей”. Глаза у больной светлели. Она сама мне произнесла простую и чистосердечную исповедь грехов своих. Когда она приступила ко причащению, — ее приподняли и в глазах ее отображались не горе и мука, а радость. После причащения я ее еще благословил, еще убеждал надеждой на веру и молитву и потом ушел в другую избу дожидаться обратной подводы. Муж больной не хотел отлучаться от нее и довести меня до села поручил соседу. Пока сосед готовил лошадь, я беседовал с местным „астрономом” — Костиком. Костика „астрономом” прозвали не потому, что он наблюдал звезды, но ввиду его по-

стоянного, непреодолимого желания задавать собеседникам разные премудрые вопросы. Через несколько минут в избу вошла пожилая женщина и, низко мне кланяясь, объявила, что Авдотье по милости Божией полегчало и что она родила мальчика.

Вскоре мы поехали. Я восседал на большой вязанке соломы, которую возница мой положил в сани-розвальни. С нами увязался и Костик. Взошла луна и ярко осветила нам дорогу. Далекие и близкие снежные просторы были облиты ее голубым сиянием.

Костик опять начал разговор. „Вот, батюшка, например, — громко, среди пустынного поля, раздался его тоненький голос, — я никак понять не могу, почему это все люди страдают? Ведь Бог, например, милостивый и человеколюбивый, почему же Он не освободит нас человек от страданий? Вот, например, сказать, жена Прохора Спиридоныча, какую Вы причастили. Чем она, бедняжка, виновата? А чем виноваты дети Прохора Спиридоныча, если бы они без матери остались? Ведь тут так сказать, например, какое-то несоответствие”.

„Костик, — сказал я, — а как ты думаешь, что Господь Бог умнее тебя или нет?” — „Ну это, например, батюшка, ты говоришь какое-то несоответствие, — ответил мне Костик. — Разве я умнее Создателя своего? Этого у меня, например, и в мыслях никогда не было, чтобы умнее Его себя считать”. — „А может быть, Костик, что люди умнее Бога?” — опять спросил я своего собеседника. — „Нет, это несоответствие, батюшка, так думать: может ли, например, быть кто умнее Бога? Ведь и в Писании сказано: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну”, — сказал Костик. — „Ну, вот ви-

дишь, — продолжал я свою речь к „астроному”, — как ты неправ. Ты считаешь себя и всех людей по разуму стоящих несравненно ниже Бога, а в то же время хочешь советовать Богу, как Ему с нами поступить. Понимаешь ли ты, как ты такую своею дерзостью оскорбляешь Его?” — „Да, это загвоздка. Теперь я понял, например, батюшка, все свое несоответствие, — еще громче на все пустынное поле произнес Костик. — Теперь, можно сказать, ты, батюшка, разрешил мне самую большую муку. Я теперь понимаю так, что все, например, несоответствие находится в моей голове. Иваныч! Задержи лошадку, я, например, спрыгну”. — „Куда же ты, Костик, хочешь спрыгнуть?” — спросил я. — „Пойду, например, обратно домой, — ответил он, — я ведь сел на сани, батюшка, только для того, чтобы побеседовать с вами вот, например, об этой самой загвоздке, о страданиях человеческих. А теперь все понятно. До свиданья”.

И когда я возвратился в свою хижину, все еще стояла ночь. И звезды на небе как будто бы горели еще ярче. По возвращении, продрогши насквозь от холода, я долго не мог заснуть. И в моем сознании, в полудремоте, переплетались картины моего ночного путешествия и богослужения в большом губернском городе. Опять слышно мне стало, как архиерейские певчие медленно, торжественно пели Херувимскую песнь.

16 ЯНВАРЯ. ПОКЛОНЕНИЕ ВЕРИГАМ СВ. АПОСТОЛА ПЕТРА

В январе небеса голубеют. Я вижу, как между вершинами хмурых седых деревьев, сквозь покрытую снегом хвою сияет лазурность небес. Это — самая первая весть о грядущей весне. Она приносит память о днях, которые отражали голубизну небесную и возвещали радость.

Опять сияют небеса чистою, светлою бирюзою, и снова живет душа зарницами надежд. Она чувствует, что в этой голубой бездонной вышине отверсты ей врата к вечности, где „празднующих глас непрестанный“.

Давно это было. В этот самый день поклонения веригам апостола Петра, после четырехлетней ссылки, я приехал в старый и когда-то славный русский город. Я приехал из сибирских таежных мест. Там душа моя перенесла много томительной горечи. А в этот приснопамятный день вновь заголубела жизнь моя. Опять я вижу отца пути моего ко Христу. Опять вхожу в православный храм, в общество единокорных, единосущных. В потертом овчинном полушубке, с дорожной котомкой за плечами, я прислонился к стене церковной около церковного ящика. На клиросе в то время монахини пели задумчиво-печальное „Милость мира“. Шла литургия. Певчие пели медленно, задушевно, и я ощущал, как входил в душу мою тот утраченный мир, который не обретается от земных радостей. И тогда так же в церковных окнах голубели небеса. И тогда опять приходили ко мне завистливые обольстительные мечты об утешительных днях.

Но недолго, совсем недолго был я тогда вместе с дорогим отцом моим и мало мне пришлось слушать

мирное пение. Опять путь мой земной прошел через темницы, этапы и принудительные дороги даже до дальнего Востока. Опять настали дни, которые прожигались только терпением. И затем жизнь моя вошла в колею бесприютности и одинокого странничества. Пришлось много и долго бегать и скрываться от неустанных преследований. Вот уже не год и не два несу я этот мучительный крест. Недавно ловящие меня, напав на след мой, взяли все духовные труды мои, над которыми я долго трудился, и пленили лучшего друга моего. Теперь еще тревожнее стали дни мои, и часто думается, что на земле уже нет места для меня...

Вот снова голубеют небеса и снова льются на бедную измученную душу лучи надежды. Но теперь я уже не мечтаю об устройстве на этом свете. И приходящим думам о земном счастье теперь я только снисходительно улыбаюсь. Теперь в лучах светлеющих небес я вижу иные упования. То надежды на успокоение там, где во веки пребывает нетленная жизнь, где царствует лишь одна правда Христова, где радость никогда не омрачается и Свет Его никогда не заходит...

Туда, туда покажи дорогу утлому челноку моему, золотая небесная голубень. Озари туда мой путь, дабы не было в нем преткновенности и уныния. Дай уверенность и несомненность, что приведет он меня к Царству Отца и Сына и Святого Духа...

20 ЯНВАРЯ. НАКАНУНЕ ПАМЯТИ ВСЕЛЕНСКИХ СВЯТИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ

В своей убогой келье отслужил всенощную. потушил лампы. Оставил только одну перед ликами воспоминаемых завтра вселенских учителей и святителей...

Окна моего затвора мороз украсил премудрыми узорами. Только одно стеклышко не замерзло. Через него открыто мне видение Божьего мира. За окном светлая лунная ночь. Луна сияет ярко, но свет она льет на землю не обыденный, не такой, к какому привыкли люди. В этом сиянии все теряет свою пошлость, чувственную грубость и внешнюю осязаемость. Когда смотришь на этот свет, то душа уходит глубоко внутрь себя. Как жители иного мира, стоят кругом нашего дома облитые лунным светом ели и сосны. Стоят они торжественно и тихо, как стоят люди перед своим большим начальством. Их темно-зеленые ветви убраны белой фатой с алмазами. И вся картина, обозреваемая мною сквозь маленькое стеклышко в окне, кажется похожею на большой храм в канун великого праздника. Тогда он дожидается пришествия к нему множества богомольцев. Поэтому в нем такая напряженность тишины... Все притаилось, примолкло, замкнулось в себе. Никакого шелеста, ни единого вздоха. Дивно и странно очам. Можно ли думать теперь о попечениях земных, когда в душу твою льется это откровение иного, не сравнимого со здешним, мира.

От окна взор мой невольно приближается к образу вселенских святителей. Я внимательно смотрю на лики их, на их архиерейские одежды и сквозь видимое вижу невидимое. Я чувствую, как святители

Божии источают от образа своего на мою бедную душу тот свет, который так ей желанен.

„Прошла веков завистливая даль”, но слава сих путеводителей не меркнет. Они доселе и на все времена неложные наставники к Свету истинному Святой Единосущной Животворящей и Нераздельной Троицы. Сколько было в истории человечества „гениев”, „благодетелей”, „всемирных спасителей”, „великих мудрецов”, но память о них прошла, как проходит мимолетный весенний дождь, оставляющий после себя землю такую же сухой, какой она была прежде. И кому придет в голову просить у этих „благодетелей” себе помощи теперь? Кто будет руководиться их „мудростью”? А святители Божии, память которых ныне чтит Церковь Христова, с иконы глядят прямо в сердце. И так же смотрели они на сердца наших отцов, и отцов отец наших. И сколько они преобразовали, изменили, сотворили в послушание Христу!

Я опять стою у окна и озаренный тем светом, который принесли в душу вселенские святители, вижу больше, чем открыто моему внешнему взору. В этой ночной тишине я вижу тот нетленный мир, который насаждали в сердца христианские вселенские учителя Василий, Григорий и Иоанн. Я радуюсь, что чувствую тот мир, его несказанную, великую глубину и смысл. Я радуюсь и забываю тогда все свои земные невзгоды. Я думаю только о красоте и правде того мира.

Смотрю в маленькое стеклышко на один мир и чувствую другой. И сознаю, что и душа моя имеет два мира. Один виден для всех. Он непригляден, невзрачен и так жалок теперь. Он дал мне только узы и скорби. Он окружил меня жуткими страхами,

постоянными тревогами и томительным одиночеством. Он все время смеется надо мною злым своим смехом. Он постоянно вызывает у меня слезы и горечь. Но у меня есть еще другое, заветное и никому не видимое. В глубине моего сердца струятся лучи непонятой миру видимому тихой, невозмутимой утешительности. Внутри у меня рождаются великие неразрушимые надежды. В моей убогой земной жизни я живу тем иным, нездешним миром, сокрытым тайно в душе моей. И вот здесь на аналое лики путешественников моих зовут к тому сокровенному миру. Зовут тихо, таинственно, настойчиво...

2 ФЕВРАЛЯ. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ

В каждом церковном празднике своя глубочайшая, неизъяснимая духовная красота; в каждом празднике сокрыта великая мудрость матери Церкви. Душа христианская здесь на земле всегда в ожидании праздника. Проводили люди церковные один любимый праздничек и видят, как уж другой приближается к ним. И так ведет нас святая Церковь по пропитанной горем и слезами земле от одного небесного утешения к другому. И каждый праздник церковный облегчает нашу трудную земную ношу, утешает муки и сомнения, дает благодатные силы. Каждый праздник угощает нас богатую трапезу от любви Божией, каждый — проповедует победу над мрачными тучами зла...

Ныне празднуем праздник Сретения Господня. Ныне видим Младенца Иисуса, Господа нашего, на руках у праведного старца Симеона в храме Иерусалимском. Кроток и беспомощен вид Богомладенца. Весь исполнен божественного огня веры и упова-

ния старец Симеон. Весь свой взор душевный он устремил на Того, Кого держат его руки. Проникновенны угасающие старческие очи. Они хотят навеки вложить в сердце образ Предвечного. Пламенные, вечны пророческие слова старца. В безмолвном благоговении слушают Богоприимца Симеона — Пречистая Дева-Матерь, Иосиф праведный и пророчица Анна. Других свидетелей мы не видим при этом чудном событии. Но пройдут времена, пройдут народы, и повсюду во всем мире в сердцах человеческих будет звучать этот бессмертный гимн истинной радости и истинной свободы.

Страха ради сегодня служил порану Божественную Литургию. Запели запричастный стих, а потом вот эти так волнующие душу, так ожидаемые припевы к девятой песне канона. Я приступил к престолу, чтобы принять Страшные, Животворящие Христовы Тайны. Посмотрел еще раз на изображение праздника. С клироса было слышно: „Не старец Мене держит, но Аз держу его, той бо от Мене отпущения просит”. И мгновенно пронзило сознание мое одна мысль. И вострепетал я тогда всем существом своим. Слезы оросили лицо мое. Ведь я тоже, вот теперь, держу Его на руках своих. Не погнушался Он смердящего грехами. Он, Его же Ангели зрети не могут, — лежит на ладони моей. Тогда страх и трепет объял меня. И тогда приблизилось к душе моей чувство познания вечности. Для этой вечности Он создал меня и теперь для вечности держит меня, хочет, чтобы я был наследником ее.

И тогда увидел я все дела свои земные жалкими, ничтожными, неправыми, обманными. И тогда только мне возжелалось единой вечности и только для нее жить восхотелось. О, продлитесь эти блаженные

минуты, в них мне дано видеть все призвание свое, всю душу свою. Буди благословен сей праздник, и пусть он у многих оторвет сердце от земного пристрастия и даст вкусить покоя нетленного. Ведь всех до единого держит на земле Господь Вседержитель для того, дабы все вкусили от Источника бессмертия.

День праздника Сретения Господня обвеваает души наши чувствами того вечно непереложного мира, к которому мы призваны. Зовет нас туда Богомладенец, на руках старческих носимый. Идет туда старец Богоприимец. Полна чувств и дум небесных Мать Божия, опять от старца взявшая Сына Своего на руки Свои.

Во дни предвесенние бывает праздник Сретения Господня. Ясность небес, лужи на дорогах, ледяные сосульки над окнами, теплые вьюги, — все это говорит, что скоро, очень скоро будет иная жизнь: вся в цветах, вся в шумной радости. Эти кроткие жемчужные и лимонные зори, какими цветут предвесенние небеса, эти чуткие к каждому шороху хрустальные вечера, эти нежные дуновения теплых ветерков-благовестников напоминают сердцу что-то всеобъемлющее душу.

Нет. Это не земные предчувствия и не о земле они говорят. Чувствуя видимое, душа воздыхает о невидимом. Душа чувствует приближение новой жизни, жизни, которой не будет конца, жизни, в которой не будет скорби и воздыхания, жизни вместе с Ним. Душе провозвещается иного вечного бытия начало. Для этого бытия она создана Господом.

Моя душа полна такими чувствами, когда я пред иконой Праздника пою величание: „Величаем, величаем Тя, Живодавче Христе...” Как близко днесь

приступаешь Ты к душам нашим. Как вожделенно нам днесь Твое Царство. Как сердцу не нужна теперь земля. Как все в этом призрачном мире возвещает о Тебе, призывает к Тебе...

ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ

„Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром”. „Я увидел Тебя, Господи. Уверился в Твоем спасении и ухожу отсюда, благословенный Тобою. Из этой жизни Ты меня отпускаешь с миром”. Так сказал Господу своему праведный Симеон в один из последних дней, проведенных им здесь на земле. В невозмутимом спокойствии он произнес эти слова и с претихим миром ушел туда, где у любящих Бога непрестанная радость.

У нас тоже будут, непременно будут, предпоследние и затем последние дни. Последние дни жизни здешней. Последние дни со здешними рощами и реками, полями и цветами. Последние дни последних бесед и встреч. Последние приветы и знакомства. Последние невзгоды. Последний раз будет нам светить и греть солнце. В последний раз улыбнутся нам близкие. Неминуемые, неизбежные дни.

Мы долго ходили по белому свету. Мы наполнили свое сердце усталостью. Мы тщательно искали себе покоя и не нашли его. Мы мучительно созидали себе на земле место приюта и отдыха. И когда мы думали, что нашли желаемое, то получали разочарование и еще большее беспокойство. Нас часто обманывал враг. Очень часто он привлекал нас к себе. Часто ослеплял очи наши обманной блеск лукавого мира. Приманки врага нам казались нашим счастьем. Мы

приближались к ним и получали душевные раны. В чем мы хотели принять утешение, в том находили горечь и отраву. На жизненном пути своем мы мнили себя сильными, способными на великие подвиги, но каждый день приносил нам убеждение в нашем совершенном бессилии, беспомощности и самой крайней нашей болезненности. И так с сердцем, полным тревог и мятежных терзаний, дошли мы до последней грани жизни.

Всегда это бывает внезапно, неожиданно. Тихо на деревьях шуршат сухие редкие листья. Непрестанно идет трепетный и молчаливый осенний листопад. И быстрее, чем казалось, доходит очередь до последнего листа. И вот он задрожит, оторвется и, медленно кружась, упадет на землю. Так же упадет в реку вечности нежданный наш последний день здесь. Какими будут его заря утренняя и заря вечерняя? Узнаем ли мы его? Что мы будем тогда думать о нашем счастье и отраде? Какие откровения будет иметь тогда душа? С какими настроениями и переживаниями она уйдет в те далекие, неведомые страны? Будет ли она содрогаться и изумляться от ясного предчувствия иных, незримых прежде видений? Или же покроет ее безнадежность и неутолимая печаль от невозможности постичь тайну непреложного, прекрасного, желанного нового мира.

О, Христе, всех Царю! В Твоей державной руке тогда будет наш суд и участь, мука и покой. Ты удержал праведного Симеона-старца в этой юдоли до тех пор, пока он не воспринял Тебя на руки свои. В этот неминуемый, страшный, таинственный последний день не закрывай очи мои до тех пор, пока и я не увижу Тебя, пока не приму радости от зренья Твоей неизреченной красоты, пока не осяжу Твоей

милости и любви. Удержи меня, пока я не смирюсь перед Тобой.

О, благословенный старец Симеон. Уста мои еще не произнесли молитвы, чтобы принять мир Христов. Они не могут произнести такой молитвы. Они осквернены. Тогда в тот последний день произнеси ты над моими хладеющими чувствами те слова: „Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром”. Сотвори тогда свою вдохновенную молитву обо мне и дай мне в тот час того мира, который наполнил и преисполнил душу твою в твой здешний последний день. Аминь.

5 ФЕВРАЛЯ. ВЗЫСКАНИЕ ПОГИБШИХ

Поздний вечер. В низенькой хате моей темно. На столе горит коптилка, но свет ее так скуден, что быстро утомляет мои глаза при чтении. И когда больше читать нет возможности, я уйду в угол, где полный мрак. Там сижу и предаюсь своим думам.

Сегодня уехал из нашего села в Москву на постоянную работу милый мальчик Егорушка. За тихий, кроткий нрав и любовь к Церкви я его особенно ценил. В храме его можно было видеть постоянно. Он прислуживал мне в алтаре и так любил сей свой труд, что не пропускал даже будничных богослужений. Я удивлялся тому благоговению, с которым он шел впереди меня со свечою на великом входе. За этот трепет души его пред Богом он был избран мною из среды других. Что же теперь там, в Москве, станет с ним? И вот уже на моих глазах не один Егорушка ушел туда, чтобы не возвращаться более в родную деревню. Что такие ушедшие обретут

в столице? Тетка, воспитавшая Егорушку, говорит везде: „не погибать же такому парню в серой деревне”. Эти тетушкины слова дали мне глубокую думу...

И невольно мысленный взор мой бежит вслед за ушедшими из деревни, близкими сердцу моему душами... И вот я в Москве... На нее только что спустился зимний с мягким морозом вечер. С неба медленно падают невесомые снежинки. На стогнах московских — везде люди. Одни куда-то спешат, другие с достоинством гуляют, иные важно ведут между собою беседы, показывая свой непререкаемый авторитет. Везде яркий электрический свет. В его лучах падает снег, шествуют люди, бегут автомобили. Сквозь освещенные окна видны уютные, изящные жилища. Везде удобства. Предусмотрены все нужды человеческого тела... В это время к театрам подходят и подъезжают внушительного вида жители столицы. Как важны люди в своих модных нарядах. Как величественно на головах сидят шляпы. Как элегантно держатся в руках трости и сумочки. Сколько внимания и мысли отдается прическам.

Есть еще другая Москва. Там адский скрежет фабричных машин и станков. Там ожесточенная погоня за рублем. Там, забыв родные поля и дубравы, в отравленном воздухе трудятся бывшие деревенские жители. Город протягивает к ним щупальца своих разнообразных обольщений. Он предлагает этим пришельцам за счастьем множество дешевеньких и поганеньких удовольствий. Город внушает им, что смысл жизни — „выйти в люди”. А люди, это те, которые снуют по улицам московским в богатых автомобилях, это те, которые в красивых нарядах толпятся у театров, это те, которые повелевают

другими. И доверчивое сердце пришельца деревенского прельщается...

Думы мои опять возвращаются к родному селу, занесенному курганами снега. Старые соломенные крыши избушек. Дрожащие голые макушки ветел. Водовозки под окнами. И над всем селом, как несусыпный страж, белая ветхая колокольня. За колокольней притаилась маленькая низенькая церковка. Наступили сумерки, но еще не окончились. Не огустела еще тьма. Около храма виднеются люди, а в самом храме мелькают маленькие огоньки. То огоньки веры. Сейчас в храме идет вечернее богослужение, и те маленькие огоньки зажгли молящиеся от веры своей. Войдите, непременно войдите в этот убогий храм. В таком сельском смиренном храме в юности своей я приобрел веру и другие сокровища некрадомые. Войдите в сей вечерний час в наш бедный мирный храм, и, может быть, вы найдете здесь то, что ищете так давно и настойчиво.

В неясном, тайном свете немногих лампад не видно предстоящих Богу. Их очень мало, и на клиросе поет „вечернюю песнь и словесную службу” только один псаломщик. Поет он тихо, разбитым голосом, а сердце здесь чувствует покой свой и неслышно ликует, вкушая мир, сходящий от лица Божия.

Из храма вы вернитесь опять на папёрть. Вон там, у стен полуразрушенной кирпичной ограды, где медленно качаются тесно сплетшиеся акации, спят вечным сном бывшие близкими нам люди. Везде кругом пустыньность, безмолвие и жгучая сиротливость. В белом безжизненном поле гудит и куда-то рвется холодный ветер. Как горька сердцу его музыка. „Все здесь на земле я завьюжу, — поет ветер, — все развею, все унесу в бесконечную темную даль”.

А в церкви тепло и светло душе, продрогшей от земного холода. В неприметной миру сельской церкви видна молящимся лестница на небо. И как бы презираема миром ни была наша церковь, но в ней вместе с нами молится вся Церковь Небесная, молятся сонмы мучеников, лики преподобных. Мы молимся, и молитва здесь рождает молитву.

Не обманет, не прельстит, не привлечет к себе душу, здесь крепко прилепившуюся к Богу, „шум празднующих“, тризна улаждающихся земными утешениями, та мишура, в которую облекли свою жизнь проживающие в столицах и дворцах. Все прошумит и пройдет. Как „сон, как утренний туман“, пройдет вся гордость человеческая. Останется только скорбная и нищая, обнаженная от всех земных нарядов и маскарадов душа. И в этой душе останется нынешняя наша „вечерняя песнь и словесная служба“...

НЕДЕЛЯ О МЫТАРЕ И ФАРИСЕЕ

Раскрыли книгу „Триоди постной“. Посреди храма запели „Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче“. Напев старинный, с детства известный. Знаю я, что певцы мои готовились долго к этому дню, и теперь на лицах их видно сознание какой-то особенной ответственности. Знаю я, что слушать пение „Покаяния отверзи ми двери“ давно хотели и готовились многие из богомольцев. Поэтому в церкви сегодня оживление от необычного прилива рабов Божиих.

Да и не только послушать пение пришли ныне православные люди, но и поплакать. И слезы, пролитые ныне, будут слезами великой светлости и уте-

шительной надежды. Какая милость бесценная дарована Богом всем до единого. Каждому грешнику отверзлись двери покаяния. Не люди умоляют о пощаде, а Сам Господь, по беспредельной любви Своей, простирает руки к согрешающим и научает их покаяться. Ныне ясно видно, как любовь Божия бесконечно жалеет и объемлет всех согрешивших.

Запоют „Покаяния отверзи ми двери”, и слышит душа, как подуло на нее волнующим весенним теплом. Как будто бы в это время выставили в окна зимние рамы и в ушах и в сердцах звенят таинственно-радостные звуки весны. „Бе мертв и оживе”. Как весна воскрешает мертвую, оледеневшую природу и дарует ей новую жизнь, так Господь живу творит ныне душу, уснувшую сном мертвеца.

Как утешительно нам молиться сегодня. „Утре-нюет бо дух мой ко храму святому Твоему”. Как благодарить Того, Кто дал нам возможность так выразить свои самые глубокие, задушевные чувства. Некоторые говорят: „Вот мы молились, и Бог не помог, не услышал нашей молитвы”. Пусть эти люди хоть сегодня поймут, что самое сладчайшее утешение бывает молящемуся тогда, когда он молится. Истинно молящемуся Бог дает Свою великую и богатую милость тут же, во время молитвы. Какой из даров Божиих выше дара искренней молитвы? Кто притекаяй к ней, не утешен бывает? Чьи печальные слезы она не претворила в слезы чистой радости?

Слышите, как Церковь наставляет нас молиться ныне: „но надеясь на милость благоутробия Твоего, яко Давид вопию Ти”. Принес Давид Господу молитву от всего смирения сердца и приял его Господь в сонм избранных Своих. И мы будем в покаянной

молитве подражать сему Давиду и будем иметь надежду, что омыет нас благодать Божия и паче снега убелимся.

Весна сердец наших приближается к нам. Разве это не знамение Его милости, что слышны ныне сердцу ароматы чистой нетленной жизни? Сам Господь дает ныне бедствующему от грехов своих человеку уверение, что „жива будет душа его и судьбы Его помогут ей”.

Так отворим же все наши внутренние окна и двери этим дивным благовониям весны духовной. Благоухайте, благоухайте над печальными душами нашими небесные ароматы святых постов. Обогрейте у христиан добрые ростки души, ростки жажды духовной, ростки страха пред Богом и любви к Нему. Обновите жизнь нашу, по вере нашей дайте силу нам жить. Разгоните смрад, мрак, уныние и злые ветры дней наших. Да зацветут нам цветы небесные. Да исцелимся мы Божественною благодатию от страстей наших. Внутри сердца да будет тишина великая. В помиловании Божиим, да возвратятся к нам те времена, когда были так крепки, чисты и огненны вера и любовь...

НЕДЕЛЯ СЫРОПУСТНАЯ

Прощеный день. Последний день широкой масленицы. На горе, там, где высохли от весеннего солнца лужайки, сошлось много гуляющего народа из нашего села. Стоят нарядные веселые люди, пиликают на гармониках, прощаются со своими сужеными. Но все это последнее веселье бывает до урочного часа.

Когда солнышко склонится к западу своему, ударит церковный колокол, и сразу опустеет гора. Ни одной души не останется на ней. В то время страх Божий был в каждой душе христианской. В то время люди стыдились друг друга и боялись Бога.

А церковь в это время переполнялась желающими помолиться, получить благословение на постное время и по стародавнему обычаю проститься со всеми. Посреди церкви поставлен Крест. Распятый на нем Спаситель наш виден всем, входящим в храм. Пред Крестом спокойно светится, не мерцая, голубая лампада. Из алтаря мне видно, как у этого Креста смиряется молодой веселый люд. Стоят пред Крестом и малые дети. В этот день их много бывает в церкви. Порядок у нас существовал такой: стояли на горе, слушали гармонику, и когда зазвонил колокол, то прямо с горы нужно было идти в церковь. Пришли туда, приложились ко Кресту Господню, и стали другими. Пришли ко Господу и привели к Нему всех детей своих. Простые люди, а сумели подчинить мир и всякую мирскую утеху вере своей.

В этот день после вечерни у нас читается акафист Страстям Христовым. И маленькие дети согласно поют: „Иисусе, Сыне Божий, помяни нас, егда приидеши во Царствии Твоем”. Меня трогает искренность их голосов. Я молюсь вместе с ними и думаю: „Пройдут годы. Протечет длинный ряд лет. Эти крошки-дети станут большими людьми, будут иметь таких же детей. И вот когда-нибудь, когда опять наступит прощенный день, они вспомнят, в каком мире со Христом начинали жизнь свою. Вспомнят, может быть, и тот вечер, когда они со мной пели акафист Распятому Господу. Когда же вспомнят, то, может быть, пропоют опять то, что мы поем сегодня. Мо-

жет быть, и детей своих тогда они научат такому же пению. И, может быть, еще научат их, как следует христианину проводить прощенный день. Может быть, невольная слеза упадет у них тогда на грудь, и они покаются тогда в грехах своих”.

После акафиста мы начинаем чин прощения. Я становлюсь на амвон и кланяюсь земно всем своим пасомым. Все сущие в это время в храме также кланяются мне, и многие, многие кланяются истово, с глубоким сокрушением сердца. Потом все чада мои духовные подходят ко мне по очереди; и я слышу стоны многих сердец: „Прости, батюшка. Прости, отец духовный. Прости меня тяжкую грешницу. Прости меня окаянного...”

Сердце у меня в великом трепете и полно благодарности Богу за эти души, так чувствующие свои грехопадения.

Всякий пришедший в храм просит прощения земным поклоном, целует крест в моей руке, долго вздыхает, прикладываясь к иконам, и в молчании идет домой. Церковь пустеет: последним из нее выхожу я. На селе немая тишина. Во всех избышках свет. В каждом доме теперь лобзания любви и прощения.

Господи! Вера на земле теперь умалена и унижена. Имени Твоего Святого многие гнушаются. Сохрани же веру этих чистых, простых сердец, в которых происходит ныне дивное таинство любви Твоей!

„МЕФИМОНЫ”

Над снежными полями, над зимними ухабистыми почерневшими дорогами, над сельскими низенькими хатами звучит мерный печальный благовест.

„К мефимонам звонят”, — говорят на селе и истово крестятся. А к церкви стекаются люди. Стекаются, чтобы разодрать свое сердце, чтобы принести такой вопль Богу, какой испускают великие преступники, чувствуя приближение казни.

Печальный звон, как меч, пронзает скорбное сердце. Как железо острием своим пронзает тело, так сечет душу жестокая, мучительная печаль о содеянных согрешениях. Как удары колокола набегают один на другой, так одно воспоминание о преступлениях своих теснит другое. И сердцу тогда больно. И сердцу тогда очень мучительно. И рвется оно на зов колокола в храм, чтобы излить перед Богом свою тесноту и горечь, огорчившую жизнь.

В храме строго печально. Везде черные, сетующие покрывала. Горят только две лампы перед ликами Спасителя и Богоматери. В эти дни люди стараются в церкви не кашлять и не производить лишнего шороха своими ногами. Торжественная, невозмутимая, печальная тишина. Отцы говорят, что у теперешних христиан иногда обретается неправая чувственная вера. Она бывает тогда, когда человек ищет духовных подъемов, восторгов и воодушевления. Такой вере способствует торжественное по внешности богослужение и другое церковное благолепие. Но нас нельзя обвинить в исповедании такой веры. Внешнего у нас так мало. В нашем храме везде скудость и бедность. Даже ладана нет. И вместо него кладем в кадилницу смолу от сосен. И таковое отсутствие торжественности внешней не приносит нам смущения и прискорбия. Нам не восторги нужны. Мы пришли сюда сегодня, чтобы рассечь перед Господом свое сердце и чтобы принять и почувствовать Его всепрощающую милость.

На клиросе поют трое: дьячок, кузнец и древний Александр Ильич. Сегодня женщины не решаются становиться на клирос. „В такие дни неудобно”, — говорят они. Да, теперь вообще часто слышишь эти отрадные слова: „В такие дни нельзя”, „в такие дни страшно”.

Батюшка тихим, нездешним голосом начинает читать великий канон: „Откуда начну плакати окаянного моего жития деяний...”. И слышно, как вздыхает вся церковь. Так вздыхает земля, лишенная влаги дождевой. Так вздыхает небо, когда перед страшной грозой все его укроют скорбные, мрачные тучи.

„Приближается, душе, конец, приближается...”, — читает батюшка. И сколько зрится грехов, которых прежде не чувствовалось за собой. В это время душа произносит суд себе. То страшный суд. Мы никогда не думали, чтобы наша душа имела способность произвести над собой такой суд. Мы никогда не думали, что будем так стыдиться своей прошлой жизни.

„Ум уступися, тело облезнися, недугует дух, слово изнеможе, житие умертвися, конец при дверех...”. Тихо поет-говорит священник.

И в это время единодушно, единоскорбно молится вся церковь: „Господи, по делам нашим мы давно достойны Твоего жестокого наказания. Но неужели Ты не помилуешь падшее и погибающее создание Свое. Зачем же Ты тогда трудился над составом нашим? Зачем же мы вкусили сладость от присутствия Твоего в душах наших? Зачем же Ты столько раз посещал нас милостию Своею? Как никогда, истощается днесь духовная скиния наша. Как никогда, она разорена, запущена и осквернена. Мы знаем, мы хорошо знаем, как велика наша виновность пе-

ред Тобой. Мы знаем, что не можем сами укреплять и утверждать себя. Все силы наши оставили нас...”

„Христос вочеловечися, призвав к покаянию разбойники и блудницы”. Радует молящихся сие напоминание. Если призвал разбойника, может призвать и нас. Если помиловал блудницу, то может и нашим душам даровать освобождение. Ведь только с обещанием великой милости глядит на нас с иконы Его Пречистый Лик, освещенный слабым светом лампы. Когда внимательно смотришь на этот Лик и слышишь давно знакомые слова: „Безсеменное зачатие, рождество несказанное, Матере безмужных нетленен плод”, то утихает буря мятежных и смрадных помыслов, и совсем близко зрится прежде далекий покой души. И зрятся величайшие горные вершины.

СРЕДА ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА „ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННАЯ”

Можно ли описать неопишуемое богатство Святой Христовой Церкви, которым мы невозбранно пользуемся?

В это время скуден видимый внешними чувствами мир. И в это время открывает нам Церковь свои величайшие, неценные сокровища. В это время весна — скупая хозяйка. Стоит легкий морозец. Небо ясное, синее, но холодное. На нем кое-где тонкое кружево прозрачных облаков. Только зимние проселочные дороги стали не зимними. Они побурели и в ухабах везде стоит вода. Еще слышнее стала сельская тишина, тишина занесенных снегом гумен, тишина сельской улицы. Как описать эту предвесеннюю, великопостную тишину? Она невыразимо сли-

вается с сердцем, ищущим покоя. Она ведет душу к иной, небесной тишине, в которой слышны хоры вышних сил, служащих Господу...

С раннего утра мы сегодня опять в храме. Редко бывает такая жажда молитвы. Особенно настойчиво и терпеливо ныне зовет святая Церковь душу христианскую к молитве. „Не уклони сердце мое в слова лукавствия”. Дай только молитву и молитве дай крылья, чтобы она возлетела к Тебе. Все, что не молитва, что ниже молитвы, это лукавствие. И сейчас мы чувствуем, как это лукавствие тошнотворно нам. Далеки ныне от нас все песни земли, и кажутся они нам жалкими, скучными, глупыми. Только небом, только верою мы хотим жить.

Ныне долго приходится молящимся стоять в храме. На клиросе все читают и читают псалмы и молитвы. И никто из стоящих не позволит себе выйти из храма. Нет сегодня здесь криков и разговоров. Как река полноводная, течет псалтирь Давидова. Так нужно. Так нужно долго стоять и слушать, пока душа придет в себя от земной суеты, пока не польются из нее самой иные псалмы Богу Живому и Крепкому.

„Ныне силы небесные с нами невидимо служат”. Ныне душа призывается в свое родное отечество, отчизну. Ныне кончается жизнь плоти и начинается жизнь духа. Убогий сельский храм не может похвалиться „красным пением” или возвышающей душу обстановкой. Но нам нужна молитва, и какая бы обстановка ни окружала нас, мы должны сегодня добыть себе молитву, должны преклонить все свое сердце пред Богом. Не люди, не наружное благолепие, а Сам Господь привлекает ныне нас к Себе. Мы чувствуем дыхание Его на себе. Мы чувствуем, как выходим из темного мрачного подземелья на яркое,

теплое солнце. Чувствуем, как будто бы покинули навсегда тяжкие дыханию места и вышли на простор необозримого цветущего луга, где ароматы так чисты и желанны. Как молятся в это время простые люди. Как хорошо всем в это время поревновать им.

Сегодня у нас первые причастники. Сегодня только началось раздаяние великих, небесных, животворящих даров от Руки Всемиловитового Владыки. И кто изочтет все те милости и щедроты, которые даны будут просящим материю Церковью за все время поста. Ведь только неразумные, не хотящие побеждать страсти свои и прельщенные врагом тогда не примут благодати и мира в души свои. Но и об этих несчастных, самоотвергающих радость свою будет молиться Церковь, будет жалеть и искать их, дабы подать им великую милостыню, дабы и они вкусили от трапезы Господней и видели, яко благ Он.

Мною сказан отпуст, и молящиеся лобызают крест. Один из обступивших меня говорит: „Вот, батюшка, повестку прислали, на суд сегодня явиться надо. Я на соседа подавал жалобу. Он у меня два сажня огорода отрезал. Ходить мне ныне на этот суд-то или не ходить?“

У вопрошающего меня ответ мой уже написан на челе и в глазах. Я вижу, что душе его в этот день судиться невозможно. И спрашивает он меня о суде, желая проверить себя, желая слышать голос Божий о своем уже состоявшемся решении туда не ходить.

Дома меня ждет чай с черными сухариками. Спасителен пост, который бывает от очей, языка и сердца, а не от пищи. Безусловно, — такой пост имеет первенствующее значение. Но ради него не будет отвергать от себя поста и от пищи. Ведь вы сами знае-

те, что какую свежестью веет душа в эти чистые дни и от черных сухариков и как ей не хочется ныне касаться других яств, к земле привлекающих.

Неописуем нынешний священный день. Неописуем от скудости разума духовного, от омрачения его греховным обычаем. Но кто из христиан не ощущал в нем Божественной красоты и светлости?

ВО ДНИ ПОСТА

В эти дни мне грезится простой старый православный храм. Сегодня, в первый день Великого Поста, туда к повечерию пришло много людей. Негромко, с сетованием о душе погибающей, читает священник покаянный канон. Рыдает хор. Терзаются и потрясаются души от зренья своей греховной нечистоты. Во всех углах церковных стоят в суровой задумчивости люди. Слышны глубокие вздохи. Везде можно видеть вольные и невольные слезы. И сколько еще тут слез внутренних, никем не зримых, кроме Всеведущего.

Вот пришел сюда человек, вся жизнь которого сложилась из бесчисленных тяжких грехопадений. Вся душа, все составы его пропитаны смрадом творимого беззакония. Пред ним проносятся картины прошлой жизни и все они безотрадны. В жизни его не было ни одного дня, в котором бы обретался мир с Богом. Вся жизнь его лежит в неотвратимой муке, данной грехом. Человек пришел в храм и забился в дальний угол, в самый темный сумрак, чтобы никто не видел его переживаний. Благодать Божия привела его сюда. Здесь, оставшись наедине с собой, отрешившись, хотя на краткое время, от суе-

ты мирской, человек приходит в себя. Здесь душа приходит в трезвость и видит содеянное ею зло. Чувствуя неправду дней своих, здесь она возрыдает и возстенает о былой светлости своей. Здесь вознесется ее вопль к Богу, милующему и спасающему, вопль, произносимый не устами, а горечью всего внутреннего сердца.

+

Господи мой, Господи! Сколько раз я обещался служить Тебе Единому, быть верным Тебе. И все мои обеты и клятвы, данные Тебе, я постыдно и дерзко нарушил. Ныне стою здесь, как изменник Тебе, изменник всему закону Твоему, всей любви Твоей и всей вере моей. Сжался надо мною.

О, окаянный я человек! Желание чистой, нескверной жизни есть во мне. Я не могу забыть ароматы небесные, благоухавшие мне иногда. Трепещет от них душа и жаждет припасть к Единому, Бессмертному, но прельстительное зловоние греха побеждает меня. Я сам сознаю, что с каждым днем падаю все ниже. Я сам вижу, что не могу встать. Желания греховные побеждают меня всегда и увлекают на пути стропотные и гибельные. Сжался надо мною, Господи.

Я не хочу греха. Я знаю всю мерзость его, но не упускаю ни единой возможности сочетать с ним свою душу. Я влекусь ко греху, тяготею к нему и пребываю в нем постоянно. Сжался надо мною, Господи.

От прародителей моих осталось во мне пресладкое воспоминание о потерянном ими блаженстве райском, но сердце мое извещается, что ожидает ме-

ня мука и скорбь вечные. Сжался надо мною, Господи.

Душа моя! Какою неизреченною, нетленною красотою могла бы ты озаряться. Почему же ты склоняешься к тому безобразию, которым преисполнены бездны адские?

Душа моя! Отложи гордыню свою. Приведи себе на память нынешний непристойный вид свой. Познай крайнее убожество свое. Посмотри на срамоту, в которую вверг тебя грех твой. Вспомни, что Отец твой Небесный ждет тебя, дабы облечь в одежду первую. Не забывай также, что и ад уже разверзает уста свои, чтобы принять тебя.

Умиляюсь я, когда слышу Евангелие Твое, Господи, но не могу оторваться от греховного обычая своего и донныне жительствую по влечению страстей своих. Сжался надо мной.

Я жажду мира и покоя, но от греха своего даю душе одни неизбывные скорби и тревоги, страхи и ужасы. Не погуби меня до конца.

+

Как путник бесприютный, в темной ночной осенней мгле блуждаю я по земле и не могу стать на дороге, ведущую к Царству Твоему. Вразуми меня.

Потух свет Твой в разуме моем. Омрачил я разум свой нечистым житием своим, и он не может постигнуть всей глубины падения своего, всего бедственного состояния своего. Вразуми меня.

Я всегда смотрю на землю и никогда не поднимаю очей своих к небу. Разум мой возлюбил лишь рассуждения о вещах земных. Я хочу думать только о потребностях для тела своего и не рассуждаю, как

приступить мне к Хлебу Небесному, дающему жизнь вечную. Вразуми меня.

Разум мой противостоит вере моей и враждует с ней. Подобно праотцу моему, Адаму, я доверяю только себе самому и уклоняюсь от доверия Господу Богу. Вразуми меня.

Данный мне Господом разум для познания воли Его я употребил на оправдания всех скверных дел моих. Пощади меня.

Ум мой лукаво бежит от рассмотрения нечистоты сердца моего. Сколько он представляет благовидных извинений, чтобы держать меня в неведении о заблуждениях и преступлениях моих. Исцели меня.

Как малое неразумное дитя забавляется игрушками, так и я погружаю разум свой в любопытство о пустых и злых вещах и нет у меня ревности исследовать Закон Твой, чтобы последовать Ему.

Как свеча не может гореть без фитиля, так и вера моя, оскудев страхом Божиим, хладна и безжизненна. Исцели меня.

Суша и камениста земля сердца моего. Исушил ее враг, обесплодили ее страсти мои. Засыпаны нечистотою источники слез моих. Хочу плакать и не могу. И тако всегда пребываю бесчувственным пред Богом моим. Исцели меня.

О, безумное сердце мое! Вспомни, как тщательно и долго искало ты на земле для себя утешений и ни единого не обрело. Почему же ты еще доселе не убедилось, что прегорьки все блага мира сего и что они только печалят и оскорбляют тебя.

На каждый день, на каждый час вонзает враг стрелы свои в сердце мое. Нет конца уязвления его, по-нуждающим меня работать ради гибели души своей. Скоро приди на помощь ко мне.

В великой печали от двойственности своей находится сердце мое. И сия печаль становится все печальнее. Не погуби меня, Господи, в море скорби моей.

Я часто глаголю, что люблю Бога, что люблю ближнего своего, но вижу ложь свою в сих словах, ибо нет в сердце моем сего священного пламени. Сжался надо мной.

Страшно и ужасно, но истинно сие, что воля моя склонна сотворить противное Богу. Исцели меня.

Давно хочу сознаться Господу в безумных делах своих, но воля моя противоборствует мне, и я до сих пор не могу победить ее злого упрямства. Исцели меня.

Воля моя ведет меня в геенну. На какой грех я ни позволял волею своей? Исцели меня.

Я не понуждаю волю свою творить Твою волю. Я не побуждаю ее к молитвенному общению с Тобой. Всегда противлюсь понести крест, данный от Тебя. Исцели меня.

Стыжусь и боюсь я показаться перед людьми рабом Твоим. Рабелепствую перед духом времени. Исцели меня.

Какими слезами могу я оплакать болезни души своей? Всего меня покрыла проказа греха. Ум в густом тумане самооправдания, сердце во угождении страстям, воля усердно исполняет волю врагов. Подаждь мне руку помощи, Спасе мой.

+

Мрачные тучи заслоняют от нас светлую лазурь небес, а грехи мои закрыли от меня видение Божественной красоты.

Не благоухает смрадный сосуд от влитого в него благовония, так же от нечистоты своей совесть моя утратила способность различать добро от зла.

Тот только не споткнется, кто имеет светильник, зажженный от света заповедей Твоих. От нерадения своего я не имею в руках своих сего светильника и стал духовным невеждою. Исцели меня.

Отказываюсь по нерадению своему познать истину Божию, я возымел пристрастие ко многим идолам, сотворенным руками человеческими. Этим идолам я усердно служу. Эти идолы — мои земные привязанности и пристрастия, с которыми я не могу расстаться. Без этих пристрастий я никогда не жил и поэтому никогда не чувствовал свободы духовной. Исцели меня.

Каково поле невозделанное, запустевшее, заросшее дикими, грубыми, сорными травами, такова душа моя от нерадения своего. Не оставь меня погибающего.

Какова горница неубранная, невыметенная, где везде паутина и навоз, где везде ползают пауки и скорпионы, такова душа моя от забвения своего. Не оставь меня погибающего.

Мне больно, мне мучительно думать об утраченном напрасно времени, данном для спасения. Как мне вернуть годы, прожитые в пренебрежении к душе своей? Все откладываю я покаяние свое. Все всуе надеюсь, что у меня еще много времени для него впереди. Не погуби меня.

Как ревностно я тружусь, чтобы заслужить славу от человек, и как упорно отказываюсь сотворить дело для славы Божией. Не погуби меня.

Как псы, затравили меня мои чувственные страсти. Нет мне от них покоя и отдохновенья. Я знаю

мерзость их, но не могу наступить на них. Не погуби меня.

Я никогда не был милосердным и сострадательным. На каждый день я изобретаю оправдания, чтобы жить только для себя. Не погуби меня.

„Ты унижен, а другие недостойные возвышены, люди худшие тебя имеют все блага”, — так всегда мне говорит зависть моя. Обнови во утробе моей Дух прав.

Я забыл, что нахожусь под благостью Промысла Божия, я забыл, что любовь Его неотступна от меня. Поэтому я всегда недоволен тем великим и неисчислимым богатством, которое даровал мне Господь. Прости меня.

Как зверь дикий, я прихожу тотчас в ярость, когда люди причиняют мне неприятность, и эта ярость всегда таится во мне, и каждый может разбудить ее. Исцели меня.

Вижу, какие необъятные сокровища приносит молитва молящемуся. Знаю, что от молитвы придет к моей душе помощь Твоя. Но я не могу понудить себя преклонить колена сердца пред Богом. Кто-то, сущий внутри меня, мешает мне и препятствует. Так близка ко мне радость от молитвы приходящая, но не имею силы принять ее.

О, гордость — мать всех пороков. Доколе ты будешь лгать мне о том, что богат я и славен и честен, что я сам творец своего счастья. Ведь я слышу, как смеются демоны надо мною. Ведь всем наглядны крайняя нищета и последнее убожество мое.

Пронзила печаль душу мою. Ею отравлены все мои дни. Я не могу мужественно встречать искушения и испытания. Господи, исцели меня.

Сколько раз Ты, Боже, простирал ко мне руки Свои, я же всегда был равнодушен к Твоей любви. Прости меня.

Сколько талантов, данных мне Тобою, я оплевал, зарыл в землю, и нет во мне о том сожаления и прискорбности. Прости меня.

Сколько благодати Твоей излилось на меня. Сколько Святая Церковь преподала мне спасительных таинств. И опять сердце мое преисполнено всякою нечистотою и скверною. Прости меня милосердием Твоим.

Я член Христовой Церкви, но нет во мне чувства единства с нею. Грехами своими я разорвал связь с ней. Присоедини меня, Спасителю мой, к дому Твоему, к месту селения Твоего. Не отлучи меня от Церкви Твоей.

Сколько благодетелей, скольких добрых спутников Ты послал ко мне, дабы они утешили все дни мои. О, окаянство мое. Кого утешил я за всю жизнь свою?

Родители мои по плоти, отцы мои духовные всем сердцем любили меня. Их трудами и заботами я пользовался, как должным. Их страдания и лишения никогда не трогали меня. Нет числа тем огорчениям, которые принес я им своим непослушанием и пренебрежением. Прости меня.

Как много виноват я перед ближними своими. Кому я принес радость? Кого утешил? У кого отер я горькие слезы? Прости меня.

Как много виновен я пред всеми людьми. Кого я не унижал? От кого не отвращался, как от непотребного? Кого в уме своем не презирал? Кого не осмеивал? Прости меня.

Сам я сознательно растоптал образ Твой в себе. Сознательно оставил душу свою в великом пренебрежении. Так ясно я вижу бесчувствие сердца своего. Спасе, спаси меня.

+

Никто не знает, кроме меня, как я изнемогаю от бремени греховного. Никто не ведает мою печаль о соделанном мною зле, близкую к отчаянию. Никто не видит, как я наг от всякого добра. Вскоре приди на помощь ко мне.

Я предчувствую приближающийся суд Божий. Я представляю муки грешников, осужденных Господом, и поэтому не могу быть одного часа без тревог, без страхов, без тягостных ожиданий. Не оставь меня Милосердием Твоим.

Жгут меня воспоминания о сотворенных мною беззакониях. Будет ли время, когда я освобожусь от этой муки? Будет ли мое сердце чистым?

Оставили меня друзья, ушли любимые. Обступили меня враги души моей и не могу оказать им сопротивления. Скоро приди на помощь ко мне.

Бессилен я не только творить добро, но и оплакать нынешнее свое состояние, и бессильны все люди оказать мне помощь в этом. Спаси меня, Спасе, погибаю. Коснись меня рукою Своею.

Я имею тоску от грехов и тоску имею за беспечность свою. И еще я тоскую о радости Твоей.

Надвигается ко мне старость, с каждым днем увеличивается моя беспомощность, с каждым днем приходят ко мне новые болезни. Надвигается время, когда будут скудеть у меня сознание и чувства. Если теперь мне так трудно принести покаяние, то

как же я буду приносить его тогда, в последние дни свои? Сжался надо мною от всего милосердия Твоего.

+

Оскорбил я Создателя и Спасителя своего. Рыдают обо мне отцы мои, рыдает мой Ангел Хранитель. Рыдает вся Церковь Христова. Когда я представляю пред собой грехи свои, то жгучая неутолимая скорбь поражает душу. Когда же взираю на Крест Христов, то приходит ко мне надежда на помилование Твое.

Когда же будет конец греховному житию моему? Сам я не могу выйти из него. Когда же Ты освободишь меня от невыносимо тяжелой ноши моей?

Помоги мне, Боже. Я хочу пролить перед Тобю море слез. Помоги, чтобы они все излились. Помоги, чтобы они все были чисты перед Тобю.

Несть греха, побеждающего милосердие Твое. Не лиши меня последнего, но Твоего раба, прощения Своего. Пощади меня.

Я часто вижу, что стою в лесу чужом, огромном, мрачном. Я вижу отовсюду приближающиеся ко мне опасности. Со всех сторон простираются ко мне руки злых. Поспеши ко мне Своею помощью, Премагий Господи.

Никакая радость меня не утешит, если Ты не простишь так бедствующего раба Твоего. С Давидом помилуй меня. С мытарями и блудницами, умолившими Тебя, прости меня. С разбойником благоразумным помяни меня во Царствии Твоем.

Я хочу слышать над главою своею глас Твой: „Прощаю и разрешаю”. Неужели этого гласа я никогда не услышу? Неужели Ты никогда не придешь ко мне с милостию всепрощения?

Брат мой, ныне плачущий о душе своей! Теперь нет у тебя храма, куда бы ты мог принести сокровище слез своих. Нет у тебя старца, который бы пролил целительный елей на раны души твоей. Не слышишь ты церковного хора, который мог бы возбудить у тебя память о вечном блаженном царстве. Только осталась у тебя одна, великая твоя нужда изливать слезы покаянные и просить прощения. Губительное время не могло разрушить твоей тоски и сокрушения о том, что ты разорил Закон Божий, что ты не мог быть верным Богу. И эта никогда не погибающая связь твоя с Богом пусть тебе принесет неисчерпаемую радость.

Все проходит, но никогда не пройдет жажда души человеческой примириться с Богом своим. Все вещи разрушаются, но всегда остается душа, скорбящая по обителям небесным, и всегда непреложно пребывает Бог, любящий и милующий душу, постоянно состраждущий ей, руки Свои к ней простирающий и Своего Единородного Сына на Крест за нее пострадавший посылующий.

ПЯТНИЦА ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Это было еще так недавно. И такова у нас была жизнь церковная Великим постом.

Сегодня пятый день Святого поста. Завтра будет Златоустовская Литургия, на которой мои прихожане, в особенности дети, будут, скрестив на груди руки, подходить ко Святой Чаше. К вечеру сегодня храм наш полон от говельщиков. Да и около храма

тоже везде народ. Вижу многих незнакомых. Все сосредоточены. Все одеты в самое чистое. Все стоят притихшие, примиренные, имеющие какую-то даже нездешнюю кротость. Вдоль церковной ограды бурлят весенние ручьи. На березах у пруда кричат неугомонные грачи. Вечереет день. Гудит колокол. Сегодня завтрашние причастники исповедуются, открывают Господу Богу душу свою, дабы получить от Него мир и прощение.

Один за другим кающиеся подходят ко мне. Шепчут смущенным, прерывающимся голосом свои грехи. Высказывают то, чем прогневали Господа. Иных душат рыдания, и они долго не могут что-нибудь промолвить. Подходят дети: „Я, батюшка, кошку бил”. — „Я ленточку тайно у подруги взяла”. — „Меня мама зовет, а я молчу”. — „Я скоромное ел”. Дети грехи свои говорят с искреннею боязнью быть наказанными. На каждую головку, подошедшую ко мне, я возлагаю епитрахиль и говорю: „Властию мне от Бога данную прощаю и разрешаю тя...”. Все прощаю, прощаю, а очередь ко мне исповедников не убывает...

После исповеди мне хочется подышать свежим весенним воздухом и побыть наедине с собой. Я поднимаюсь на колокольню. Какая сила жизни в весеннем ветряном дыхании. Так легко и отрадно здесь вверху дышать и глядеть на замирающую жизнь в селе. Солнце уже закатилось. Гаснут в нежной малиновой заре его последние лучи. Над ручьями уже засеребрилась тонкая ледяная корка. И чувствую я, что последние огни зари извещают, что завтра будет еще более прекрасный день. С колокольни я вижу, как в домах горят лампы...

Годы прошли. Прошли над нашими глазами годы жуткие, черные. Прошла жизнь в узах ссылок, темниц и во многообразных унижениях и оплеваниях. Теперь я провожу святые дни поста в одиночестве и вдали от тех, кому служил всем сердцем и всем своим помышлением. В крошечной келье своей я читаю повечерие и великий канон. Душе являются картины прошлого, невозвратно ушедшего.

Сколько верных, добрых душ было прежде со мною в эти святые дни и часы. И как мы тогда друг у друга возвышали, оживляли дух...

Теперь никого нет. Только тихо вслед ушедшему времени тикают часы, и так же, как тогда, догорает заря...

Вечная ваша память, отцы, и братья, и чада мои духовные. Вечная ваша память. Услышите мою молитву о вас...

СУББОТА ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Благословенная суббота. Прошли дни первой седмицы постов, напоенные плачем и сетованием. Опять Церковь зовет: „Тело Христово примите, Источника Безсмертного вкусите”.

От множества светлых лиц преобразается храм. И царит ныне в нем милость и утешение. Можно сразу отличить причастников и непричастников. И наряд и взор иной. Один пастырь знает, как легко молиться со множеством приступающих к принятию Пречистых Таин Христовых.

Отодвигаю завесу от царских врат. Произношу громко, чтобы все услышали: „Со страхом Божиим и верою приступите”. Руки крепко держат Святую

Чашу. Свыше разрешены подставки, на которые можно ставить Чашу во время причащения. Но я отказываюсь от них. Хотя и отекают руки и слабеет крепость их, но в сие время не слабеет желание держать в руках своих Самого Сына Божия, Его честное Тело, Его драгоценную Кровь и преподавать их требующим.

Длинной, нескончаемой вереницею идут ко Христу рабы Его. Не один час длится причащение говельщиков. Со скрещенными руками и очами, устремленными на небо, приближаются люди к страшной и никогда не скудеющей Чаше Нового Завета. А на клиросе все поют: „Тело Христово примите, Источника Безсмертнаго вкусите”.

Мне хочется каждому причастнику, за одну минуту перед его соединением с Господом Спасителем, сказать такие слова:

Радуйся! Покой твой к тебе приближается. Вот скоро ты войдешь в покой свой, о котором столько мучился и мечтал. Может быть, войдешь только отчасти, так как отчасти лишь каялся, но непременно войдешь. Хоть отчасти, но почувствуешь его ценность, его сладость, хоть на время, но отойдут от тебя все желания мира и прелести его.

Душа, Христу послушная! Душа смирившаяся! Еще пройдет только несколько мгновений, и ты будешь нераздельно, неразлучно с Тем, Его же ангели трепещут и зрети не могут. Еще минута, и ты приникнешь к великим тайнам Его подвига и озарена будешь неприступным Светом Его. Ныне ты получишь такое сокровище, которого лишены серафимы и херувимы.

Тот, Кого ты сейчас примешь, ожидает от тебя прежде всего верности. Не сотвори Ему изме-

ны и лобзания неверного до последнего издыхания твоего.

НЕДЕЛЯ КРЕСТОПОКЛОННАЯ

Сталкиваются миры. Уничтожаются великие государства... Хитроумными политиками производятся великие обманы... Науки поражают своими открытиями, приносящими гибель человечеству и бессмысленность жизни... Новые и новые „спасители человечества” громко, назойливо и истошно кричат о себе. И все это мимо течет бесследно. И от всего этого сердцу нет радости.

Но тем и драгоценна и бесконечно мила родная русская деревня, что эти вопросы ее совсем не трогают. Другое, совсем другое потребно там душам христианским.

В нашем храме не было Голгофы, т. е. большого Креста, по сторонам которого стоят Пречистая Дева Мария и апостол Иоанн Богослов. Горячее у нас было тогда желание иметь свою Голгофу, и Господь вскоре содействовал исполнению его. В городе нашли живописца, согласившегося написать нам Распятие с „Предстоящими”. Живописец поставил нам условие: во все время его работы мы должны были заботиться о его питании. Тогда мы из города привезли его в свое село и поместили в моей хате. Тут он и писал Святой Крест.

К крестопоклонной неделе Крест был готов. Утром, до службы, будучи в полном облачении, я взял на свою главу написанный Крест и с помощью почтенных старцев деревенских понес Его в храм. Сопровождал нас народ мног, и ликующий звон наших

маленьких колоколов. Много тогда было пролито таких слез, которых никогда не дадут все радости мира. Многие тогда приносили жертвы Распятому за нас на Кресте. Весь Крест обвили домотканые расшитые полотенца и тонкие холсты. После литургии был у Креста молебен с акафистом, который пели все находящиеся в храме. Пришлось мне тогда опять видеть веру и у согбенных годами и в юных сердцах.

Вот такими событиями жили тогда наши души. А все остальное, о чем трубят газеты, то, что прославляет мир, было чуждо и не нужно нам, как мимоходящий горький туман. Души наши верно знали, что все только Им Одним создано и что все Им стоит, и что все Он держит словом силы Своей (Колос. 1, 16—17), (Евр. 1, 3).

СУББОТА АКАФИСТА

Пятая суббота Великого поста

Отверсты царские врата. А когда они отверсты, то всегда на сердце покойнее. Вновь и вновь возносятся кверху, к куполу — седые кудри кадильного фимиама. Среди церкви, весь в свечевом сиянии, весь в любви молящихся, лежит на украшенном аналое образ Пречистой. И кругом Нее, как громадный живой венок, — коленопреклоненные люди.

Кто говорит, что счастья нет? Разве в этой молитве нет у нас счастья? Стоять здесь и чувствовать, что Она, Пречистая, близко от нас. Разве не счастье, — ясно чувствовать Ее покров и защиту?

Пребывающая во свете неприступном Сына Своего, тихо блистает у нас в храме, вся обвеянная аро-

матами церковных благоуханий, вся в лучах кроткого света от преданности и сердечного преклонения возженного. Вновь и вновь поют на клиросах „Взбранной Воеводе победительная”. Опять „Радуйся” глаголют уста священника. Паки шорох от усердных поклонов и ветер от глубоких вздохов. Опять люди приближаются к „Честнейшей херувим”...

О, если бы все люди ведали это тихое и доброе пристанище. Если бы они знали, какая любовь льется на них из сердца Пресвятой Девы. Если бы они познали ту жалость, с которою простирается над всеми Ее честный омофор.

О, если бы у всех людей открылись очи духовные, которыми они могли бы видеть, — к Кому прибегнуть, пребывая в безысходной печали, утопая в постоянной душевной тягости. Верующему сердцу, плавающему в море благодетий от Царицы Небесной, прискорбно за тех, кто вольно или невольно удален от Нее, кто не молится Ей, кто в беспомощности своей не находит заступления...

Вот опять во всем храме раздается „Взбранной Воеводе...”.

И опять на многих лицах сквозь слезы сияют радостные лики.

25 МАРТА. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

Великий сокровенный день. Что переживаешь в этот день, устами не выразишь. Невозмутимо ясен и таинственно прекрасен лик этого дня. В другие праздники иногда в душе бывает суета, беспокой-

ство, а в этот неизреченный день приумолкает все. Строги и одухотворены лица у людей. Они светятся тем светом, от которого исходит безмолвие.

Посмотрите повнимательнее на пришедших в церковь в день Благовещения, и вы увидите, непременно увидите у многих дух того несказанного, кротчайшего, небесного чувства, которым сияет сей праздник. Народ говорит, что в день Благовещения солнышко при восходе своем играет. Я не видел, как играет солнышко, но я всегда в сей день был свидетелем радостной жажды земли принять благую весть праздника. Я видел тогда в природе безмолвное великое ожидание. И если такова бывает природа в этот неизъяснимой красоты день, то каковы бывают тогда сердца человеческие, сердца христианские. Ведь мы не только празднуем праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы, но и переживаем, впитываем в сердце свое таинственную, дивную весть Архангела Гавриила Пречистой Деве Марии.

Велики сегодня переживания у каждого христианина, но миру они не могут быть понятны. Миру никогда не познать наших внутренних трепетаний, слез и восторгов. Может ли он понять страшные и дивные судьбы Божии, которые ныне извещаются многим верующим душам. Ныне глубочайшими тайнами живут христианские души и сказать их никому не могут и не хотят. Нет на языке таких слов, которыми можно было бы изъяснить то самое главное, самое первое, что дает человеку силу жить в истине Христовой и бороться со всякой неправдой.

У паперти храма много мальчиков в новых картузах. Девыцы стоят в подвенечных нарядах. Не могу наглядеться на старцев, как будто бы сошедших с икон, где написаны лики святых. Как глубоки у них

глаза и сколько в них той мудрости, которую не знает мир. И у всех на лицах глубина и тайна нынешнего дня. В храме многие богомольцы озабочены приобретением просфоры. Благовещенская просфорочка ценится особенно. У нас на жертвеннике в алтаре целая гора просфор. Я вынимаю из них части, поминаю подавших. Сегодня долго-долго длится проскомидия. Мне так хочется передать ныне своим прихожанам свои чувства, но я не знаю, — сумею ли я их выразить в своей праздничной проповеди. Из алтаря я частенько посматриваю на спокойные ряды своих чад, собравшихся к празднику, и думаю: „Если меня посетил Господь ныне, то разве не посетил Он и других верных Ему?“ Я вижу ясно, что у многих ныне есть внутри откровение небес. Не все равны в вере и любви, но все верующие имеют их причастие. И по мере веры озаряется душа каждого Божественным Светом. „Этим людям, — думаю я, — не нужно сегодня слов и многих назиданий. Когда сердцами владеют святейшие чувства, то слова бывают бесполезными и даже могут быть оскорбительными. Когда внутри нас тихое священное вхождение в тайны Божии, то тогда нам нужно только безмолвие“.

У души бывают мгновения, когда она отлагает от себя все свое житейское попечение, когда она ничего не ищет здесь, никого не осуждает, избегает исправления чужих дел. Правда, такие минуты приходят к нам редко, но они особенно драгоценны ныне, в день Благовещения. В этот день непременно нужно уйти в сокровенное уединение, чтобы никто не мог помешать глубочайшим думам и чувствам, чтобы там, в тайне от всех, безмолвно благодарить Бога. Нынешний день должен быть днем ничем не

возмущаемого великого благодарения. Но чтобы благодарить искренно, чтобы Господь услышал благодарение, надо внутренне безмолвствовать, привести в полную тишину и покой свое внутреннее, волнуемое бурей страстей, море. У Пречистой Девы Марии безмолвие было постоянным спутником Ее души. Поэтому не дрогнуло Ее сердце от страшного чуда явления Архистратига Божия и его Благовещения.

Я посматриваю из алтаря на густую толпу своих прихожан, и мне хочется сказать им сегодня только несколько самых значительных слов. Я скажу им так: „Ныне, родные мои, будем искать только одних святых минут безмолвия и тишины сердечной. А когда они, по милости Божией, посетят нас, будем хранить их в самых святых обителях душ наших. Ныне, родные мои, будем искать такого безмолвия, какое видим у Пресвятой Царицы Небесной. Будем искать того безмолвия, чтобы явиться нам причастниками неисследимых таин Святыя Троицы”.

25 МАРТА. ДЕНЬ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

В этот благословенный день я положил начало своему бегству от мира. В этот день возвещения Царства благодати Христовой я дал обещание всем сердцем, всем помышлением, всею жизнью взыскать себе пребывания в сем Царстве.

О внешней стороне моего подвига мало можно что сказать. Он происходил в одном губернском городе, на квартире, мною занимаемой, и о нем никто не знал, кроме меня и постригавшего меня последнего Оптинского старца о. Д. При моем постриге не было звона колокольного, тихого стройного пе-

ния, умиленных зрителей и высоких речей. Тихим дребезжающим голосом о. Д. запел „Объятия Отча”, и я сотворил символ своего распятия. Но здесь и даже в этот момент не оставил меня искустель своими наветами. И здесь я должен был противоборствовать ему. „Претерпиши ли всякую тесноту и скорбь иноческого жития Царствия ради Небесного?” – вопрошал меня старец. И я ничтоже сумняся, отвечал ему: „Ей, Богу споспешествуя, честный отче”. Я, конечно, знал, что будут скорби и искушения, но не мог представить себе множества тяжести их. Данный мне крест превзошел все мои ожидания его.

В то время, когда я принимал монашество, монах мог рассчитывать лишь на одни скорби и страдания. Но я решился. Я долго рассуждал о том, какой шаг я предпринимаю, и решился твердо, без сомнения, его сделать. Отец мой духовный, епископ... бывший тогда в ссылке, благословил меня на сей тесный и узкий путь, а старец о. Д. после многих молитв сказал: „Я испрашивал у Бога благословения на твой постриг, и Бог благословил”. Поэтому на мою решимость уйти из мира сего была воля не только моя, но и Божия. А известным моим о причинах своего пострига я бы ответил так: „Я познал ту печаль, которая царит на земле и от которой нет исхода. Я понял, что в этой печали я остаться до конца жизни своей не могу. Я познал, что жизнь человеческая не имеет смысла, если в ней не будет нераздельного служения и последования Господу Иисусу Христу”.

Мне могут возразить. Мне скажут, что и без монашества можно служить Господу. Конечно, можно, хотя и мало мы видим таких опытов. Служить Господу без монашества всем сердцем и помышлением

чрезвычайно трудно и, может быть, даже невозможно. Каков бы ни был монах, но он всегда Божий. Он может иногда уклоняться от пути ко спасению, но забыть свой путь он не в состоянии. У монаха, как бы он мал ни был в своем монашестве, отношение ко греху своему совсем иное, чем у не-монаха. У монаха есть духовное ядро, которое, хотя и окружается нечистотою его жизни, но очень редко разрушается. У не-монахов только иногда можно найти то „сокровище не от мира собираемое”, которое мы находим всегда у многих монахов. Может быть, поэтому мы и слышим теперь так часто, что отрекаются от Христа, от Его Святой Церкви, от православной веры не монахи, а сотни так называемых белых священнослужителей. Может быть, поэтому один прозорливец нашего времени сказал: „В тех невыразимых обуреваниях, которые переживает русская церковь, ей будет содействовать остаться живой и славной церковью наше монашество”.

Я не знаю, крепка ли моя вера, но я верующий, и своим монашеством я имел желание подтвердить свою веру. Я верую и посему боюсь утратить свою внутреннюю духовность. Вот еще причина, приведшая меня к монашеским обетам.

Еще я боялся соблазнов мира. На моих глазах были уже соблазнены тысячи моих братьев во Христе, большей частью пастырей приходских. Ведь не монаху как будто бы и нет особенной нужды бороться с миром и его прелестью. Поэтому я возжелал иночества, как непрестанной борьбы.

Не описать мне тех всех причин, которые побудили меня к монашеству. Их много, и одни из них глубоко сокровенны и языком не высказываются. Но одна из этих причин особенно часто стоит перед мо-

ими глазами. Я часто чувствую, как на душу мою и на веру мою, которая есть смысл жизни моей, наступают враги Христовы и справа и слева. Но я несомненно знаю, что при пострижении в монашество преподается благодать, губительная для сих врагов. Страшны и велики искушения иноку, но если он сохранит благодать, данную в постриге, то всех противляющихся ему он победит.

Демоны, враги моего спасения, во дни, предшествующие моему пострижению, всевозможными способами искушали меня. Они искушали благополучием и благоденствием земным, которые я терял в монашестве. Они искушали, принося помыслы о возможности счастья и утешительных дней. Они искушали и наветами ужасов перед тем крестом, какой дает иночество. Незримо никому шла в душе моей ожесточенная брань. Каждый день искусители приносили мне новые соблазны. Каждый день и каждый час мне приходилось им отвечать внутри себя. Я не знаю, справедливы ли были ответы мои? Прочти их, Господи, в сердце моем и исправь их, если они были погрешительны.

Давая обеты об уклонении от мира, я не имел ненависти к кому-либо из людей. Нет. Не ненависть и презрение к живущему в мире владели мною тогда. Тогда мне Бог даровал разумение тяжких мук, которые имели все пользующиеся миром, и я всею душою сочувствовал этим страдальцам. И от своего сострадания им в монашестве своем я хотел принести им такую милостыню, какую не могли подать живущие в мире.

Решение стать иконом было у меня бесповоротным, но душа часто содрогалась от страхов перед грядущим подвигом. Я понимал, что подвиг будет,

крест непременно дастся мне, и этот крест будет не легким.

Я с великим трепетом душевным принял сей дар. Но как я мог представить себе всю ту тяжесть, огорчительность, ту томительность и изнеможение, которые стали постоянными спутниками креста моего иноческого. Я не знал и не мог себе представить, что вся жизнь моя после пострига обратится в ожесточеннейшую борьбу за сохранение данного мне сокровища.

НЕДЕЛЯ ВАИЙ. ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ

Вербное Воскресение

„Господь близ” (Фил. 4, 5). В прежние времена и еще не так давно на Святой Руси в эти дни замирала всякая суэта земная. Останавливались фабрики и заводы, прекращалась торговля, закрывались школы. В эти незабвенные дни жизнь русского народа наполнялась переживаниями тех событий, которые совершились в Иерусалиме почти две тысячи лет тому назад. В эти дни Господь Иисус Христос близок становился великому множеству людей страны нашей православной. Память о Его крестном, беспрецедентном подвиге, о Его страшных муках, унижении, распятии и воскресении была у всех на устах и в сердцах.

Уже начались эти немеркнущие, неизгладимые дни. Вчера Он воздвиг из мертвых друга Своего Лазаря, ныне исполняет пророческое слово о торжественном входе Своем во град Иерусалим, дабы пострадать за грехи всего мира. И душа ликует, душа чувствует, что близко к ней ныне ее действитель-

ное счастье. Близко, близко в сии дни к душе Господь и светлость Царствия Его.

Наше село в необыкновенном движении. Все мысли и дела обитателей его направлены к встрече грядущих великих дней. У всех много забот, но забот добрых, связанных с именем Того, Кто есть всех радость, истина, свет и жизнь...

Шумят, рокочут везде ручьи. С каждым днем все больше солнца и тепла. Навстречу льется тихий, нежный ветер весны. За гумнами, освободившись от снежных покровов, в тонком тумане чернеют поля. Все творение Его провозвещает днесь Его близость, радость Его, приближающуюся к нам. Как ясна в сие время благодать Божия к людям.

Храм полон жизни. Вся ограда церковная переполнена рабами Его. Все пришли ныне с вербами. В сердцах у многих осанна Ему. Пришедшие к Нему ныне не могут скрыть своих волнений и трепета. Поэтому в храме слышен какой-то необъяснимый шум. Может быть, это от того, что сердце чувствует счастье свое. Ведь Господь так „близ” есть ныне к нам.

Настало время полиелея. Зажглось паникадило. Затеплились свечечки в руках богомольцев. Я растворил Царские врата и вышел к народу. Как много верб в нашем храме. И у каждой вербочки светится огонек. И крепко зажала рука вербу и свечу горящую. Ведь в этом крошечном огоньке сокрыта милость Божия, благоволение Его к бедствующему человеку. Рука, держащая вербу, знает, что Господь „близ”.

„Осанна в вышних и мы Тебе вопием”. В иудейской „осанне” были отзвуки слова „распи”. Да не будет таковой наша „осанна”. Тяжела наша ноша греховная. Не можем еще мы освободиться от нее.

Обличает совесть. Ведь сколько нарушенных обещаний Ему, сколько уклонений от пути Его. Но не может сердце забыть Его, не может утешаться не Им. Оно только в Нем успокаивается, только Ему Одному служить жаждет. И ныне поет оно „осанну” Ему, видя, как Он дает радость Свою всем достойным и всем недостойным.

Он видит и знает все. Он знает, что и уста наши осквернены грехом и житие наше стыдно. Но так ныне близка Его радость, так чувствует душа возвращаемое Им свое „первое блаженство”. Близок, близок ныне Господь, ибо идет Он избавить меня, и мой грех отмыть, и моей душе даровать покой в вечной жизни.

Быстро над селом сгустились весенние сумерки. Окончилась в храме праздничная служба. С паперти церковной открылось дивное зрелище. Было слышно журчанье ручьев, звенел тонкий лед под ногами идущих из храма, трезвонили колокола. В темном небе везде загорелись светлые звезды, а внизу, во все стороны от храма, как живые, бежали огни зажженных свечей. Этот огонь вместе с вербами бережно несли к себе в дома богомольцы. И вместе с этими огнями несли они к себе радость сердца, что Господь близ есть. Как это неизъяснимо просто и глубоко. Маленькая веточка вербы и копеечная свечка, а несущий их испытывает радость, какой не дадут все последние чудеса науки и техники. Принесут христиане эти святые огни к себе в жилища, зажгут от них лампаду перед образами и вербочку у чтимой иконы положат. И будет она благовестить всем здесь живущим, что Господь близ.

Грешники великие! Будьте внимательны к этим таинственным дням, и вы увидите, как близко пришел к вам Господь ваш.

Неведущие Господа и не хотящие веру иметь! Создавший вас Господь теперь идет страдать, чтобы вас спасти. Неприемлемый вами, Он стоит близ вас и стучит в сердце ваше.

Усердные служители миру сему! Своею Пречистою Кровию, за вас пролитою, Господь умоляет вас оторваться от временной греховной сладости и покаянием сделать свои дни близкими к Нему.

Мнимый праведник! Каждый человек, грядущий в мир, спасен бывает Его Крестом и Воскресением. И за тебя пролита Его дражайшая Кровь. Сия Кровь всегда будет обличать тебя, пока ты не познаешь, что без Его близости, сосуд души твоей пуст и нечист.

СВЯТАЯ ВЕЛИКАЯ СРЕДА

Как-то, проходя по одному старинному, забытому кладбищу, я увидел деревянный крест с надписью: „Ни лобзания Ти дам, яко Иуда”. Тогда возмутилось сердце мое слезною горечью. И вспомнил я в этой горечи судьбу одного знакомого мне священника.

Священствовал он сначала неприметно для мира и в благоволении у Бога на одном приходе сельском. Потом настали лихие времена. Этого батюшку позвали в известное всем учреждение и стали требовать от него сотворения Иудина греха. Он резко от сего отказался. И возвратившись в приход свой, изменился особенно. Он стал больше молиться, больше молчать, а в разговоре и в проповедях его стало заметно частое употребление этих слов: „Ни лобзания Ти дам, яко Иуда”.

Троекратно его вызывали и предлагали честь стать Иудею. Говорят, что он там, в том учреждении, говорил только эти слова: „Ни лобзания Ти дам, яко Иуда”.

В предчувствии ссылки, как передавали близкие его, он часто пел тропарь: „Вечери Твоя тайныя” и при том был особенно задумчив и спокоен. Вскоре повезли его в ссылку. На показанном месте в северном, сибирском селе проживать он не стал, а удалился в тайгу и жил там буквально со зверями, в заброшенной охотничьей избушке. Такое житье ему нужно было для молитвы, а молитва нужна была для того, чтобы не дать лобзания Иудина. И в ссылке, начальствующие над ссыльными, не давали ему покоя: опять неоднократно вызывали и опять предлагали Иудин грех и благополучие. Очень вероятно, что были у него и минуты слабости, но он молился, и Господь благоволил ему.

После ссылки его заточили в концлагерь. В лагере тоже была нужда в иудах. Поэтому и там батюшку преследовали подобные искушения. По ночам, когда изможденные лагерники крепко спали, он молился этою же молитвою: „Ни лобзания Ти дам, яко Иуда”. Явное чудо милости Божией освободило его из лагеря.

Тут опять последовало мучительное испытание веры. Родные и близкие этого батюшки всевозможно умоляли его, ради самосохранения, снять с себя сан священства и поступить на гражданскую службу. Когда его убеждали так поступить, он молчал, а если говорил, то в его разговоре опять часто повторялись эти слова: „Ни лобзания Ти дам, яко Иуда”...

В обновленческие храмы служить он не пошел.

„Там не моя вера”, — был его ответ приглашавшим туда.

Его предупреждали о новой опасности стать заключенным, и теперь он принял подвиг странничества. Люди, дающие ему приют, по секрету рассказывают, что он много молится, плачет и тайно священствует, имея около себя маленькую горсточку верных Церкви чад. И еще рассказывают, что он часто поет: „Ни лобзания Ти дам, яко Иуда”.

СВЯТОЙ ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Я не могу их забыть. В этот день они стоят перед внутренним взором моим, как стояли прежде в храме, когда мы вместе молились.

Один за другим бесконечной вереницей они подходят ко мне. У меня в руках Чаша Нового Завета. Мои руки изнемогли держать сию Чашу. Ее держит иная сила. Каждому, подходящему ко мне, я стараюсь сказать ясно, так ясно, чтобы не было у него никаких сомнений: „Причащается раб Божий... во оставление грехов своих и в жизнь вечную”. Прошло уже несколько часов, как я приобщаю людей Божиих Пречистых Тела и Крови Христовых, но кажется, причастникам не будет конца. Один за другим, бесконечной вереницей, они подходят ко мне. Нескончаемо поет псаломщик: „Вечери Твоя тайныя”, и нескончаемо рождаются рабы Христовы, живые члены Церкви Его.

Еще так недавно это было. Еще так недавно в этот день так много было отверстых храмов, и в каждом было так много исповедников и причастников. Еще так недавно было у меня так много духов-

ных сыновей и дочерей. И я был с ними в этот день во Христе Иисусе. Еще недавно они хранили меня, становились на защиту церковного достояния. Где же они теперь? Куда ушли?

Я знаю, я хорошо знаю, что они имели ко Христу Спасителю великую любовь. Я знаю, что этой любви невозможно сразу пропасть, невозможно ее сразу задушить, уничтожить. Несомненно, что теперь в этот день они где-нибудь на стране далече имеют горечь сердца. Они ведь не могут быть без пастырского попечения. И кто же их теперь утешит? Где они теперь причастятся от Вечери Тайной? Я полон дум о них. Может быть, их коснулись современные соблазны. Как они противостояли им? Я не знаю. Я знаю только, что они любили Его, знаю, что Он близок был душам их и забыть Его благодетелей они не могут. Может быть, их принуждают забыть этот день, забыть Имя Его. Но что такое принуждение может сделать христианской душе? Тогда она еще нежнее, еще трогательнее прикоснется к Нему, прикоснется страдальчески, и Он защитит ее от враг видимых и невидимых.

Стоят они ныне перед глазами моими. Стоят все до единого, все, кого я знал. И мне хочется послать им извещение от души своей: „Я помню вас, я и теперь живу с вами. Вы со мною в великом родстве. Когда мне притрудно, то я вспоминаю вас, молюсь за вас, и мне становится легче, мирнее”.

Господи, пути, по которым Ты ведешь нас, неисповедимы. Любовь Твоя в сердцах наших возжигает пламень огня Твоего. Твоя Премудрость соединяет нас и дальних и близких в неразрушимый земными силами союз.

Господи! В этот страшный, торжественный день, день Твоя Тайная Вечери, я не могу быть без них.

Я не могу быть духом своим без тех душ, которых Ты таинственно необъяснимо вручил мне. В этот день я чувствую особенно свои неразрывные узы с ними, и мучительно бьется сердце мое о них.

Господи! С ними я хочу быть и там нераздельно, неразрывно, всегда...

СВЯТАЯ ВЕЛИКАЯ СУББОТА

Уже давно мы начали готовить души свои к радости Пасхи. Начали готовиться издалече и вот теперь подошли к ней так близко. Завтра Пасха. От этой мысли стучит сердце. Завтра — всемирная радость, и ни у кого не должно быть скорби.

Еще мальчиком я чувствовал в этот день распространение по всей земле великого ожидания праздника праздников. Везде была Великая, Препоблагословенная Суббота. Вся вселенная замирала и притихала. И небо, и земля, и деревья, и поля, и хаты — в этот день были другими, не такими, какими они бывают в обыкновенные дни. Иной свет приходил в жизнь нашу.

Еще высоко стоит солнышко, а мы уже, бывало, собираемся в храм. Вышли на дорогу и видим, как нескончаемой вереницей движутся по ней люди к храму Божию. Идут с отрадой на лице и с белыми узелками в руках. Центр нашей жизни ныне — храм, приготовленный к величайшей торжественной трапезе. Я хорошо помню, что тогда, во дни детства, вся душа моя была в напряженном ожидании. В этот день я любил много раз подходить к плащанице и лобзать ее. Ах, как быстро утекли от нас сии благословенные дни...

Прошли годы, и по воле Божией Великую Субботу мне пришлось встретить в тюрьме. Оконных рам в нашей камере не было, и в Великую Субботу так же, как и всегда, с утра до вечера доносился до нас греховный, смрадный гам тюремного двора. А когда за вечерело и на темном небе зажглись светлые весенние звезды, шум тюремный начал стихать. Стали слышны вздохи большого города. Я стоял у тюремного окна и жадно прислушивался к этим звукам. Я узнавал в них праздничную суету и хлопотливость. Я узнавал в них ликующую веру и родную радость пасхальной ночи. Зрением душевным я видел, как идут сейчас везде по городу люди с белыми узелочками и сердцами, трепетными от предчувствий пасхальных. Мысль моя бежала к тому храму, где я служил, где службе пасхальной и жажде радоваться Воскресшему Господу я отдавался весь. Как там теперь? Кто там бедным людям возвещает Воскресение Христово? Вспомнят ли там меня?

Ночь темнела. Замирала тюрьма. С далеких деревенских полей весенний ветерок принес зовущие к свободе ароматы весны. Звезды разгорались и трепетали все больше. В субботний вечер я получил с воли скромную пасхальную передачку: в ней была маленькая пасха, три красненьких яичка и две свечки праздничные из красного воска. Пасхальные посылки получили и другие мои товарищи. В тюрьме тогда обитало много людей церковных.

Для того, чтобы мы забыли Пасху свою, тюремное начальство провело в каждую камеру громкоговоритель для радиопередач. И уже начала было изливаться к нам пошлятина об антинаучном происхождении Пасхи и прочая пакость, рассчитанная на наивность и невежественность. Но тогда мы эту гнусную

трубу крепко заткнули тряпками, и опять у нас водворилась тишина. Опять можно было смотреть на небо, на звезды и молиться.

Зажгли мы тогда свечечки пасхальные и дрожащими от великого волнения голосами, от всего сердца, сдавленного тоской, запели: „Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах”. Потом пропели канон Празднику всемирному, в нем же вся радость и земная и небесная. Мы пели все на память и тихо, с боязнью.

Во время нашего пения к волчку, т. е. к отверстию в двери камеры для наблюдения за арестантами, подошел дежурный солдат и кротко промолвил: „Не стесняйтесь, граждане, пойте громче. Я ведь тоже крещеный, только жизнь измотала. Пойте, авось не взыщут, а взыщут, так Он, Батюшка, заступится”. Имея такое поощрение, мы запели громче и к утешению нашему услышали голоса, подпевающие нам из соседних камер. Успокоили мы пасхальными песнями души свои, похристосовались друг с другом и разговелись. Я подошел к окну и долго христосовался со всеми теми, с кем был разлучен. У нас в камере находился студент, называвший себя неверующим. Украдкой утирая слезинку, он говорил нам такие чудные и странные слова: „Я не верующий, но в этот день всегда, всегда испытываю великую внутреннюю торжественность”.

А звезды разгорались все ярче, подходили все ближе к окну нашему решетчатому, и чудилось, что они убеждали не тревожиться, не унывать, не сомневаться, а крепко радоваться...

По неизреченной и благой воле Божией еще мне довелось Великую Субботу переживать и в ссылке и в лагерях.

По окончании срока меня долго не отпускали, и поэтому пришлось там, на дальнем севере встретить Пасху в четвертый раз. Богу не угодно было в этот день послать нам близких друзей и сочувственников... Там на севере, в бескрайней тайге, в это время еще лежит холодный, искрящийся бриллиантами снег. И хрустит он под ногами, как у нас в декабре. Безжизненны, безмолвны и невыразимо печальны сибирские дали. Не говорят они душе пасхальных откровений. Опять так же, как и в прошлый год, в полном одиночестве, в темном углу убогой избушки, запели мы: „Христос Воскресе”. И Христос Воскресший пришел к нам. Это было так же несомненно, как несомненна была наша вера. Не горело ли тогда в нас сердце? Не был ли Он с нами тогда на пути?

Теперь тоже настала Великая Суббота. Опять живет душа самыми глубочайшими и внутренними своими основами. Льется в нее свет воспоминаний о пережитом, о встречах радости пасхальной в светлые годы. Бедная, немощствующая душа моя вспоминает в этот день бывшие ей посещения Божии. Она опять стремится описать самой себе неопишемую радость Пасхи. Она сегодня особенно ясно видит, что все горе, каким бы великим оно ни было, — пройдет; что враги Христовы все расточатся, познают победу Воскресения Господа нашего и покорятся Ему.

Ныне душа чувствует, как Господь в этот день вознаграждает раны всех воинствующих за Церковь Его. Сподоби, Господи, и в последний день моей жизни на земле принять предчувствия сей Благословенной Субботы.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Приветствуя искренних друзей своих сею радостною вестью, хочет сердце мое высказать множество светлых, добрых пожеланий. Но из всех таких пожеланий я предпочту здесь одно, ибо исполнение его считаю главным делом вашим.

Я хочу, чтобы сердца ваши произнесли в сей нареченный и святой день то, что проглаголал некогда благословенный псалмопевец. Возлюбив Господа всею душою и всем помышлением своим, он рек: „Всем сердцем моим взысках Тебе, не отрини мене от заповедей Твоих” (Пс. 118, 10). И я желаю вам при праздновании Светлого Христова Воскресения отдать Спасителю нашему все свое сердце, всю любовь, все душевное стремление. Сего горячо желаю вам, други мои, потому что „любовь Христова объемлет нас... Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего” (2 Кор. 5, 14—15).

Как-то я посетил одного особенно мною любимого духовного человека. Я застал его утирающим слезинки с очей своих. Спрошенный мною о причине такого плача, он опять залился горькими слезами и потом уже мне ответил так: „Я плачу от того, что все больше сознаю скорбь Христа об увеличивающейся к Нему хладности сердец человеческих. Я вижу верующих, приходящих немножко помолиться, немножко покаяться, принести небольшую жертву, но я почти не вижу преданных Ему душ, не вижу верующих, отдавших Ему все свое сердце. Если я с горестью смотрю, как многие почитающие себя верующими в Него, сокращают обязанности свои к Нему и спешат от Литургии Его убежать на торжи-

ще жизни земной, то как же Он тогда смотрит на таких христиан?”

Несомненно то, что мы живем во времена оскудения веры и великого пренебрежения к истине. Люди без сожаления оставляют первую любовь свою (Апок. 2, 4). Еще не так давно везде можно было встретить христиан, у которых вера была пламенем огненным. Верующие же нынешнего времени предпочитают свою малую веру прятать и таить от посторонних взоров. Необъяснимые, непобедимые страхи овладели ныне сердцами православных. Одержимые подобными страхами люди боятся носить нагательные кресты, боятся перекреститься в местах, где есть другие люди. А когда окружающие таких христиан безбожники начнут богохульствовать, то никто уже таким безумцам не возражает. Ведь теперь кругом нас море всякого гнусного кощунства над предметами, самыми драгоценными для нас, и это кощунство не только не встречает с нашей стороны какого-либо противодействия, но и получает косвенное одобрение: мы не только при этом богохулении сохраняем молчание, но и принимаем вид, одобряющий нечестивцев. А как мало стало у современных верующих дел любви и милосердия христианского. Есть об этом такой грустный рассказ: Один нищий молился Господу Христу, испрашивая себе у Него помощи. Во время такой молитвы Христос явился сему нищему, подал ему небольшую серебряную монету и сказал: „Не взыщи, что мало Я даю тебе, Мне Самому теперь люди дают меньше того”.

Когда мы слышим речи обличающих нас, то обычно возражаем так: „Простите, уж я таков есть”. Но таковым ли ты должен быть, друг? Вспомни: тако-

вым ли ты был прежде? Если ты изменился от лучшего к худшему, то почему же ты не можешь от худшего измениться к лучшему? Если ты изменился к худшему силою греха, то почему же не можешь измениться к лучшему непобедимую силою Воскресения Христова? Разве твое сердце стало неспособным любить Господа? Разве на тебе нет животворящей, всесильной силы Воскресшего? Разве доселе ты жив не Его силою? Изменись, друже милый, осеняемый неприступным светом Его Воскресения и всю свою душу положи к ногам Господа своего. Ведь если ты не отдашь Ему всего своего сердца, то каков же будет твой праздник пасхальный? Тогда ты своим празднованием только огорчишь Его.

Много глубочайших и прискорбных размышлений дают нам обстоятельства Его погребения. Сколь мало тогда собралось рабов Его снять Его со креста, обвить плащаницею, приготовить Ему гроб и воздать Ему последнее целование.

Где тогда были те, которым Он даровал зрение, у которых Он очистил проказу, которых насытил хлебом, которым отверз уста? Где здесь дочь Иаирова? Где здесь расслабленный с овчей купели и слепец Вартимей? Где исцеленный Им слепорожденный? расслабленный жилами, глухонемой, Гадаринский бесноватый и многие другие, уверовавшие в Него? Слух о том, что случилось с их Благодетелем наполнил тогда всю иудейскую землю. Почему же все сии уверовавшие не поспешили тогда свидетельствовать свою любовь к Распятому? Не потому ли они не пришли, что боялись, что предпочли Ему другие дела свои, что не хотели подвига, что еще не отдали Ему сердец своих, хотя и уверовали в Него.

Потом пришла в мир сила Его Воскресения, пришла победа Его, победившая весь мир. И посмотри, друже, что сия победа сотворила. Сколько ты видишь людей, возлюбивших Его всем сердцем своим, всею душою и отдавших Ему всю жизнь свою? Посмотри на сонм святых Его. Можешь ли ты исчислить во всех странах, во все времена бывших, всех Его мучеников, всех преподобных Его, всех светильников, которые горели и светили любовью к Нему? Можешь ли ты сказать все их подвиги и доблести и дела, которые они сотворили силою Его, им содействующей?

Присоединись и ты, друже, к сему славному, необозримому лику истинных последователей и рабов Его. Празднуй день Его Светлого Воскресения только так, как праздновали сии, угодившие Ему.

Помни, что Пасха Христова у тебя будет тогда, когда будет у тебя к Нему любовь всего твоего сердца. „Кто любит Меня, — говорит Он, — тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим” (Иоан. 14, 23).

В праздновании вами Пасхи да хранится Его благословенное Имя в сердцах ваших. Да исполнятся уста ваши непрерывным хвалением Его, да будет в очах ваших постоянно пребывать Его Пречистый Лик и Его небесная слава.

ПАСХА ХРИСТОВА (1923 г.)

Опять Пасха, двери райские нам отверзающая. Неопишима радость Пасхи, как неопишимо все Божественное Промышление о спасении рода челове-

ского. В этот день принимаем мы все величайшую любовь Господа нашего. Я не знаю, как воспринимают пасхальную радость люди в больших городах, в богатых храмах, где все службы Божии отправляются с внешним великолепием. Я же могу сказать только о тех пасхальных чувствах, которые пережил сам в бедном сельском приходе.

Перед наступлением дней пасхальных у нас в храме царило такое оживление и такая сутолока и суматоха, что даже Борис Федорович, церковный староста и человек весьма резонный, высказался относительно этой сутолоки так: „Можно подумать, что Господь Иисус Христос должен воскреснуть именно в нашем селе и мы Его своими глазами должны увидеть”.

Радость у нас о Господе Воскресшем была полная, как река весной, и невыразимая. Не одно сердце жило только этой радостью. Тихо, неприметно постороннему миру, ликовал в те дни храм наш. Опять мы его тщательно убрали и нарядили в наряд скромный, чистый и светлый. Все просьбы мои к добрым христианам села о том, чтобы помогли они сделать в храме нашем Пасху красную, исполнялись с искренней поспешествующей радостью. Уже за две недели до Пасхи мы начинали убирать свой храм, и уже до праздника души наши переживали пасхальные восторги. Люди простые, жители сельские, бедные крестьяне, с каким желанием и радостью отдавали все, что имели, на благоукрашение храма. Был я очевидцем и свидетелем дивной любви к Богу этих малых, в глазах мира, людей. Воистину, у них не было от Бога затаенного и ничего из того, что они могли бы пожалеть для Него. Такова была вера.

А тут еще к самому празднику везде расцвела черемуха, и ароматы ее овеяли наши пасхальные чувства. А тут еще такая у всех жажда молитвы благодарственной. Незабываемое время. Незабываемые яркие зарницы в ночной тьме жизни нашей. Облачение новое из беленой холстины мы сами к празднику шили. На службах пасхальных в алтаре стояли мальчики, тоже одетые в холстиные стихари, и мне прислуживали. Это была моя тайная школа Закона Божия. Около 20-ти мальчиков и учились у меня и украшали храм своим участием в богослужении. Родителям своим сим приносили они светлое, святое утешение.

Каждый день на Пасхальной неделе совершались в храме нашем утренняя, Божественная Литургия и вечером торжественная вечерня. Каждый день между утреней и обедней совершали мы крестный ход вокруг храма, и всяк, кто мог, пел Пасхальный канон. И сколько же тогда народа у нас перебывало. Не обинуясь можно сказать, что весь народ сельский из других деревень и весей, лежащих вокруг прихода нашего, был в эти дни с нами. Борис Федорович, церковный староста и человек резонный, говорил, что если мы будем так служение свое совершать и в будущем времени, то неверующих вообще не будет.

И у меня убогого ликование Пасхи и радость веры народной ощущались в сердце, как видение чудес Божиих. В этих чувствах укреплялась вера моя. Легче становился крест пастырский, и страшные годы нашего времени не ужасали душу мою.

Еще я видел и понимал тогда, что перед моим взором лежит необъятное поле нивы духовной. И сколько там жатвы! Сколько плодов, Господу созревающих!

ДЕНЬ ПАСХИ ХРИСТОВОЙ

Всепокоряющий день! Человек родился для этого дня. Что с нами было бы, если бы этого дня мы были лишены? Как бы тогда могли бы пережить весь ужас зла, окружающего нас? В этот день нареченный мы ясно видим, что будет, непременно будет другой день, когда всякое колено небесных, и земных, и преисподних преклонится пред именем Иисуса и Его всемирною победою. Этим днем все изменено в жизни нашей. И жало, уязвляющее нас, исчезло. Некто говорил: „Если я буду долго спать и проснусь весной, то всегда узнаю, был ли в этом году праздник Пасхи”.

То, что казалось вчера нам мало важным, сегодня стало величайшим и заслонило собою все прочее. То, что мы унизили, оскорбили в душе своей, воскресло ныне со Христом Господом. Где твоя, аде, победа?

Рассказывали мне, что где-то в магазине в день Пасхи одна дама потребовала жалобную книгу. Тогда все присутствующие возмутились таким поступком и в волнении закричали: „Разве можно в такой день писать жалобы?”

О, пресветлый и величайший день! Коснись своею радостью незаходимою всех, непрестанно тревожных, всех больных от стрел врага сердец человеческих, и принеси им свою драгоценную святыню. Озари светом своим сердца, сущие во мраке упорного невежества и в мятеже страстей. Дай познать им радость Воскресения Христова и ту радость, которая воссияла ныне всем погибающим.

В этот день даже самым приверженным к миру нужно уклониться и удалиться от его сладостей. В этот день надо быть особенно внимательным к себе, что-

бы не попустить мысленным татам украсть чистой-шую радость Праздника.

В этот день никто не рыдает, никто не смущается и не колеблется страхами и тревогами.

В этот день владычества Господа нашего Иисуса Христа везде постыдное бегство всех ожесточенных врагов Его.

В этот день везде великое знамение Его непобедимой победы: Христос Воскресе!

РАДОНИЦА

Радоница — радость усопшим и радость всем нам. Днесь все во гробех лежащие радуются Спасителю Воскресшему, смертью смерть поправшему. Еще радуются ныне усопшие молитве нашей, памяти нашей и любви к ним. Кто в этот день не воспоминает в молитвах своих прежде усопших отец и братий и родителей в вечную жизнь переселившихся, благодетелей и друзей, оставивших нас здесь, чтобы встретиться там! Днесь и мы все радуемся. Мы чувствуем, что в свете Воскресения Христова неразрывно соединены сердца дорогих нам покойников с сердцами нашими.

Мы радуемся, ибо верим, что они не мертвы, но живы и будет день, когда они восстанут от гробов своих. Мы радуемся, ибо надеемся увидеть их, увидеть тех, которые сокрыты ныне от нас во прахе могильном. Ныне мы особенно чувствуем взаимность любви с близкими сердцу дорогими покойниками. Когда они были живы, мы не так глубоко чувствовали свою связь с ними. Тогда у нас были взаимные обиды, огорчения, смуще-

ния, недоразумения, а теперь осталась одна любовь неотпадающая.

И такие дни, как радоница, ясно говорят нам, что мы с усопшими едины и нераздельны и что сердца наши не могут жить порознь. Покой, Господи, души усопших раб Твоих, сродников и друзей наших. Покой, Господи, всякую душу, ушедшую к Тебе. Услыши ныне и молитву нашу о праведных и согрешивших рабах Божиих, земную жизнь оставивших. Всех покрой милосердием Своим. Всех покрой тишиной и миром Твоим. Скажи им о нашей любви. И всем нам дай упование в день Твой судный сподобиться обрести милость Твою.

Радоница у нас всегда торжественно справляется на кладбище. К тому времени Господь изумительно и предивно украшает могилы рабов Своих, мирных жителей сельских. В это время везде царствует царица времен благоуханная, цветущая, ликующая весна. Ликует и на кладбище новая тварь. Поют там птички певчие. Везде зелено-голубая чистейшая травка. У могил расцвели первые весенние цветы: перелески, одуванчики и еще какие-то неведомые темносиние, как очи Архангела. Молитвенно поникли над могилами ветви берез, украшенные нежными светлыми листочками. На каждом надгробии стоит „канун”, т. е. чашка с медом, к которой прилеплена горящая свеча. На каждом надгробии простерта белая скатерть. На ней лежит утешение для поминающих и духовного клира, служащего панихиды. Раздвигая зеленые кусты, я медленно передвигаюсь от могилы к могиле. Везде задерживают. Везде еще и еще просят помолиться и провозгласить усопшим вечную память.

Люди стоят у дорогих им могил в строгом чине и

в невозмутимой сосредоточенности. Кажется, что все женщины, какие есть на селе, присутствуют тут. Куда ни глянешь, везде стоят кучки людей. Преобладают, безусловно, женщины в чистых, белых нарядах. Везде — среди тоненьких березовых ветвей, среди цветущих акаций, на яркой зелени полян, на скамеечках под тенью старых сосен — виднеются пришедшие к могилам присных своих. Сколько сегодня гробов оросится драгоценными слезами и светлыми горячими молитвами. Сколько молитв там возбудят молитвы здешние.

Вы, может быть, скажете, что это было и уже прошло. Вы, может быть, укажете на тот губительный ураган, которым разорены храмы наши, и бурным злым вихрем которого опустошены наши кладбища и осквернены многие могилы...

Вы, может быть, скажете, что теперь там не увидишь доброго пастыря, тихо поющего надгробную литию. Но подобные ваши слова не будут иметь достаточного основания. Все на свете умирает, но любовь остается.

На свете этом многое можно разрушить, осквернить, унижить, придушить. Но есть одна неразрушимая святыня. Эта святыня — союз наш молитвенный, единство наше духовное с тем миром, в котором нет земных вздыханий и злобы.

И теперь я слышу, что в день радоницы на кладбище нашего села, в котором нет уже храма, приходят опять люди. И опять кладут они на могилы пасхальные яйца, ставят „канун” и молятся. Говорят, что в этот день на кладбище опять бывает множество народа. Говорят, что и сейчас велик бывает там вопль молитвенный, за новых и новых усопших близких. И теперь, в этот день, струится там поток

молитвенный, и многие слезы бесценные орошают могилы. Не умерла вера на Святой Руси и не умрет.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГОМОЛЬЕ

Закуковала кукушка. Звенит, ликует и воцаряется везде весна. Рождается новая жизнь, рождается всюду, где только можно ей родиться. На буграх, обращенных к солнцу, первыми родились маленькие, совсем крохотные, голубые цветики. С ними стало сразу веселее, надежнее. В таинственной лесной темноте протянулись ветви берез с нежными прозрачными листиками. Вот дорожка лесная. Куда она ведет, — неизвестно. По ней прыгает весь облитый ярким праздничным светом воробей. Можно без ошибки сказать, что он в великом восторге. А кругом идут спешные приготовления. Лес, как невеста, убирается, хочет показать всю красоту свою. Сколько тут завтра новых цветов расцветет. Сколько тут вылезет из никому не ведомых недр жуков, букашек. Сколько новых птиц завтра запоют здесь новые песни Создателю своему. Еще вчера старый тополь, стоящий в углу церковной ограды, как будто не имел признаков жизни. А сегодня он шумит, не помня себя от радости, и всем рассказывает, и всех просит обратить внимание, что у него дивный, весело блистающий зелено-голубой наряд. Кукует кукушка. Завтра день будет еще прекраснее, еще лучезарнее...

В эту пору, когда загремят первые майские громы и зеленым бархатом покроются поля, у нас начинается пора общих для всего села богомолий. Богомолья бывают у нас исконные, совершаемые все-

гда в одни и те же установленные дни. И еще бывают молебны по оброку и в виду особых обстоятельств, когда казнь Господня людям угрожает, когда долгое время дождичка нет или прожорливый червь посеvy поедает, когда скотинка ни с того, ни с сего падает.

Никогда мое сердце не забудет таких общих молитв. В день общего богомолья литургия служится рано утром. После того как богомольцы приложатся ко кресту, из храма на поля износятся все чтимые иконы. Несут их в молчанье до молебна. Около ограды меня дожидается повозка. Кроме меня, в повозку садится староста церковный, наблюдатель жизни сокровенной, Борис Федорович. У него в руках водосвятная чаша и ящик со свечами. Вместе с нами отправляется также и псаломщик, имея при себе узел с облачением, богослужебные книги и кадильницу. Направляемся в Кирюхин верх. Там сходятся озимые и яровые поля. Уже издали мы видим собравшуюся там большую толпу. Мужики с обнаженными головами. Они сегодня неразговорчивы. Бабы все в белом. На богомолье яркое и красное одевать не полагается. В густой мягкой траве, среди золотых одуванчиков, стоит стол, покрытый белой скатертью. Толпа перед нами с глубокой почитательностью раздвигается. Многие берут пастырское благословение. Лишнего слова промолвить некому. Все объята ожиданием молитвы. В водосвятную чашу наливают холодную ключевую воду. На стол кладут кропило, связанное из молодых березовых веточек, полотенце и кружку для питья святой воды. Я благословляю начало молебна.

Большим полукругом стали против меня мужики и бабы, держащие в руках своих святые иконы.

Прямо предо мною две доброй жизни вдовы держат большой образ Матери Божией „Взыскание погибших”. Его особенно почитают в нашем селе. В каждый воскресный день, после утрени, перед этим образом в храме читается акафист, за которым молится вся собравшаяся церковь. У кого нет погибших и кто сам не погибает?

Рядом с Царицей Небесной два степенных мужичка имеют на руках своих изображение Ильи гремящего пророка. Называют еще его у нас „пророк Илья, батюшка, наделящий”. Нужно поусерднее, повнимательнее, со страхом попросить его, и он наделит бедного человека урожаем богатым.

На правой стороне от образа „Взыскание погибших” я вижу другие любимые верными образы „милосердия Божия” (у нас каждую икону называют „милосердием Божиим”). Вот преподобный Серафим Саровский с простертыми к небу руками стоит на камушке в глухом лесу. Вот человек Божий Алексей в рубище, с очами, зрящими иной мир. А вот великомученик и победоносец Георгий, поражающий злейшего дракона. Кому непонятно, что под этим драконом нужно разуместь всех врагов Христовых, видимых и невидимых? Высокий седовласый старец стоит с запрестольным крестом, а рядом с ним совсем юная девица, потупив взор свой, крепко взяла в руки образ всегдашнего заступника нашего, никого без милости не оставляющего, Святителя Николая Чудотворца великого.

„Даждь дождь земли жаждущей, Спасе! Бразды земные упой и умножи жита ея”. При этих словах все падают на колени. Как понятны, как близки эти слова молящемуся здесь. Прежде нисхождения капель дождевых уже пролиты на землю многие капли

слез молитвенных. Я знаю, я знаю больше, чем кто-либо другой, грехи своих прихожан. Я знаю, что у иных бремя греховное велико. Но я не имею намерения раскрывать здесь раны душевные чад своих, чтобы принести кому-нибудь злорадное удовольствие. Здесь я свидетельствую, что у простых сельских людей есть не только грехи, а и потрясающая душу способность искреннего раскаяния в них, способность быть верными сынами церковными и иметь веру, перешедшую в непоколебимую уверенность и надежду.

Спокойно, не спеша я служу молебен и вижу, как могут молиться „неученые” люди. Вижу людей своего села, которым ниспослана Божественная благодать. Молящиеся так — не могут быть без благодати. Вижу, как желающие держать иконы на молебне сменяют друг друга. Вижу их чистое благоговение, знаю, какую святою почестью они считают для себя постоять с иконою во время богомолья. Слышу я их тревоги и просьбы и сердцем своим говорю им: „Не бойтесь. Господь ваш никогда не оставит вас”.

Освятили воду. Псаломщик берет в руки водосвятную чашу, и я иду окроплять поля ржаные. Хожу по голубым озимым посевам, по щетинистым голубовато-розовым всходам овса. Благодарные взоры везде провожают меня. После молебна иконы несут обратно в храм, и все люди, бывшие на богомолье, сопровождают их. А мы, т. е. я, церковный староста и псаломщик, садимся опять в повозку и отправляемся на „общественный обед”. Испокон так ведется: по окончании общественного молебна батюшку везут к обеду, приготовленному на общие средства.

Когда мы из Кирюхина верха подъезжаем к гумнам села, то приходится обогнать белую толпу богомольцев, среди которой развеваются церковные хоругви. Нам слышно, как кто-то из молодых женщин запекает сильным высоким голосом „Христос воскрес из мертвых”. Сразу сотня голосов с одушевлением подхватывает эту вечную победную песнь: „смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав”. Рядом в лесу звучное весеннее эхо так же точно поет: „и сущим во гробех живот даровав”.

Блаженной памяти церковный староста, Борис Федорович, вынимает из кармана поддевки синюю тряпочку, предназначенную заменять носовой платок, утирает ею покрасневшие глаза свои и говорит: „Никак невозможно подумать, что враги Господа Иисуса Христа одолеют нас”.

ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СВЯТЫЯ ТРОИЦЫ

Еще накануне к каждому дому несут из лесу полные жизни ветви древесные и украшают ими жилища свои. Перед каждым домом под Троицын день вырастают молодые березовые рожицы. И все окна, и стены убраны зелеными ветвями, а передний угол, божница, в темной сени пониклых цветущих растений. На полу тоже трава расстелена. Когда она вянет и сохнет, то идет от нее щемящий душу аромат.

Рано утром в Троицын день, когда взойдет красное солнце и выгонят на пастбища скот, в каждом доме начинаются сборы грядущих на церковную молитву. Наряды известно у всех какие — деревенские, — но меня всегда трогало желание каждой ду-

ши на Троицын день идти в церковь в самом чистом, не ярком и, если можно, ненадеванном платье.

В церкви торжественно тихо. Храм, иконостас, весь алтарь как будто стоят среди леса. Везде березки, клены, вязы... Счастливые они. Срубили их в жертву Господу, чтобы принесли они людям светлую проповедь и украсили обители Божии. Входящие в храм кладут низкие поклоны и становятся на те места, где они обычно всегда молятся. Благоговению простых людей перед Господом своим многим учиться надо, как пастырям, так и тем православным христианам, которые часто превращают храм в вокзал.

В церкви у нас на Троицын день душно, хотя открыты все окна и двери. И от духоты и длительной молитвы многие изнемогли. Но стоять до конца эту службу троицкую жаждет всякая душа. Даже тогда, когда окончится молитва, некоторые долго не могут побудить себя выйти из храма.

Совершается Троицкая вечерня, и вся церковь стоит на коленях. В храме так тихо, что у порога церковного слышны слова молитвы: „Помяни ны смиренныя и осужденныя, возврати пленение душ наших... К Тебе привержени есмы от утробы, от чрева матери нашея Ты еси Бог наш, но яко исчезоша в суете дни наша, обнажихомся Твоя помощи. Грехов юности нашея и неведения не помяни и от тайных наших очисти ны. Возмери беззакония наша щедротами Твоими...”

Везде произносятся эти трепетные, вдохновенные слова, и в великих церковных собраниях и в убогом, жалком деревенском храме. Безмерна у Господа милость к падшему созданию Своему. И к кому Он не проявляет ее? Но знамение любви

Божией и причастие Святого Духа воспримут не все. „На кого воззрю, только на кроткого, смиренного, и трепещущего словес Моих”. Благодать Божия снизойдет на тех, кто с доверчивыми глазами глядит только на Него, кто ищет и просит помощи только у Него. Пусть эти люди будут грязны, темны, грешны, но то, что Бог утаил от премудрых и разумных, то дарует им.

Помощь от Бога, силу Его присносущую, благодать Духа Пресвятого испрашиваем мы днесь. И земная обстановка этого дня, березы над сенью алтарною, зеленые веточки в святом углу, увядающие цветы в руках смягчают души наши. И они становятся способными слышать вести небесные: „отдай Мне сердце твое, и Я вселю в него дары Духа Святого и дам ему радость, которой не знает земля, которую никогда никто не разрушит”.

СВЯТАЯ ТРОИЦА

Храм — уголок, где буду я завтра совершать Божественную службу, убрали молодыми зелеными радостными березками. И за иконами поставили тоже березовые ветви. С луга и с поля принесли букеты цветов. Все цветы простого происхождения: робкие колокольчики, ясные, как солнышко, лютики, незабудка — краса бедных невест, большие ромашки, четнечет, из которых дети венки плетут, малиновые смолки-свечки пасхальные, нежные, стыдливые купальницы... На дворе солнце и ослепительный свет. А в храмине нашей — прохладный предвечерний сумрак. От березок и трав легли тени, повеяло тишиною старого леса и глубокой задумчивостью.

Завтра Троица... Надвигается и приближается великий праздник. Убрали, украсили, принакрыли мы скорбь и нищету свою и чувствуем, что пришел к нам в гости Царь, имеющий могущество сделать нашу жизнь иной — пресветлой, присно радостной. И сердце уже не живет земной печалью, а говорит „странными глаголы, странными повелениями”. Смешною, ненужною кажется земная суета и заботливость. Далеко ушли глаза и уши. Душа вкушает покой и чувствует, что ушли далеко все ее тяготы. В эти минуты странническая жизнь моя приобретает драгоценный, премудрый смысл. Велик Бог наш и неизбывна, неисчислима Его любовь и милость. Велик Он в каждом создании Своем. Дивен и преславен Он во святых Своих, имже послан Дух животворящий. Но еще трогательнее, еще изумительнее, когда люди грешные, обнаженные от всякого добра, последние среди живущих на земле, не имеющие „ниже́ вида, ниже́ доброты”, имеют тоже причастие Духа Святаго, Имже Отец познавается и Сын прославляется.

О, зрелище предивное, потрясающее весь разум и все чувства. Вижу, как души самые несчастные, горчайшие, самые безутешные и поверженные в бездны мрака и безнадёжия, воспринимают величайший мир благодати Пресвятаго Духа. Вижу, как льются потоки милости небесной. Вижу, как дни непрестанных невзгод и бесконечного уныния претворяются во времена тихого причастия блаженства...

ДУХОВ ДЕНЬ

Претихим светом объято все: люди, храм наш и дома наши временные, убогие. После службы церковной возвращаюсь домой. У моего дома в маленьком саду радостно цветет множество цветов. Цветут и благоухают. Мимо них проходят люди, и кажется, нет ни одного, кто бы ласково не посмотрел на эти откровения небесной красоты, дарованной Духом Святым. У всех проходящих от взгляда на цветы лица озаряются улыбкой и какой-то неуловимую светозарностью. А некоторые даже остановятся и глядят на цветы долго и задумчиво. О чем они думают в этот миг? Только не о попечениях земных. Некоторые протягивают руку свою, чтобы сорвать какую-нибудь близко прижавшуюся к забору гвоздичку. И когда сорвут, то быстро куда-то понесут цветок и чувствуют себя богаче.

Душа невольно притягивается к цветам. Все люди любят украшать ими жизнь свою. Цветами украшают жилища. Из цветов сплетают венки и с радостью надевают их на себя. Самыми прекрасными цветами убирают невест. Самые прекрасные цветы кладут ко гробу и могиле усопших. Особенно трогательны дети и цветы, когда они вместе. Если мы улыбаемся при виде здешних цветов, если здешние цветы мы с любовью прижимаем к своей груди, то что мы будем делать и что будем чувствовать, когда увидим цветы небес, цветы нетленные, насажденные для душ святых?

О чем свидетельствует любовь к цветам? Не о том ли неискоренимом желании нашем иметь эти цветы небесные, которые подает Дух Святой. Мы любим цветы потому, что они зовут нас от земли на

небо. Это зовы к тому вечному прекрасному миру, где царствует жизнь Духа Святаго. Улыбнулся человек цветочку, и это уже признак его божественного благородства и величия. Идет суровый, мрачный, угнетенный тяготою дней человек, и вот перед ним цветы. И глаза человеческие становятся другими: ласковыми, способными прощать. Какие-то узы в то время у него разрешаются.

И в церкви сегодня пели: „Разрешает узы...” Дух Святой разрешает много тяжких уз. Разрешает узы греха в покаянии. Разрешает узы мрака жизни светом веры. Разрешает узы коварства демонского и плена от страстей. Разрешает узы смерти надеждою воскресения. Разрешает узы невежества законом Христовым.

И еще Божественный Дух разрешает тяжкие узы нерешимости всем сердцем, всем помышлением последовать Христу. Вспомните святых. Сначала они были самыми обыкновенными людьми. И вера их была такая же, как у других, примиренная с миром и его страстями. Потом настал день. Разрешились узы двойственного человека. Разрешились узы, связывающие человека с миром. Огнем Божественным, от Духа Святаго происходящим, попалились все сомнительности, всякое желание земной красоты, сладости и утешительности. Человек стал другим. Его уже не привлекает к себе этот мир. Его никто не задержит на пути к миру другому. Ангелы удивляются его решимости. Бесы трепещут от его непреклонности. Так разрешаются эти мучительные узы Духом Святым.

И наши души в узах земных тягот, в узах сени гли. От этих уз происходит двойственность

жизни нашей. От этих уз бессилие и неспособность жить по правде Божией и зреть красоту небесную.

Духом Твоим Святым разреши, Господи, эти горькие и скорбные узы. Разреши мне эти узы, Господи, и дай мне крылья голубиные, да полечу к Тебе и почию и увижу те цветы, которые цветут в Царстве Славы Твоей.

ХРАМ ДУШИ

Последнюю свою проповедь в приходе я говорил на Духов день, разумеется, не предполагая, что дни моей пастырской работы сочтены и что вскоре увезут меня в далекие края. Тогда я говорил своим милым, незабвенным, единокровным чадам духовным приблизительно такое слово:

„В наше время мы все являемся очевидцами, как быстро, скоротечно уничтожается в нашей стране видимая Церковь Христова. Закрываются храмы. Изгоняются добрые пастыри, а пастыри — бывшие наемники отказываются от веры и служения своего. Неверие похваляется своими великими успехами. И в самом деле, где только нет презрения к Церкви? Буря, воздвигнутая над Церковью дьяволом и слугами его, усиливается, и кто знает, что с нами будет вскоре? Может быть, мы останемся без храма, без службы церковной, без благословения и окормления пастырского. Может быть, тонкие ереси окружают нас и будут стремиться увлечь в свои сети. Может быть, враги Христовы для того, чтобы разорить веру на земле и Церковь Христову разрушить, прибегнут к страшным обманам, подделкам и чудесам.

Что нам тогда делать, чтобы быть с Господом? Как нам тогда жить, чтобы не разлучиться с Ним? Не позабудем тогда, что кроме храма, куда собирается Церковь на молитву, кроме видимой обители Святыя Троицы на земле, есть у нас еще и другая такая же обитель, незримая другими. Иногда эту обитель даже не знают те, которые носят ее в себе. Иногда эту обитель носящие ее содержат в нечистоте и грязи, пыли и паутине. Многие вспоминают эту обитель только в самые большие праздники. А в остальное время она завалена бывает мусором суетливости, навозом многозаботливости и рассеянности. Эта другая незримая обитель Святой Троицы есть храм каждой души христианской. И вот тогда, в то страшное время, когда закроются все храмы, когда некуда нам будет пойти, чтобы утолить жажду духовную, когда слово о Боге будет преступлением, тогда эта незримая обитель будет светить нам, будет греть души наши, будет хранить нашу надежду на избавление и спасение. И если в то страшное время испытания веры нашей эта внутренняя обитель Святой Троицы устоит, уцелеет в наших душах и сохранится в светлости небесной, — то нам тогда не будет страшно.

Если до того страшного времени не замрет жизнь Духа Святаго в храме души нашей, то мы несомненно переживем все свои духовные невзгоды и опасности. И опять доживем до того времени, когда зазвонят вновь колокола, призывая на молитву истинных рабов Христовых.

Но если мы ныне сей свой священный внутренний храм сохраним в небрежении, забвении и в нерадении, то как же тогда он будет свят? Как же тогда в ту лютую годину, ожидаемую нами, он может животворить души наши?

Чада мои милые! Пока есть еще у нас время и возможность, будем святить наш храм душевный, дабы пребывало в нем неотлучно Триипостасное Божество Отца и Сына и Святаго Духа. Будем прежде всего освящать его прикосновением к благодати Христовой, которая преподается в Его Церкви всем требующим.

Если вы тревожны теперь за судьбу храмов церковных, то еще больше будьте беспокойны за тот храм, который, кроме вас, никто разорить не может и благодаря которому надежда ваша на обретение вечной блаженной жизни никогда не умрет”.

„ВСЕХ СВЯТЫХ”

Я нахожусь в заключении на десятом коридоре Н-ского тюремного замка. Из наружных окон нашего отделения виден верх тюремной стены — „баркаса” — и за ней большой картофельный огород. Еще просмотреть можно лежащее за огородом и окруженное канавою кладбище. На кладбище высокая белая колокольня церкви Всех Святых. На огороде почти каждый день можно наблюдать людей в сером, копающих глубокие ямы. У этих ям лежат бугры красной глины. Люди в сером и ямы возбуждают мое любопытство. „Зачем эти ямы?” — спрашиваю я у моих товарищей. Товарищи, большей частью бандиты, смеются надо мной. Им удивительно иметь такого тюремного сожителя, который не знает таких обыкновенных, присущих жизни нашей вещей. „Это могилы, — посмеявшись, говорят они, — ночью убивают тут нашего брата и потом засыпают землей”. Когда они мне говорят такие сло-

ва, то глаза у них наполняются безумной, безграничной тоской...

На самом деле товарищи мои были правы. Утром я видел вчера вырытые ямы уже засыпанными. Поверх них лежала сырая темнокрасная глина. И тут же неподалеку люди в сером копали новые ямы.

Потом я сам стал очевидцем той страшной истины, какую поведали мне мои товарищи. Позднюю ночью я видел, как к свежевырытым ямам вели с фонарями приговоренных к смерти. Я слышал дикие, ужасные вопли, напрасные, раздирающие душу, мольбы о помощи...

Нам, арестантам, часто бывает слышен тихий звон: то утром и в вечерний час, призывая на молитву, звонят в церкви Всех Святых. Нам видно, как в церковь стекаются люди. Иногда даже долетают до нас звуки церковного пения. В погожие дни на кладбище царит оживление. Тогда там везде можно видеть людей. Живые навещают усопших. Тогда у многих могил стоят люди. Они молятся, беседуют или же находятся в глубокой задумчивости. Взрослые сюда приводят с собою детей. У детей и на кладбище веселье. Они затевают игры, звонко кричат и часто дружно, хором громко хохочут. Они часто, перепрыгнув канаву, забегают на тюремный огород, топчут маленькими ножками свежую глину на засыпанных ямах. А в это время люди в сером копают и копают новые могилы. Ой, как страшно живется на Русской земле. Кто уверен, что он не станет перед такую ямою, у бугорка с глиною в полночный час?

Знают ли молящиеся в церкви Всех Святых о том, что тут неподалеку от места их молитвы есть место насильственного разлучения душ с этим печальным миром? Знают ли дети, что ножки их топ-

чут могилы только вчера убиенных? И кто знает о том, сколько таких огородов существует теперь на Святой Руси? Нам неизвестно сие. Но есть уверенность, что об этом знают святые. Любовь все знает. А они полны любви ко всякому человеку погибающему, ко всякому безысходному страданию. И каждый умученный, лежащий в безвестной могиле, лежит в объятиях их любви.

Один из сидящих со мной в камере, человек, никогда ни на кого не смотрящий, сурово говорит: „Если человека убивают, то он непременно становится святым. Перед Богом и людьми он ложится тогда невинным в могилу. И от этих убийств все больше святых в нашей стране. И они все записаны у Бога в неизгладимых во веки книгах...”

„ПОМИНКИ”

„Сорок дней завтра будет нашей Настеньке, дорогой батюшка”. „Обеденку послужи по ней, дорогой наш батюшка. Ведь завтра душенька ее должна совсем определиться, где ей быть до Страшного суда”. Так мне говорила древняя маленькая старушка, пришедшая заказать литургию по своей любимой внучке, безвременно ушедшей из этого скорбного мира.

Рано утром, когда прогонят в поле скотину, я направляюсь в храм. У самой ограды церковной остатки старого барского сада, в густой траве пролегает узенькая тропинка, ведущая к церковной калитке. Близ ограды выстроился ровный ряд чистых светлых берез. Их вершины постоянно шепчутся на простом, но незнакомом мне языке. Кто знает, о чем

они шепчутся? Может быть, обо мне и о моей душе. А может быть, говорят друг другу о том, что сегодня будет принесена в этом храме Жертва Бескровная за душу крестьянской девицы — Настеньки, так мало вкусившей земных сладостей и огорчений. Я внемлю этому тихому шуму и сам, не зная почему, долго смотрю в высь бирюзовых небес. Потом вхожу в храм. Там, навстречу лучезарному весеннему утру, растворены все окна. Дьячок уже раскрыл на аналое богослужебные книги. Бабушка умершей Настеньки уже кладет усердные земные поклоны за ее душеньку. Сторож, он же пономарь, суетится, приготовляя ризы для служения. Кроме бабушки, в храме никого нет и не будет. День будний и для всех рабочих.

После утрени сразу начинается литургия. К местным иконам в иконостасе, а также „на канун” бабушка Настеньки поставила по тоненькой свечечке. Из открытых окон на эти свечи дует легкий, тихий ветер, но потушить их не может. Высоким тенором поет дьячок: „блаженни алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся”. Слышен говор проезжающих мимо церковной ограды крестьян. Я вижу, как проезжающие, услышав пение, крестятся. Когда псаломщик протяжно поет „со святыми упокой”, то в это время над открытым окном алтаря проносится стая быстрых стрижей. Бабушка сразу поднимает лицо свое от земли и изумленно на них глядит. Потом опять начинает она усердно класть глубокие поклоны. А псаломщик читает апостол: „Ина же плоть скотом, ина же рыбам, ина же птицам... ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует во славе. Такожде и воскресение мертвых: сеется в тление, возстает в нетление,

сеется не в честь, возстает в славе, сеется в немощи, возстает в силе: сеется тело душевное, возстает тело духовное...” Я совершаю каждение пустого храма и думаю о том мире, где Настенька, где будет читающий апостол дьячок Афанасий, где будет подающий мне кадило сторож Пронюшка и где буду я.

О, если бы возможно было и там служить литургию и чтобы за ней стояли эти близкие мне люди и все усопшие, которых я похоронил на своем приходе, и тихая Настенька с неповинными глазами, в белом платочке, покрывающем льяняные косы...

Понимает ли бабушка Настеньки читаемое в церкви? Вероятно, понимает и понимает глубоко. Взор ее просветлен, и молитва ее становится все усерднее, все горячее. Во время Херувимской волны фимиама кадильного поднимаются до самого купола и там неподвижно стоят. Когда на великом входе я стою на амвоне, то старушка и псаломщик опускаются на колени. „И всех вас православных христиан”, — произношу я и потом еще добавляю в сердце своем: „и вас отсутствующих чад церковных, духом своим пребывающих с нами, да помянет Господь Бог во Царствии Своем”.

Совершилось. Вот и к нам убогим и последним пришел Господь. Пресуществились Святые Дары в Тело и Кровь Христову. Душе легко, душе свободно, она в эти минуты видит всех, кому служила служением пастырским. И живые, и мертвые, и земные, и небесные граждане, — все в осязаемом единстве. Около двух часов идет литургия, и в это время в душе необозримое море переживаний, о которых невозможно рассказать слабым языком.

Дьячок поет запричастный: „Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил...” Он поет про горлицу,

у которой гнездо свое. Он поет о душе, которая имеет только одно желание — свить себе гнездо в доме Господнем. В церкви еще тише. В окна глядят великие просторы полей, великая печаль земли и тишина. А дым кадильный так и стоит до конца богослужения в самой вершине купола.

После обедни бабушкин брат Евграф, такой же приплюснутый годами старичок, как и бабушка, везет нас с псаломщиком поминать Настеньку к себе в дом. В доме, где жила и умерла Настенька, торжественно и чисто. Мух повыгнали, земляной пол посыпали золой, стол покрыт скатертью домотканною, на столе опять канун с горящей тоненькой свечкой. Пахнет черемухой и ладаном. Мы поем панихиду и потом садимся обедать. За стол вместе с нами садятся почетные гости: церковный староста, портной Яков Иванович, и всегда имеющий веселый взор на челе своем дядя Семен, по прозвищу сельскому „Чудо”. На стол прежде всего ставят два больших блюда: одно из них с мочеными антоновскими яблоками и другое с солеными огурцами. После того как мы отведаем этих плодов, то подают особенно горячую ржаную лапшу, в которой варилась курица. Потом сама бабушка ставит перед нами блюдо с густо засыпанной солью курицей и пшеничную кашу. Каша означает — окончание обеда. После обеда мы выходим на улицу под окна домика, где росла Настенька. Там стоит скамейка с кануном. Мы служим последнюю панихиду. После последней панихиды полагается родным испустить вопль крепкий по усопшему. Но по Настеньке рыдать некому. Бабушка бессильна и совсем устала от хлопот. Но нужно ли по Настеньке рыдать, разве она теперь в печали?

29 ИЮНЯ. СВЯТЫХ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛ ПЕТРА И ПАВЛА

В моей жизни не один раз бывали тягостные и трудные дни. Не один раз я лишался крова и имущества. Много лет провел я в изгнании, будучи насильственно лишаем богослужения, общения со своими духовными чадами и проживания в милых, родных краях. Неоднократно бывал в заключении и на стране далече, в работах горьких. Но самое трудное, что я испытал, это лишение Божественной Литургии. Дух мой особенно изнемогал, когда долгое время я не находил возможности причаститься Святых Христовых Таин. В таком положении я пребывал в то время, которое описываю здесь.

Преследуемый врагами церковными, я скитался. У меня тогда не было возможности совершить Литургию. Антиминс, данный мне моим архиереем, находился далеко от моего местопребывания, и поездка за ним была сопряжена с опасностями. Не было у меня также тогда с собой и Святых Даров. В то время я зело душевно страдал.

Добрые люди сказали мне, что в одном глухом, лесном селе, в двухстах верстах от Москвы служит монах, имеющий веру и уклоняющийся от послушания „Московской патриархии”. Непокойна была моя вера, и я решил совершить к этому монаху паломничество. Дорога была дальняя и мне незнакомая. Со мною были спутницы. Отправились мы туда за два дня до 29 июня, праздника св. Апостолов. Сначала нужно было ехать по железной дороге, а потом предстояло сорок верст идти пешком.

Мы долго шли тропинкой, пролежавшей по темному, тихому, старому лесу. Кругом нас стояли седые

ели. Их ряды, чем дальше шли мы, все теснее окружали нас. Часто приходилось терпеть неприятности от нижних сучьев. То и дело они задевали нас, лезли в лицо и больно хлестали. Только к полудню разорвался мрак. Вверху и впереди нас сквозь стволы вековых деревьев проглянули кусочки синего неба. Иногда в эти минуты в прискорбии своем возмущался дух мой. Иногда, когда я закрывал глаза, мне представлялись собранные в храме нашем мои дорогие духовные дети. Я в изнеможении своем тогда вопрошал к Богу: „Зачем я здесь? Зачем я в этих чужедальних краях и один? Почему я не с ними, врученными мне святой Церковью? Ты же, Господи, все можешь”.

И сердце тут же известилось ответом: „Успокойся и смирись, — говорил кто-то мне, — все это временно, и все это нужно для воспитания твоего, и все это происходит в планах Промысла Божия”.

И услышав такой ответ, я успокаивался и продолжал свой путь дальше... Поля ржаные, межи полынные. Васильки, кашка, ковыль. И море безбрежное золотых, спеющих колосьев. Тихий свет склонившегося к лесу солнца сияет слабо и нежно над желтеющими нивами. Около нас колея проселочной дороги, полная воды от недавно прошедших дождей. Ласково прикасаются ко мне золотые колосья. Взгляд мой устремлен вперед.

Святые Апостолы, помогите мне. Преемственно от вас я получил Божественную благодать на сей путь. Я не возмущаюсь, я не ропщу, я знаю, что впереди будет светлее. Я знаю, что такова воля Божия... Только помогите дойти, не ослабеть от немощей человеческих...

Опять старый лес. В нем покой и прохлада. В нем так торжественно, как в храме на престольный праздник. Не шелхнутся задумчивые сосны, в смущении кое-где притаились, опустив ветви, березки. Так же светит сквозь вершины деревьев особенно синее от глубины своей небо. Тихо... Только иногда как будто бы кто-то вздохнет в темных купах. Как будто бы кто-то молится там за бедную родину нашу и за нас. На поляне, среди тонких узоров вещего папоротника, мы присели отдохнуть. И опять набежали в душу невеселые думы. И опять нужно усилие, чтобы их прогнать.

Святые Апостолы! Эти думы сопровождали и вас в ваших трудах и болезнях. Но они проходили, разбиваясь о твердость веры вашей. Они проходили, потому что перед глазами вашими стоял всегда Он, в ушах ваших звучали Его слова: „Возрадуется сердце ваше и радости вашей никто не отнимет у вас”. Дайте мне частицу Его радости, святии Апостолы, дабы с нею совершил я тернистый путь свой.

Мы на ночлеге в том селе, которое было целью нашего путешествия. Совсем позднее время. Ночь наступила над селом, давши краткий покой изнуренным труженикам. Свежо, даже холодновато. На небе хороводы звезд, маленьких, больших, ярких и еле заметных. Везде ароматы скошенных трав. В селе пора покоса. Холодновато, и кажется, что звезды испытывают холодную свежесть ночи. Их свет дрожит и мерцает в неуверенности. На деревне погасли все огни, и приумолкла всякая жизнь. Месяц скатился за гумна, и уже на востоке появился неясный свет.

Я стою у убогой божнички и молюсь, но в душе опять незваные гости. Думы бегут одна за другой и

несут мое сердце к прежнему. С какой радостью меня бы встретили вновь мои духовные чада. Зачем я здесь?

И опять слышу голос, отвечающий мне: „Если ты идешь путем Его учеников, то не забывай никогда обетования Господа и Учителя своего: 'Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься' ”.

Зутро рано мы пошли в церковь. Она была маленькая, деревянная ветхая, и служил в ней такой же ветхий монах. За службой сей монах поименно каких-либо епископов не поминал. После утрени батюшка желающих причаститься исповедовал. Тогда исповедался у него и я. Полного доверия у меня к нему не было и поэтому опять пришлось таиться и скрывать правду о себе. Да не осудит меня Господь. Я бегал от преследований врагов Христовых и боялся быть пленником их. Многие, попавшие в такой плен, не сохранили веру и стали слугами демонов. Я сказал иеромонаху, что моя гражданская служба не позволяет мне исполнить долг верующего там, где проживаю. Боюсь за сие увольнение. Поэтому пришел сюда. На исповеди иеромонах внезапно спросил меня, — где я живу, и записал мой адрес. В сущности, у меня адреса не было. В то время я буквально не имел места, где бы мог приклонить главу свою. Адрес пришлось указать не точный.

Перед литургией всех желающих петь пригласили на хоры, и я туда пошел с радостью. Я жаждал петь. За пение меня особенно поблагодарили. Мужичок, похожий на писателя Гончарова, сунул в ладонь мою десять рублей.

Как простой мирянин, сложив руки на груди, я подошел к Святой Чаше. Мне трудно было верить

этому иеромонаху. Мне трудно было так смирить себя, но жажда соединиться со Христом превозмогла. После причащения я долго стоял у иконы святых Апостолов. Один из них был с мечом, другой — с ключами. Вот точно такая же икона была и в нашем храме. Тогда мне вспомнились слова от проповеди, говоренной мною некогда в этот день прихожанам: „А если бы тебя, христианин, Господь спросил: 'Любишь ли ты Меня?', что бы ты ответил? Если бы ты бежал страдания за Христа и увидел бы Его с крестом и с кроткой укоризной на челе, как бы ты поступил?“.

Теперь эти слова мне нужно приложить к себе...

Когда спала дневная жара, мы тронулись в обратную дорогу. Тропинки полевые! Как много вы исхожены мною. Луга и леса земли родной! Как долго я осматривал вас своими глазами. Часто так бывает: закрою глаза, и вижу одни дороги... Цветы полевые, печальные придорожные березки, дождевая вода в колее и необозримые, непроглядные дали впереди...

8 ИЮЛЯ. „У КАЗАНСКОЙ“

Это было в первые годы моего священства. Батюшка села Казанского, в приходе которого проживали мои родители, пригласил меня на свой престольный праздник. Под вечер, из дома батюшки, мы пошли ко всеюнощной. В ограде церковной была пустыньность. Древний деревянный храм был заперт, и из богомольцев еще никто не приходил. „Рабочая пора“, — пояснил мне батюшка.

В ограде стояла особенная тишина. Легкий ветерок еле-еле качал былинки высоких трав. Везде уже

лежали высокие тени. Мы с батюшкой сели в мягкую, как шелк, траву. Нежной прохладой овевало нас. Начались разговоры о церковной современности. Батюшка Казанский печалился об умирании веры в его приходе; о ветхости и запустении его храма. Он поведал мне о том, как местные „передовые и сознательные люди” хотели сжечь этот храм. Пока совершить этого преступления не удалось. Помешали верующие женщины. Но батюшка находился в тревогах и страхах. „Сожгут, непременно сожгут”, — уверял он меня. Я спросил батюшку о том, если ли у них в приходе скорбящие за церковь и заступники ее. „Есть, — ответил батюшка, — но большинство этих скорбящих скорбит только внутри себя. Идущих прямо и готовых за церковь жертвовать жизнью очень мало, и они все известны врагам церковным и их уже преследуют”. Я слушал батюшку и смотрел с грустью на старенькую церковочку, стоящую так мирно перед глазами нашими. Тес, которым были обшиты ее стены, почти весь зарос мхом. Трудно было понять, какой материал употребили на ее крышу. Так она вся выгорела, выветрилась и приняла серый земляной цвет и вид. При порывах ветра церковочка вся гудела и пела высокими голосами. И вся она была такая жалкая и беззащитная, и как будто бы говорила: „Сила моя в немощи совершается. Я не от мира сего”.

От скорбных рассказов батюшки, от глухих здешних мест на сердце у меня была печаль. Ведь это же все правда. Все ценное душе, все милое и родное русскому сердцу умирает. Это значит, что умирает и сама страна. А какие здесь были кругом безотрадные дали! От вида их сжималось сердце и хотелось горячо молиться, чтобы ушла эта жгучая пе-

чальность и чтобы пришла хоть самая малая отрадность.

Как будто бы в ответ на мои думы с колокольни раздался робкий, тихий звон. Сторож зазвонил ко всенощной. Мы вошли в храм и приложились к старинному образу Казанской Богоматери. „Прежде, — сказал батюшка, — от этого образа много чудес происходило”. Потом он вздохнул, покачал головой и еще добавил: „Ну как же мы теперь с такой слабой, малодушной верой можем требовать чуда?”

У всенощной молились почти одни только женщины. Из мужчин был один лишь древний дед. Но вера молящихся была видна. У многих на глазах были слезы. Я слышал глубокие вздохи и тихие, приглушенные вопли: „О, да помоги же Ты нам, Царице Небесная”. Пред чудотворным образом жарко горели убогие свечки. Просто, задушевно пели на клиросе сельские любители пения. К Богу шла молитва многих сердец единого духа и веры. Мы молились, и утешительно нам было, только где-то далеко внутри кто-то сказывал: „Не дремлет враг и готовит искушение. Бдите, не прерывайте молитвы”.

Утром мы с казанским батюшкой литургисали. Тогда он меня попросил сказать молящимся слово, приличествующее дню.

Это слово я сказал так: „Мы погибаем. И страшно то, что мы видим, как враги наши губят нас. Мы видим, как скудеет истинным добром страна наша и каждый из нас. Мы видим, как ширится и проникает во многие сердца безверие и нечестие. Что же нам делать? Человечи нам не помогут. Все до одного они в немощах и грехопадениях. Только одна надежда у нас. Эта надежда — Царица Небесная, Заступница усердная рода христианского. Положи себе в вели-

кий долг и обязанность умолять Ее неотступно, непрестанно, не только сегодня, но всегда, и утром, и днем, и вечером, и ночью, и в поле, и на дороге, и в труде. Сколько раз Она приходила на помощь стране нашей и православному народу нашему. Чтобы Она услышала нас, нужно иметь только веру. Поэтому пусть вера наша горит перед Нею пламенем не потухающим. Я знаю, какая великая горячая вера была прежде в русских людях. О, если бы мы могли иметь таковую веру. Как скоро Она бы услышала нас и отняла бы всякую слезу от лица земли нашей и печаль от сердец наших”.

После литургии в алтарь пришел церковный староста и предупредил нас о том, что местные коммунисты хотят прицепиться к моей проповеди и привлечь меня „к ответственности”. Сей добрый крестьянин предложил мне пройти с ним северными дверями храма в ограду, а оттуда — прямо к нему на мельницу. Пришлось последовать этому совету. По милости Божией, мне сопутствовало благополучие. Поздним вечером староста повез меня к месту моего служения.

После посещения села Казанского некоторое время я находился в тревогах и опасениях. Но эти тревоги были напрасны. За проповедь, сказанную в Казанском селе, меня не преследовали, но храм Казанской вскоре все-таки сожгли. Рассказывали, что спалил его подкупленный церковный сторож. Спустя год после пожара мне пришлось проезжать теми местами. На том месте, где был храм, я увидел высокий бурьян, сквозь который кое-где просвечивали камни фундамента. Росли там широкие лопухи, глухая крапива, серые репейники и еще мягкая шелко-

вистая травка, подобная той, на которой мы лежали с казанским батюшкой.

Я глядел на этот бурьян и говорил самому себе: „Не нужно унывать. Если ложь так быстро распространилась и укрепилась, то разве можно думать, что правда бессильнее лжи. Ложь распространилась, но победить правду она не может. Я верю в человеческую душу. Я знаю, твердо знаю, что душа человеческая жила и будет жить лишь правдою Христовой”.

6 АВГУСТА. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Летом храм у нас богомольцами посещается меньше, чем в другое время. Это понятно. У сельских жителей летом много забот о хлебе насущном и много тяжкого труда.

В первый раз после трудных летних работ наш храм бывает переполнен людом Божиим на праздник Преображения Господня. Накануне этого праздника у нас всегда бывала всенощная. Из окон церковных видно пыльную дорогу, поникшие кусты и деревья. На деревьях уже поблеклая, ожестелая, дребезжащая листва. А вдали густые туманы и столбы пыли. Утомительно в такие безрадостные дни идти по пыльной дороге в далекий путь. Трудно путешествовать без утешения, без утоления жажды, но что делать, если идти нужно. На земле человек обречен странствовать. Если родился, умирать надо и обязательно надо идти. Имея всю жизнь свою далекий страннический путь, я всем сердцем сочувствую всем скитальцам и пришельцам. Да пошлет им Господь на их изнурительном шествии отраду, вечерний покой и сострадание доброго сердца.

Церковь ныне полна народа. Много усердно молящихся, много слышно вздохов, а многих мук приносимых сюда никто не знает, кроме Бога и того, кто их принес.

В каждом богомольце я вижу путника. Все странствуют, куда-то идут, спотыкаются, заблуждаются часто, изнемогают и падают, но идут. И кто поддерживает на этом пути, кроме Его. Вот все лето трудились, трудились много и трудно, но возблагодарить за труды, дать покой и награду истомленному сердцу может только Он. Все лежит в воле Господней.

Солнце клонится к западу своему. Одна за другой мимо храма тянутся скрипучие телеги со снопами. В храме совершается лития. Поют много раз: „Господи, помилуй“, и народ стоит стеной, ожидая милости и радости с небес. Пропели стихиры на стиховне, „Ныне отпускаеши“, и потом в первый раз зазвучал в сердцах тропарь Праздника „Преобразился еси на горе Христе Боже“. В народе волнение, многим хочется встать на колени, но мешает теснота. Мужчины стремятся подпеть певчим. Хотя и в храме редко бывает иной мужичок и мало слов тропаря Преображенского знает, но сердце его хочет петь. И вот поет почти каждый богомолец: „Да возсияет и нам грешным свет Твой Присносущный“.

Руки у иного певца заскорузлы, лицо выветрилось, надеты на нем лапти-бахилки и вся в заплатах поддевка. Что думает его душа, когда он поет? Несомненно, она чувствует, что жизнь трудна, смрадна и обманна. Жизнь полна грехов и нет сил от них избавиться. Но душа просится в блаженную, пресветлую страну! „Да возсияет и нам грешным свет Твой Присносущный“.

Можно ли думать, чтобы Свет Фаворский, Свет неприступный, несотворенный, Свет Его Божества воссиял нам грешным и озарил бы всю жизнь нашу? Можно ли предполагать, чтобы дурная слава наша стала доброй? Можно ли верить, что дни наши будут (совсем) иными в присносушном Свете Его Божества? И мнится мне, что эта простая душа, поющая теперь тропарь Преображенский, крепко верует, что именно будет все так по милости Божией. Она верует, что пройдет все житейское, т. е. то, в чем были мрак, муть, нечистота. Она верует, что над бедными жилищами, над смиренными нивами и над главами всех, прибегающих к Нему, непременно возоблистают лучи Света Присносушного.

Поет богомолец праздничный тропарь и крепко молится Богу. „Да возсияет и нам грешным свет Твой Присносушный”. От этого Света да воспламенится Твоим Божественным огнем наша молитва. С пламенной молитвой легко и сладостно жить.

Да воссияет от Света Твоего мир душам нашим. Как иссохшая земля ждет дождя, так душа жаждет мира от Господа. В пути своем нудном и унылом мы часто теряем надежду получить этот мир. Но тем более он будет радостен и утешителен, когда придет. Мы веруем, что Господь успокоит сердца наша. И придет к каждой ране нашей исцеление. Мир Господень непременно придет, придет, как приходит роса вечерняя в теплые летние сумерки на туманные луга и долины.

Да воссияет нам от Света Твоего твердость и мужество терпения. Ныне нам много нужно терпеть. Мы знаем, мы верим, что пройдут скорби, и будет радость, но теперь дай нам, Боже, мужество для терпения.

Да воссияет нам грешным от Света Твоего Присносущного беззлобие и любовь. Теперь любовь в человеческой жизни умаляется и совсем иссякает. Вместо нее всюду воцаряется взаимная озлобленность. Человек Твой, Господи, образ и подобие Твое теряет все чаще и все больше. Человек теряет Твой образ без сожаления, без скорби о том, что он перестает быть человеком. Защити, Господи, человека в человеке. Озари и оживи Светом Твоим мрак души, чтобы она возгорелась любовью Твоею.

Свет Твой есть любовь Твоя. О, как хочется разрушить окружающую душу мглу греховную и быть рабом Божиим послушливым, верным, искренним. Какое неизреченное блаженство будет чувствовать человек, когда вернет себе все потерянные сокровища. Но без Тебя, без Света Твоего, без милости Твоей мы сотворить добра не можем и остаемся такими же, какими были. „Да воссияет и нам грешным Свет Твой Присносущный”.

В туманах гаснет розовая заря. Скрипят телеги со снопами. В храме ярко горят свечи перед образом Преображения Господня и зовут они всю душу, всю веру еще усерднее помолиться: „Да воссияет и нам грешным Свет Твой Присносущный”.

17-е АВГУСТА

В этот день утвердил Господь на земле путь мой. 14 августа я приехал в свой губернский город, будучи обыкновенным, заурядным человеком, бледным гражданином советской республики. Тогда я был в поношенном сереньком костюмчике и в старой фетровой шляпе, ничем не отличаясь от других город-

ских обывателей. А уже 18 августа, облаченный в золотое, парчевое, священническое облачение, я стоял перед Престолом Божиим и, вознося к небу великую Чашу Завета Христова, дрожащим от волнения голосом говорил вслух всем: „Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся”. Во мгновение ока Божественная Благодать изменила и определила навсегда жизнь мою.

Так ясны всегда в памяти и никогда не будут забвенны эти величайшие события земного бытия моего. Не унесут их суетливые вереницы дней, не заглушат страдания. В день праздника Успения Пресвятыя Богородицы я был рукоположен во диакона. В день же 17 августа, егда Пречистую погребали в Гефсиманской веси, святитель нашей церкви дал мне в руки Тело Христово и сказал: „Приими залог Сей, о Нем же истязан будешь в день оный”.

17 августа Владыка наш служил в женском Успенском монастыре. Там им и было совершено рукоположение меня во священника. Накануне в монастыре была всенощная с чином погребения Богоматери. Перед всенощной все насельницы обители вышли навстречу святителю. От врат обители до паперти нового монастырского храма стояли двумя тесными рядами сестры-инокини. Между ними была приготовлена дорога к храму, вся усыпанная цветами. По ней шествовал Владыка. Ему пели „славу” и, на цветы у его ног лежащие, кидали еще цветы. Никто тогда не думал, что мы переживали последние дни мирной молитвы и прежнего русского церковного благолепия. Никто тогда не знал, что Святая Русская Церковь уже вступала на великую Голгофу. Не ведал и наш святитель, что он идет по последним цветам без шипов. Эти цветы были пророчески-

ми для него. С тех пор еще не прошло года, как путь святителя нашего стал узким и прискорбным. Горькие цветы зла украсили тогда дорогу владычнюю. Не прошло года, как над главою Владыки воссиял венец мученичества. Наглые издевательства, оплевания и заушения, узы темничные и так называемый „судебный процесс”, потом „Соловки”, — это только некоторые печальные цветы, которые украсили путь архиерея нашего.

В тот приснопамятный день мы еще почивали в мире глубоцем и были в покое. После встречи Владыки началось благоговейное совершение вечернего богослужения. Пели два больших хора: монастырский и архиерейский. Сердца призывались от земли на небо. Искренне скажу, что в те святые минуты ничто земное не тревожило меня.

Наутро в монастырском храме (соборе) совершалась Литургия, и за этой Литургией я принял дар пастырства. С трепетом, до сих пор ясным, я опустился на колени у Престола Божия, и Преосвященный Владыка возложил на меня свои руки. „Божественная благодать немощная врачующая...”, — слышал я голос святителя и уже больше ничего не слышал. Так было взволновано сердце, такие восторги были у души. Еще помню три слова Владыки: „Приими Залог Сей...” Еще видел в своих руках, нечистых от грехов, Божественного Агнца, взявшего грехи всего мира. Слезы обильно текли из глаз моих. Я часто путался и сбивался от чувств, переполнявших сердце. Все происходящее со мной представлялось дивным сонным видением. Странно, дивно и изумительно сознать себя священником, имеющим такие дары, какие не имеют Ангелы. Сбивчиво читал заамвонную молитву. Потом стали меня по-

здравлять: сначала поздравляли служащие в алтаре, а затем многие прочие. Матушки монастырские подходили ко мне под благословение. Благословение только что рукоположенного священника почитается особенно ценным.

Уехал наш Владыка. Разошлись все сослужащие ему. Последним из храма вышел я. На паперти меня остановила одна плачущая монахиня. Она обратилась ко мне с просьбой поисповедовать другую, умирающую от внезапной болезни, инокиню. По ее словам, их духовник куда-то отлучился и найти его не представлялось возможным. Ну, а матушка болящая вот-вот может умереть. Не умирать же ей без напутствия церковного. Диакон мне принес епитрахиль и сумочку со Святыми Дарами. В монастырской келье, перед большим образом Успения Пресвятыя Богородицы, я впервые принял исповедь кающейся грешницы. После исповеди в душу пришло смущение и отягчение, но вскоре, по милости Божией, опять покрыл душу мою мир.

Такие чудеса и странные повеления Божии были в моей жизни, и всех их великое действие на внутренний состав мой я не в силах выразить и описать.

ВЕЧЕРНЯ В АВГУСТЕ

Солнце склонилось на запад. Полнеба в золотых огнях. Даже у маленьких сиреневых тучек золотые края. Под небесами печальные просторы полей. Какая глубина печали в российских полях. От этой родной печали непременно заплачешь крупными горькими слезами. Эта печаль — пророчественна.

Она зовет душу в страну, далеко, далеко лежащую от земли.

Двери в храм открыты. Оттуда слышно пение вечернего псалма: „Благослови, душе моя, Господа. Благословен еси Господи. Дивны дела Твоя Господи. Вся премудростию сотворил еси”. Поют два голоса: один высокий, грудной, женский, другой же покойный, несомненно, принадлежал мужчине молодых лет.

В церкви совершается вечернее богослужение. Совершается вечерняя молитва за весь православный люд на селе. Молящихся в храме мало. Еще не закончился трудовой день. Многие жители сельские отошли на делание свое даже до позднего вечера и еще не вернулись домой. Но церковь молится за всех чад своих и слышит биение каждого сердца сыновнего. Те немногие, которые пришли сюда, прячутся с молитвой своей по темным углам церкви, где всегда сумрак и прохлада. Только глубокие вздохи да тихий шорох при поклонах земных говорит, что храм жив, и жив он высшею жизнью, к которой Бог призвал человека.

Все ниже и ниже опускается солнце к горизонту. Все длиннее тени от придорожных ветел. Из окон церковных видно, как на поля, на пашни и дальний лес ложится вечерняя безгласность и покой. „Свете тихий святых славы” — медленно и торжественно поет бас на клиросе, а в окно брызнули лучи червонного золота. И амвон весь, и чугунная решетка кругом него стали золотыми. Священник совершает вход с кадилом. Лицо его тоже в лучах солнечных, а также в сиянии внутренней радости. Радостно он глядит на золото, появившееся в таком изобилии, и жмурит глаза. Слишком много щедрости Божией.

Как тихо в алтаре. Только слышно, как звенит кадило. Легкое дуновение не приметного ветра, вкравшегося через растворенное окно, медленно колеблет пряди волос у батюшки. Прогнали стадо. Слышен бич пастуха. Потом опять умолкают все звуки и становится еще тише. За престолом икона Воскресения Христова, написанная на прозрачном полотне. Хотя в храме уже сумерки, но от иконы идет тихий свет. Воскресший Господь виден всем, даже стоящим у западных врат. Батюшка стоит у престола и смотрит на Победителя ада и смерти. Уста батюшки, кажется, что-то шепчут Ему. И завтра, и послезавтра, и до самого последнего дня жизни он будет стоять у этого образа так, как перед Ним Самим. Пастырь расскажет Ему скорби свои и скорби детей своих, и примет от Него утешение. Единства пастырского с Ним никто разрушить не может. Не разрушит этого единства тяжкий недуг, изгнание, заточение, темница и смерть. Он всегда будет у пастыря пред очами, всегда возьмет скорбь и даст радость.

На клиросе поют „Ныне отпускаеши”... Грустный женский голос сострадательно говорит: „Мы призваны видеть другие зори и зарницы, которые несравненно прекраснее земных, мы должны еще пойти туда, где обретается истинный покой и мир сердцу”.

Священник стоит на коленях у престола. Он молится. Он весь у престола Бога своего. Пламень молитвы отражается на лице его. Душа пребывает в своей родной стихии. Он не просит благ земных. Он отдает Богу сердце свое, и Бог покрывает его душу Своей Благостию.

Молись, пастырь, и знай, что нет на земле чего-либо более драгоценного и высокого, нежели твоя молитва.

Молись, пастырь. На земле ты можешь разными делами заниматься, но помни, что в твоей молитве тебя никто заменить не может. Только тебе дан дар молитвы, предстоящей за люди грешные.

Молись, пастырь, чтобы все чада твои почувствовали любовь твою и сохранили веру свою при всех напастях вражиих.

Молись, пастырь, чтобы свирепые волны зла сатанинского не потопили бы добра Иисусова в твоём приходе.

29-е АВГУСТА

Поздняя ночь. Холодно. Одетого в летнее платье знобит. На небе скорбный рог месяца. Он то покрывается изорванными в мелкие кусочки кисейными облачками, то совсем обнаженный равнодушно рассматривает земные картины. Кое-где трепещут далекие холодные звезды. Где-то в невидимом поле поют песню. Придорожная ива тревожно шумит отвердевшими листьями. Иногда раздаётся гудок паровоза грудной, певучий, куда-то зовущий. После он оставляет в душе глубокую неразрешимую боль. У крайней хаты кто-то долго и громко стучит в окно. Много грусти лежит в долинах земли.

Я сижу у опушки леса и тревожно гляжу на еле заметные домики маленькой деревушки, где предполагаю ночевать и завтра, если возможно будет, служить Божественную литургию. Уже несколько лет я скитаюсь по белому свету. Другого выхода в жизни моей не нашлось. Принимают меня разные добрые люди и в сокровенных местах, тайно от злобного мира, со мною вместе молится малое ста-

до Церкви Христовой. Иногда обстоятельства мне не улыбаются. Другой раз, даже и в большие праздники, я не имею возможности отправить Литургию. А иногда бывает так трудно, что я молюсь только внутренне. Что делать. Такова воля Божия. Только таким теперь может быть путь православного священника на Руси.

Я сижу на опушке леса и дожидаясь своих посланцев в деревню. Они должны принести извещение, можно ли будет в этой деревушке мне сегодня приклонить главу и завтра в день памяти Усекновения главы св. Иоанна Предтечи там молиться вместе с присными. Теперь я в тревогах и боязни. Хрустнет сучок в лесу, перелетит птица с одного дерева на другое — и мне становится страшно. А посланцев моих все нет. Успокоение мое может прийти только изнутри.

Я странствую. Прошло уже несколько лет, как я перехожу из града в град, из села в село. И везде я не свой, а чужедальный странник. У меня нет постели, которую я мог бы назвать своей постелью, у меня нет дома, про который я мог бы сказать: „Вот дом, где я живу”.

Я странствую... Люди по-разному встречают меня. Одни тяготеют меня принимать. Другие от меня ищут себе выгод. Многие меня обижают, и я еще так слаб, что без горьких слез не могу перенести этих обид. Иногда мне предлагают пищу, отдых, ночлег. Иногда ничего не предлагают. Я всегда и везде должен молча ждать и быть готовым ко всякому со мной обращению: иногда люди боятся меня принять, и тогда я должен мучительно думать, куда мне дальше идти... Понимающих крестный путь мой я встречаю все меньше и меньше. Часто мне хочется

отдохнуть, но я вижу, что всех стесняю и всем я в тягость. „Если бы было другое время, другие обстоятельства, — говорят мне часто люди, — как бы мы вас приняли и утешили”. Они не могут понять, что мой скитальческий путь не при всех обстоятельствах должен быть таким, каков он теперь.

Я странствую... Грезится мне счастливое детство, ласки родителей, уют родного дома... Грезится мне церковь, в которую я ходил каждый день. Еще грезится мне лучезарное утро, в которое получу я свое счастье и свою долю. Но я явственно знаю, что эти грезы не нужны и напрасны. С ними еще огорчительнее. Я отгоняю их, но отогнать не всегда могу.

Я странствую... Далеко, далеко отстоят от меня все искренние друзья мои. Защитить меня и заступиться на земле за меня некому. И я часто должен мучительно думать: куда идти?

Чу! Ко мне приближаются люди. Голоса знакомые. То — посланцы мои. Что-то они мне скажут? Могу ли я сегодня отдохнуть и завтра праздновать по-церковному праздник Усекновения главы Предтечи Господня.

8-е СЕНТЯБРЯ

Еще тепло, как летом. А среди дня даже бывает жарко. Но эта теплота только томит и не радует, как радовал сердце луч солнца весеннего. На земле уже все выцвело, выгорело, все стало неясным и мутным. Везде блеклые краски: на поникшей отвердевшей земле, на сжатых нивах, на вершинах неподвижных деревьев. Притом еще стоит какая-то напряженная тишина. Все притаилось, как будто бы ожидая

особенного, из ряда вон выходящего, события. Вот-вот должен прийти кто-то великий, могущественный и объявить всем определение судьбы.

Умолкли везде полевые, лесные, придорожные хоры и оркестры всякой птичьей твари. Утренние туманы стали долго стоять. Укутанные ими березы и ели кажутся облаченными в траур. Они похожи на толпу родственников, присутствующих на заупокойном богослужении. А за скорбными туманами, там, ближе к горизонту, над грядкой лесов, виднеется не небо, а беловатая непроглядная муть. Молоденькая красавица-березка, стоящая на лесной опушке, уже запечалилась. Сквозь изумруд своих ветвей она всем показывала побледневшие, пожелтевшие листочки. Так показывают свою нищету просящие милостыню в первый раз. Под окном неслышно зацветают астры, а там дальше, под светлыми кленами, то ли кружатся первые опавшие листья, то ли бабочки-капустницы напоминают о том, что должно вскоре случиться. Еще объятия осени нежны, но разве от этого не грустнее грусть? Представьте себе, что самый любимый ваш друг тихо подошел к вам и промолвил нежно-печально: „Я ухожу от тебя навсегда”. Такова первоначальная осень. Внимательно посмотри в это время на землю, и ты увидишь страницу великой книги, которую Бог дал людям для познания великой мудрости.

Сегодня праздник глубочайших человеческих надежд. Сегодня праздник беспредельного, необъятного разумом, возвеличения человека Богом. У нас на селе благовестят к Литургии, и со всех концов движутся к храму белые шушуны. То сельские женщины стекаются в Церковь Божию на молитву. В то время, когда в природе знамение разлуки и ясное

свидетельство непрочности земных очарований и упований, у нас в храме — дивное видение несомненной надежды и великой радости.

„Сей день Господень, радуйтесь людие”. Се ныне рождается Матерь-Дева, „вводящая Христа во вселенную”. Пусть земное все увядает, пусть всякому земному блаженству и утешению зрится окончание. Есть неувядаемая радость, есть утоление всех слез от лица земли. Для каждого бедного печального сердца есть благовещение неоскудеваемой радости, есть благовещение небесного мира и благоволения...

Ныне миру явлена Пречистая Дева. Не исчислить нам всех благодетельных плодов, явленных радостию нынешнего дня. Мы чувствуем свое родство с Ней. Мы не можем быть без тесного общения с Ней. Все надежды наши обращены на Ее любовь к нам. С тех пор как мы стали разумно веровать, очи сердец наших всегда взирают на Нее. Мы не можем жить без Ее поддержки и защиты. Как ни тягостны скорби наши, но, имея пред путем своим Пресвятую Деву, мы все перенесем.

Ожесточились сердца человеческие. Но изнесите к народу образ Пречистой, поставьте Его перед всеми грешниками и скажите: „Кайтесь. Она слышит вас. Она помилует вас”. И тогда увидите вы море великое слез покаянных. Пусть тлеет тленное. Яко Необоримая Стена — защита душам христианским Пресвятая Богородице. Сердце, на Нее уповающее, не переживает осени и ее печали.

Белые шушуны женщин-богомолок расположились в церкви стаями. Одна стая стоит у кануна родительского, другая безмолвствует у Голгофы. Еще одна стая окружила образ Пречистой. И где стоят эти смиренные богомолицы, там ярко горят свечи.

И чудится мне, что кто-то громко среди них говорит: „Радуйся, Надеждо ненадежных. Радуйся, взыскание погибших. Радуйся, скоропослушливо молитвы наши приемлющая. Радуйся, нечаянную радость верным дарующая. Радуйся, утолившая всякую печаль”.

Если ты унижен и изможден суровыми днями жизни своей, обратись к Ней усердно, и твоя душа испытает невозмутимый покой. Если ты разочарован в счастье земном, если тебя обманывают любимые тобою, если ты не можешь жить без ласки и утешения, то всем сердцем обратись к Ней и почувствуешь Ее любовь к тебе, ту любовь, которая никогда не изменит и не покинет. Она любит тебя, как не любила тебя родная мать. Она постоянно льет слезы о тебе и всегда жалеет тебя, несмотря на то, что ты самый отчаянный грешник. Если ты глубоко душевно страдаешь и этим страданиям не видишь предела, то с пламенем молитвенным стань перед Нею и узришь тогда драгоценность Ее милосердия. Тогда к страданию твоему Она принесет радость, какой никогда не знала земля. Если обуревают тебя сомнения и шатания ума, припади к Ней, и Она пошлет твоей душе мир небесный и разрешит тебя от тяготы и мучительства, приносимых земным мудрованием. Она примирит тебя с Сыном Своим и подаст живую воду чистой, твердой веры...

Как волны в море плещутся к берегам, так со всех сторон прибывают к церкви белые шушуны. Все ярче горят пуки свечей пред образом Пречистой. У нас в церковной жизни осени нет. В церкви благовестуется только радость, которой нет предела и которая утоляет всю земную прискорбность.

14 СЕНТЯБРЯ. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ

С деревьев падают листья, падают тихо, непрерывно с какою-то неизвестной нам равномерностью. А когда осенний вихрь налетит на вершины берез, то они судорожно, страдальчески затрепещут и сразу останутся обнаженными. На дорожках в саду из опавших разноцветных листьев сделались прекрасные ковры — ковры осени. Под ногами листья странно шуршат. Кажется, что они просят вспомнить прошлое, то прошлое, когда они так ликующе звенели в вышине.

Сегодня осень привела мороз. Домой все приходят с румяными щеками и озябшими руками. Пришедшие улыбаются, но как-то непрочно. В корзинах лежат опенки — последние грибы. И везде, везде все видишь последнее. Широко отверзлась печаль, которую скрывало своими одеждами лето. Только теперь стало видно, как глубока и постоянна печаль на земле. Стало видно, что на земле негде искать утешения. И слышно, как сердцу кто-то говорит: „Если что и найдешь здесь, то я подойду, раскрою покровы временных земных обольщений и покажу тебе, как все тут неутолимо печально”. Природа великая наша учительница, и всем она показывает тленность и превратность устоев земных. Но где же человеку найти источник сил для преодоления как будто бы непреодолимой земной печали? Чем жить? В чем положить основание своей жизни, если в мире „все проходит и исчезает?”

Сегодня посреди церкви на аналое лежит обвитый увядающими осенними цветами Животворящий Крест Христов. Подходят к аналою люди и, сосредото-

точившись, здесь стоят. Стоят долго, как будто бы что-то вспоминают. Потом кладут Кресту земной поклон и с измененным лицом, умилившись, лобзают Его. „Иже крестом ограждаеми, врагу противляемя, не боящяся того коварства и ловительства...”

Простой православный человек знает, что только в Кресте Христовом — сила для жизни, что только в Кресте тайна любви Божией. В великой, страшной борьбе зла с правдой Евангельской побеждает только Крест Христов. Зло и происходящее от него безнадёжные дни наших побеждает тот, кто идет с Крестом Христовым, кто верит в Его силу всепобеждающую.

Я знаю одного пастыря. У него отнято было все: умерла жена, погибли дети, его изгнали из дома своего, лишили прихода, лишили свободы, отправили на дальний север для горьких работ. С места изгнания своего он писал, что с любовью воспринял эти кресты и понял волю Божию, вручающую ему лучшее наследство. „Если бы не было креста, — писал он, — то я бы не принял такого изумительного богатства”.

Сколько еще есть на свете подобных пастырей и душ христианских.

В этот праздник за всенощной мы в своем маленьком храме по положенному чину воздвигаем Крест Господень. Когда я среди церкви возвожу и низвожу Честный Крест, то певчие много раз поют: „Господи, помилуй”. В то время я вижу много глаз, смотрящих на распятие Бога нашего. Это глаза веры, горячей веры во Христа Господа. Это — глаза надежды, глаза согрешивших и уповающих на прощение. Это — глаза любви. „Все пройдет, — говорят эти

глаза, — но останется навеки моя жажда неразлучно быть с Тобою”.

Я верую, что будет иное время. Будет оно непременно. Высоко над землей, над всем грешным миром будет поднят Крест Христов. И обратятся тогда к Нему взоры всего человечества и живого, и составшего из мертвых. Одни из людей тогда будут смотреть на Крест с таким же упованием, с каким на Него смотрят теперь. Другие же будут испытывать при взоре на Него бичующую муку. Они в жизни своей пренебрегали Крестом Христовым. Они попирали Его, глумились над Ним, они гнали тех, кто возлюбил Крест Господень, и боролись с исповедниками Креста. Теперь они уразумели свое бессильное безумие и уразумели силу Креста. И это разумение будет самой великой печалью, какая может быть в сердце человеческом. И эта печаль еще печальнее от того, что она может никогда не пройти...

А все остальные печали наши от силы Креста Христова врачуются и оставляют нас. Все остальные печали привременны и мимотекущи. У них одна цель: привлечь нас к Кресту Господню, дабы мы во веки не разлучались с Ним.

В ХРАМЕ ПОСЛЕ ПРАЗДНИЧНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Пустеет храм. Приложившись к чтимым иконам, ушли из него последние богомольцы. Опустел клирос. Гаснут лампы и свечи. Я в алтаре закрываю Престол и замедляю свои действия. Я люблю оставаться в храме, когда кончится в нем праздничная служба и все люди, бывшие здесь, разойдутся по своим домам. Тогда мне кажется, что храм хранит

еще все молитвы бывших в нем христиан, как хранит он фимиам, оставшийся после каждения. Тогда храм бывает похож на богатую цареву палату, где был и еще не кончился великий торжественный пир, где было роздано столько драгоценных даров рукою Всещедрого Господина.

В это послеслужбное время я люблю оставаться в опустевшем храме, где еще не все догорели свечи, где слышатся чуткому уху отзвуки недавно пропетых здесь праздничных песнопений и произнесенных горячих молитв. В это время я чувствую, что души молившихся еще пребывают здесь. Я их ощущаю. Я чувствую тот мир и глубокое утешение, которыми они были преисполнены.

Кончилось богослужение наше, но не кончилось служение иного, небесного чиновачалия, которое сослужило нам и молилось с нами. Уши веры, чувство духа слышат и ощущают в это время то богослужение, какое совершает непрестанно небесная Церковь. И поэтому так хочется не уходить отсюда, опять молиться и молиться, опять сослужить той незримой простыми очами Церкви, которая сослужит нам в часы наших земных богослужений. Зачем и куда уходить отсюда? Только здесь земля святая, земля обетованная, которую многие ищут, но еще не нашли. Куда идти? Кто, кроме Церкви, может оживить умирающую душу, кто, кроме Церкви, может изгнать из сердца страсти и сотворить там от благодати Христовой великую тишину?

Как будто бы теперь в храме все немо, безгласно, но в то же время поют здесь душе бесчисленные хоры ангелов. Возносят опять на Престоле святительские руки Чашу Нового Завета. Сонмы святых Божиих нисходят сюда с горних высот и в смиренной

молитве склоняются перед трапезой Господней. Я чувствую в это время, как сливаются молитвы небесные с молитвами земными.

Сторож тушит последние светильники. Убирает аналой с иконой праздника и потом гремит ключами у западных дверей. Он ждет моего исхода. А я все медлю, не ухожу. Думы многие не пускают меня отсюда. Я думаю о том, как страшно потерять душе это святейшее единство с Церковью Христовой. Как ясно, почему враг научает неразумных ломать храмы и превращать их в гаражи. Как долго держится в душе память о благодати, полученной здесь.

В нашем городе был владыка, который многим душам сотворял милость, который любил служить в храме от искренней веры и чистой своей совести. Он ушел от нас навсегда. Уже прошло много лет, как враги Церкви связали и увезли его. Но в каком бы доме я ни был, благодать, данная им, говорит о нем. И до сих пор ходит везде в городе о нем много добрых рассказов. Без конца говорят о пламенности его молитв, о нежности его любви, о глубине души его, когда он жалел и милосердствовал несчастным. Так славны и нетленны дела Божии.

И я верую и ясно знаю, что души, вот теперь молившихся здесь в нашем храме, не могут уже жить одной житейской пошлостью, одною земною суетою. Превышний мир небес теперь везде сопровождает их. Духовные семена не тлеют, не подлежат уничтожению. Пройдет много лет, и они взойдут. Пройдут годы, и когда-нибудь молившийся здесь скажет: „Ах, как хорошо было в нашем храме. Я и теперь еще слышу, как пели тогда у нас певчие, как наставлял нас батюшка”. И долго будет хранить душа вос-

помянуть о том самом прекрасном, что ей дано было на земле Господом.

Собираюсь идти домой. Последний поклон кладу и еще раз смотрю внимательно кругом: на иконостас, на купол церковный, на солею. У иконы, чтимой всем приходом, Матери Божией „Взыскание погибших”, вижу стоящую на коленях и проливающую потоки слез женщину. Я подхожу к ней и спрашиваю ее о причине такого великого плача.

„Не смущайтесь, батюшка, — отвечает мне плачущая, — я плачу и лью слезы от радости. Я получила сегодня здесь такую великую духовную милость, что вся трепещу и не знаю, как благодарить Подавшего ее. Я не могу оторваться от чувства благодарности, поэтому не могу уйти отсюда. Я несколько раз отходила от этой святой иконы, чтобы пойти домой, но всегда какая-то сила удерживает меня и заставляет лить эти слезы и благодарить, и благодарить...”

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

В день престольного праздника ранним утром раздавался благовест. И стар, и млад, и велик, и мал — все спешили в храм Божий. Желавших петь собиралось так много, что на клиросе они не устанавливались. Пели сзади клироса. Необычайно суетился за церковным ящиком староста. Ради великого дня он был в новой поддевке тонкого сукна. Волосы у него были подстрижены, гладко причесаны и густо помазаны гарным маслом. Сегодня необычайный спрос на свечи. Все свечи, покупаемые у старосты, не могут сразу быть зажженными у иконы праздника.

Кучка их лежит на подсвечнике, дожидаясь своей очереди.

В этот день у нас в храме, как говорится, яблоку негде упасть. И можно, несомненно, утверждать, что многих волнует радость праздника, радость молитвы. Все совершается торжественно. Священнослужители облачены в пасхальное облачение. Сторож церковный Пронюшка прямо на полушубок надел стихарь и с великим средоточием и важностью зажигает паникадило. Певчие поют те напевы, которые считаются самыми торжественными. Очень серьезное дело — чтение апостола. Желающих читать его на престольный праздник всегда находится несколько человек, которые известны в приходе своими голосами. Окончательно определять кандидатуру чтеца приходится мне. На жертвеннике лежит гора поминаний. Читать поминанья мне помогают кузнец и благочестивейший старец Александр Ильич. На их лицах можно видеть в это время священный страх.

Совершается великий вход, и с амвона я вижу море голов. Когда мы спорим о нужности или не нужности престольных праздников, то мы забываем это море пришедших в храм. А мы ведь не для себя празднуем, но для них, со всех сторон собравшихся и преклоняющих ныне колена сердца перед Богом.

Иногда нам говорят: окончилась на престольный праздник литургия и окончился христианский праздник для того, чтобы дать место празднику языческому. Но справедливо ли сие утверждение? Конечно, есть на празднике пьяные, разгульные, но не все бывают пьяными, не все забыли Бога и Его Закон. Поздним вечером пройдитесь на престольный праздник по селу и посмотрите в окна каждой хатки. Не в одном доме вы тогда увидите в переднем углу

пред иконами зажженные лампы. Безглаголен их свет, но говорит вам о многом.

И еще в этот вечерний поздний час не в одном доме вы заметите творящих молитву, услышите псалмы и акафисты. В свой престольный праздник люди имеют нужду благодарить Бога за Его великие и богатые милости. Благодарить за урожай хлебный, за теплую избушку, за мирные дни. И еще благодарить за то, что Он дал радость праздника, послал в день его светлые, святые чувства.

Разметали, разрушили прежнюю жизнь, и в первую очередь церковную, злые ветры. Но светлая память о празднике престольном в христианских душах жива.

В городах, на заводах, в шахтах, во многоэтажных домах и в дальних сибирских краях можно теперь видеть прежних жителей российских сел и деревень. От отсутствия церковного влияния, от отсутствия проповеди Евангельской одеревенели души, ожесточились сердца, темнеет сумрак дней. Человек чувствует, что он куда-то спускается, и не может воспротивиться своему падению. Но вот, когда к такому человеку подойдет тот заветный день престольного праздника, бывшего в родимом селе, то он трепещет, погружаясь в драгоценные воспоминания. Может быть, такому человеку не будет возможности тогда внешне показать, что у него праздник. Но в этот день, отправляясь на свой вольный или невольный труд, он непременно глубоко вздохнет и вспомнит былое...

АКАФИСТ ЗАУПОКОЙНЫЙ

Кондак 1

Избранный Ходатаю и Первосвященниче мира грешного, о спасении нашем душу Свою положивый, даровавый нам область чадами Божиими быти и вселитися в невечернем дни царствия Твоего. Даруй прощение и вечную радость усопшему рабу Твоему (имя рек), о нем же с мольбою взываем Ти: Иисусе, Судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Икос 1

Ангеле хранителю светлый, Господом данный, прииди, помолися с нами о рабе Божиим (имя рек), ему же на всех путях живота его был еси спутником. Воззови с нами купно ко Спасу Всещедрому: Иисусе, не помяни грехов и беззаконий раба Твоего. Иисусе, уврачуй его язвы душевные. Иисусе, да не будет на земли горька память о нем. Иисусе, сего ради помилуй всех огорченных и озлобленных им. Иисусе, покрый его наготу душевную святоносною ризою, обагренною пречистою Твоею Кровию; Иисусе, возвесели душу раба Твоего милосердием Твоим.

Иисусе Неизреченный, велий и дивный, явися ему Сам. Иисусе, Судие всемилостивый, рай сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 2

Видя зле содеянныя в земном житии своем, душа преставльшегося разлучившися с телом, яко горлица безутешная над юдолюю земною реюще, со скорбию помышляет о содеянных лютых, о всех мимошедших днех жития своего, невозвратно, без пользы истекших. Но помилуй раба Твоего (имя рек), Владыко всемилостивый, да внидет он в покой Твой, зовуще: Аллилуиа.

Икос 2

Разумную тварь земную спасти восхотевши, подъял еси, Спасе, страшные муки, крест, смерть, гроб и во ад сходжение, да верей оного сокрушиши и изведаша от века сущия в нем узники. Видяще крепчайшую Твою любовь к нам, и мы любовь к заблудшему Твоему овчати движими, умиленно зовем: Иисусе, жизни подателю, даждь усопшему жизнь вечную. Иисусе, пресветлый, озари его светом Лица Твоего. Иисусе, призываяй всех во вертоград Свой, не забуди его. Иисусе, подателю вечных благ, подаждь ему радость вечную. Иисусе, Боже всемогущий, восстави первозданную чистоту души его. Иисусе, да умножатся в память его дела благая. Иисусе, согрей Твоею благодатию сиротствующия по отшествии его. Иисусе, Судие Всемилолюбивый, рай сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 3

Силы душевные имый немощны, узами же плоти быв связан, раб Твой впадше в грехи, обаче дух томляшеся по Твоей вечной правде и святости. Ныне, егда плоть его уже сковася гробным тлением, да вознесется душа его превыше солнца, к Тебе Всесвятому, и воспоет песнь избавления: Аллилуиа.

Икос 3

Имея богатство милосердия неизреченное, Петру, Твоему первоверховному Апостолу, в хладну ночь у огня трижды отрешемуся от Тебе, отпустил еси грехи его. Едине ведый человеческого существа немощи, прости рабу Твоему (имя рек) многочасная отпадения от воли Твоя святой молитвами зовущих Ти: Иисусе, за горькую муку падений прости его. Иисусе, всели его тамо, идеже несть заблуждений. Иисусе, избави его от тягостных терзаний совести. Иисусе, раздери навеки рукописание грехов его. Иисусе, не помяни грехов юности его. Иисусе, от тайных беззаконий очисти его. Иисусе, Судие Всемиловитый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 4

Бури жития земного мимоидоша, страдания земная окончишася, бессильны врази с их злобою, но сильна любви Твоя, Иисусе, избавляющая от вечного мрака и спасающая всех о них же возносится дерзновенная песнь: Аллилуиа.

Икос 4

Слыши, благий Иисусе, воздыхания, зриши слезы наша, их же проливаем, умоляючи милосердие Твое помиловати душу преставленного раба Твоего (имя рек). Обаче Ты без числа милосерднее нас, Ты Единый Избáвитель, приложити что убо возможем к подвигу Твоея спасающия любви? Яко Бог истинный, всемогущи еси, Иисусе, но и Тебе, всемогущи еси, Симон Киринейский помогаше нести на Голгофу заветый Тебе Крест. Такоже и ныне Благости Твоей угодно есть совершати спасение человеков не без участия присных, любовию зовущих Ти: Иисусе, Ты Апостолом Павлом повелел еси друг друга тяготы нести. Иисусе, Ты в жизни сей благоволиши помогати нам через посредство людей. Иисусе, Ты и по смерти нашей милуеши нас молитвами ближних. Иисусе, союз любви положивый живым и умершим. Иисусе, подвиги любящих да послужат во спасение рабу Твоему (имя рек). Иисусе, услыши его вопль сердечный, нашими устами возносимый; Иисусе, в слезах наших прими покаяние его. Иисусе, Судие Всемилолюбивый, рай сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 5

Боготечною кровию орошенный Твой крест слыша, Иисусе, предсмертное Твое воздыхание: „Совершишася”. С ним же дух Твой предал еси Отцу. Да будет же принят предсмертный вздох сокрушенный и раба Твоего (имя рек), яко мольба благоразумного разбойника. Раб Твой угасе на жизненном кресте, даждь наследовать и ему данное разбойнику обетование: „днесь со Мною будеши в рай”, идеже сонмы

омытых слезами грешников неумолчными гласами
вопят Богу: Аллилуиа.

Икос 5

Слыши и преклони, Иисусе, ухо Твое к молению
нашему. Нас ради распятие претерпевый, прости ра-
бу Твоему (имя рек), руце и боготочною Твоею кро-
вию омый согрешения его, любовьию же Твоею не-
изглаголанною согрей сирую душу его, молитв ради
зовущих Ти сице: Иисусе, видевый его издалеча, с
высоты креста Твоего, помилуй его. Иисусе, с кре-
ста Твоего простиравший к нему руце Твои, Отчая
объятия ныне отверзи ему. Иисусе, о прощении его
взываяй ко Отцу Твоему на Голгофе, прими его на
рамо, яко овча заблудшее. Иисусе кротца, умирав-
ший за него на кресте, умилосердися о нем. Иисусе,
смерть претерпевый, избави его от вечныя смерти.
Иисусе, воскресый из мертвых, воскреси грехами
умерщвленную душу его. Иисусе, Судие Всемило-
стивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 6

Проповедуя общее воскресение из мертвых, воз-
двиг еси Лазаря, Иисусе, да познаем, яко телеса на-
ша сном смерти токмо на малое время упокояеши
и паки возбудиши последнею трубою. Возбуди
же, благий Иисусе, в день он в прах рассыпавшее-
ся тело раба Твоего (имя рек), да паки в не обле-
ченные душа его изыдет в сретение Тебе, грядущего
на облацех небесных и восплет песнь праведных:
Аллилуиа.

Икос 6

Воссияя неприступный свет лица Твоего, Иисусе, рабу Твоему (имя рек), егда душа его освободится от уз плоти. Страх и трепет прииде на него тогда и ближние его далече от него сташа и токмо Ты, Иисусе, предстоял ему, востязуя ответ в делах и помышлениях его. Мы же грешные любовию к преставленному движими, молим Тя: Иисусе, любы превосходящая всяк ум, помилуй раба Твоего. Иисусе, помяни, яко раб Твой (имя рек) Твое есть создание. Иисусе, очисти скверны сердца его. Иисусе, не помяни беззаконий его. Иисусе, подаждь ему радость и покой вечный. Иисусе, Пастырю Твоих овец, причти его к избранному Твоему стаду. Иисусе, Судие Всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 7

Хотя спасти род человеческий от вечныя смерти, Человеколюбец Господь не измени древнего повеления Своего: „Земля еси и в землю отыдеши”, но благоволи отходящему в землю телу нашему даровати новую лучшую жизнь воскрешением оногo из персти земныя, да живет и тамо во веки поя Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Дивно милосердие Твое, благий Иисусе, разбойника бо на кресте покаявшегося, Петра трижды отвергшегося Тебе, гонителя Савла помиловал еси. Помилуй убо и душу раба Твоего (имя рек), аще убо и впадаше в прегрешения, обаче и покаяния Ти

приношаша. Мы же заповедь Твою, еже молитися друг за друга блюдуще, вопием Ти: Иисусе, егда забвенно станет на земли имя его, не забуди его. Иисусе, егда память о нем изгладится из сердец живущих, помяни его. Иисусе, егда в умах людей сотрется образ его, не остави его. Иисусе, егда веками времени уравнился холм могилы его, подаждь отраду сирой душе его. Иисусе, в немолчных молениях Церкви Твоя святая помяни имя его. Иисусе, да омыются прегрешения его приношением живородящая крови Твоя. Иисусе, предстательством Пречистая Твоя Матери и всех святых помилуй его. Иисусе, Судие Всемилостивый, рай сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 8

Странное чудо узреша ангели небеснии и сынове Адамли: Начальник жизни и Бог Истинный плотски сниде во гроб, да со славою от него восстанет и смертию смерть попраше, сущим во гробех дарует живот вечный, его же сподоби, Иисусе, раба Твоего (имя рек) и нас, поющих: Аллилуиа.

Икос 8

Весь быв плотию в нижних, духом же воспарив, тайнозритель Твой, Иисусе, Иоанн дивный, узре у престола Агнца Божия велие множество людей, облеченных в белые ризы. Сии суть, иже приидоша от великия скорби. Тии радостно служат Богу день и ночь, и Бог в них обитает и не коснется их мука. Иисусе, причти к ним и раба Твоего (имя рек). Иисусе, раб Твой в житии сем много и зле постраж-

да, помилуй его ныне. Иисусе, на земли живуще, раб Твой претерпé скорби много, даждь ему на небеси отраду. Иисусе, Ты вся véси, Ты véси вся горькия часы жития его, даждь ему радостно зрети доброту лица Твоего. Иисусе, напой его водою вечного веселия от райских источников Твоих. Иисусе, прослезивыйся у гроба Лазаря, отри всяку слезу от очей его. Иисусе, Солнце Правды, согрей его светом Лица Твоего. Иисусе, Судие Всемиловитый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 9

Вся привременная мимоидоша, странствию земному прииде конец. О, благодатного прехождения в мир духа! О, дивнаго созерцания новых, незримых миру земному ведей! О, небеснаго благолепия и красоты! Душа паки грядет во отечествие свое, идеже правда Божия светлейши солнца просвящает преподобными гласы поющия: Аллилуиа.

Икос 9

Витии многовещáнная, аще бо не токмо человеческими, но и ангельскими языки возглаголаша, величия Твоя, Господи, изрещи не могут. Аще токмо облистание божественныя Твоея славы на лице Боговидца Моисея ослепляше зрение человеков, то якова же есть светлости самого Лица Твоего, Свете от Света. Аще дело рук Твоих красно и добро зело, земля же со всею лёпотою ея отображает токмо сень некую Твоея неизглаголанная красоты и премудрости то яко Сам в Себе еси Господи! Иисусе Пресветлый, явися душа раба Твоего (имя рек) в сия-

нии кротце Твоя славы. Иисусе, не отврати лица Твоего от падшего создания Своего. Иисусе, взыщи его яко добрый пастырь овча заблудшее. Иисусе, огнем Божества Твоего попали грехи его. Иисусе, одейся светом яко ризою, подаждь ему ризу светлую. Иисусе, Женише небесный, не изрини его от чертога брачна. Иисусе, Судие Всемилоостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 10

Спасти хотя род человеческий от вечныа смерти, на кресте пригвоздил еси в рай дерзновенный Адамов грех, раздери убо, Иисусе, и рукописание согрешений преставльшегося раба Твоего (имя рек) и душу его, омытую Твоею Агнчею Кровию, ко Отцу приведи, да с сонми святых Ангел во веки поет Богу: Аллилуиа.

Икос 10

Царю Всесильный, Иисусе прещедрый, дщерь Иаинову, сына вдовича и Лазаря воскресивый, воскреси умерщвленную грехами душу раба Твоего, молитв ради Церкви Твоя святыа и нас умиленно поющих Ти сице: Иисусе, имей власть яко Бог, оставляти грехи, остави долги раба Твоего (имя рек). Иисусе, прости ему забвенная и стыда ради сокрытая согрешения. Иисусе, грехи немощи и неведения отпусти ему. Иисусе, сопричти его к благословенным Отца Твоего. Иисусе, совокупи его избранному Твоему стаду. Иисусе, в день воскресения да изыдет он в воскрешение живота. Иисусе, да не взалчется, ниже вжаждется он во веки. Иисусе,

Судие Всемиловитый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 11

Пение всеумиленное приносим Ти, Иисусе, да отверзутся преставльшемуся (имя рек) солнцеобразная врата Едема небесного, да зрящут его собори праведных и сонмы присных, любовьию крепкою возлюбивших его. Ангели же небеснии радостию да возрадуются о нем, поя Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Света и жизни Подателю, Господи, от дохновения Духа Твоего мир со всею лепотою его оживляется, цветы благоухают, многообразные злаки произрастают, деревья облакаются хитротканною одеждою, птицы многогласно воспевают величие Твое, неисчислимии сонмы различных тварей от сна возбуждаются. Ты, Владыко, из персти земныя к расцвету вечныя нескончаемыя весны имаше воскресити брэнную плоть нашу. Тогда убо озари и раба Твоего (имя рек) светом любве Твоея. Иисусе, в руке Твоей жизнь и смерть наша, даруй же живот вечный рабу Твоему. Иисусе, во очесах Твоих Свет любы призри на него милостивым оком. Иисусе, Избавителю наш, избави его от вечныя смерти. Иисусе, раб Твой усне, аки пчела пред хладною зимою, возбуди его к вечной жизни. Иисусе, оживи его, егда терние земли облечется цветами вечности. Иисусе, да не омрачится ничим же земным сон смерти его. Иисусе, радости наша и упование всех концов земли, возвесели его отпущением грехов. Иисусе,

Судие Всемиловитый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 12

Благодати подателю, Иисусе, Ты еси Царствие Небесное, Ты еси Земле кротких, Ты еси Обитель в дому Отца небесного, Ты еси Ниво новая, Ты еси Одевание и Венец праведных, Ты еси Упование всех святых, Ты еси Иерусалим светоносный, небесный, Ты Отца присно сущный Сын еси и Тебе слава подобает и пение: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще Твою благодать, величаем Твое человеколюбие, Иисусе. Ты бо изгнанному из рая человеку отверзл еси врата Едема небесного, идеже в тихих вертоградах неземная лѣпоты, в обителях светлейших солнца, благоухании райских цветов и во глазах радования небесных песнопений почивают омытыя Твоею Агнчею Кровию. Иисусе, облеку его сиянием славы Отца небеснаго. Иисусе, одеждою веселия одени его. Иисусе, просвети его озарением Духа Святаго; Иисусе, да прославит Тя и он с лики праведных. Иисусе, да узрит он Тя лицом к Лицу. Иисусе, Судие Всемиловитый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 13

О Всеблагий Иисусе, Женише Бессмертный, в полунощи греха и неверия грядый с небесе со святыми ангели Твоими судити миру, отверзи двери укра-

шенного чертога Твоего и рабу Твоему (имя рек) да и той с лики ангельскими и сонмы святых во веки поют Богу: Аллилуиа.

(1-й икос и 1-й кондак).

МОЛИТВА О УПОКОЕНИИ

Господи Иисусе Христе, Боже наш, повергаяся перед величеством славы Твоея, исповедуем превосходящее всяк ум милосердие Твое. Яко нас ради человек и нашего ради спасения крайнее истощание, страшныя страсти, плевания, заушения, крест и смерть претерпети благоволил еси, да нас свободиши страстей, вечныя смерти и геенския муки и да отверзеши нам райския двери, дерзновенным грехом Адама древле заключенныя. Ей, благий Иисусе, Твое есть еже миловати и спасати нас буди же до конца милосерд к падшему созданию Твоему и яко Бог Всесильный, Единый имеяй власть отпущати грехи человеком, прѣзри вольная и невольная согрешения раба Твоего (имя рек) и восстави его в день он не на муку, а на покой: объятія Отча отверзи ему и приими его в вечныя кровы, идеже празднующих глас непрестанный и бесконечная сладость зрящих Твоего Лица доброту неизреченную, идеже немолчно славится пречестное и великолепое имя Твое со Отцем и Святым Духом во веки веков. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
<i>ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦЕ, СПАСИ НАС!</i>	
Молитва к Божией Матери „Федоровская”	7
<i>СВЯТЫЕ ОТЦЫ И УЧИТЕЛИ ЦЕРКВИ</i>	
Из творений св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския	8
Преп. Арсений Великий, его изречения и нравственный облик	17
<i>ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ</i>	
Юродивый Иван Яковлевич Корейша. Сост. А. Киреев	60
<i>МУЧЕНИКИ XX ВЕКА</i>	
Священномученик высокопреосвященнейший митрополит Киевский Владимир	128
<i>ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО</i>	
Воспоминания пастыря	138
<i>ПРАВОСЛАВНАЯ ПАМЯТЬ</i>	
Акафист заупокойный	286

К ЧИТАТЕЛЯМ

После ареста в 1982 году основателя и долголетнего составителя сборников „Надежда. Христианское Чтение“ Зои Александровны Крахмальниковой дело ее жизни не заглохло, а подхвачено верующими людьми в России. Однако, ввиду неизбежных преследований, новые составители предпочитают не указывать своих имен.

Сборники по-прежнему распространяются в Самиздате в машинописном виде. Долг наш — российской эмиграции — облегчить распространение „Надежды“ в России, переиздавая ее за границей типографским способом и передавая верующим на родине.

Просим всех, кому не безразлично дело распространения духовной литературы, способствовать переправке „Надежды“ в Россию — путем передачи этих книжечек с верными людьми при поездках и пожертвованиями на ее издание.

Издательство

Сергей Левицкий

Очерки по истории русской философской и общественной мысли

Том 1-й от Киевской Руси до XIX-го века: *Киевская и Московская Русь. Первый церковно-идеологический конфликт. Восемнадцатый век. Ранние славянофилы. Западники-гуманисты. Западники-отрицатели. Шестидесятники. Русское «просвещение». Почвенники. Ф. М. Достоевский. Философия жизни и смерти у Л. Толстого. Идеология народничества. Владимир Соловьев.*

1983, 2-е издание 216 с. Большой формат 21 н. м.

Том 2 (XX век). В книге следующие главы: *Ближайшие последователи Вл. Соловьева · Русские панпсихисты · Народничество и ранний марксизм · Русский религиозно-философский Ренессанс и сборник «Вехи» · Инициаторы Ренессанса · Классики Ренессанса · Советский марксизм.*

1981 232 с. Большой формат 21 н. м.

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M. - 80

Русская национальная архитектура

Альбом рисунков с текстом
(русско-англ.)

**Автор текста, рисунков и
таблиц-факсимиле
канд. архитектуры В. С. Терехов**

**Оформление альбома и соучастие
в составлении текстов С. А. Зезин**

Содержание: Архитектура дохристианской Руси. — Деревянное зодчество. — Архитектура Киевской Руси X-XII вв. — Архитектура Владимиро-Суздальская X-XII вв. — Архитектура Новгородско-Псковская XI-XVII вв. — Архитектура Московской Руси XIV-XVI вв. — Архитектура Русского государства XV-XVII вв. — Кремли и монастыри. — Возрождение Русской национальной архитектуры (с середины XIX в. до 1917 г.) — Русская национальная архитектура XX века.

1983

130 с.

65 н. м.

Possev-Verlag, Flurscheideweg 15,
D-6230 Frankfurt a. M. - 80

